

КАУРАЙ

От заката
до рассвета

Александр Артемов

Его часто видели на полях сражений, но не в составе армий, проливающих кровь во славу Спасителя. Он одинок, холоден и носит повязку на правом глазу, однако во тьме от него не укроется ни одна душа. К седлу его кобылы приторочена летучая метла, магический череп и могущественный меч, который нельзя вынимать из ножен.

Он преследует Дикий Гон — скопище ведьм, виновниц гибели его друзей и исчезновения любимой женщины. Он — Каурай, выросший в зарослях мор-травы. Ее вкус до сих пор горчит его обветренные губы.

Но чтобы воплотить задуманное, ему позарез нужно умереть. И сделать это придется с огоньком.

Каурай. От заката до рассвета. Часть 2
Александр Артемов

Глава 1

С голыми пятками они пробежали недолго. На ближайшем хуторе мальчишкам удалось разжиться плохенькой, но прочной одежкой, так что усугубить свою простуду Игришу не удалось; так он думал поначалу. Не успели они перелезть через забор и дать стрекача, как по их следу пустили двух жутко злющих псов. Убежали мальчишки лишь чудом — речка спасла.

Несмотря на такую удачу, дорога им выпала отнюдь не легкая, и мокрые до нитки мальчишки угрюмо побрели дальше, надеясь высохнуть на ходу. Вот тут простуда Игриша разошлась как бешеная. Не успело солнце покинуть зенит, а постоянное сопение и чихание товарища до чертиков взбесило Милоша, и он шикал на спутника чуть ли не каждый шаг:

— Надо мне было оставить тебя в избе с теми чокнутыми ведьмами! Давай, иди быстрее, чего ты такой медленный?! Один бы я уже сто раз дошел, а то навязался ты тут на мою голову, клубень неотесанный!

— Ну и оставил бы... — бурчал себе под нос Игриш, пока они шагали по дороге, петляющей далеко впереди. Непонятно откуда и непонятно куда.

День уже клонился к вечеру, и вытянутой тенью Игриш наступал Бесенку на пятки, чем тоже выводил товарища из себя. На привале его бесило, что он ел слишком медленно, говорил слишком тихо и неохотно, не интересовался петушиными боями и игрой в лапту, по дороге ругался, что тот постоянно отставал и хлюпал носом, а также отказывался рассказывать про то, как он умудрился попасть в колодец, откуда его вытащил “тот горбатый хрен”.

— Слушай, может быть, ты вообще не хочешь идти со мной?! — взорвался Милош, когда Игриш не ответил на его седьмую реплику с последнего привала.

Мальчик на протяжении пары-тройки сотен шагов хранил упорное молчание, и, казалось, вовсе перестал слушать своего раздражительного спутника, раздумывая, где им предстоит провести наступающую ночь. Укладываться на голой земле прямо в поле или в лесу страшно не хотелось — он бы согласился даже на стог сена, если туда удастся зарыться с головой и не слушать болтовню Бесенка. Но округа как-то не радовала богатством, да и сено местные, страшась дождей и разбойников, смели с полей точно метлой, так что мальчишкам оставалось рассчитывать только на удачу. Повезет, если они наткнутся на какой-нибудь хутор или охотничий домик до того, как околеют.

— Тогда чего мы мучаем друг друга? — распаялся Бесенок. — Разойдемся в разные стороны, и ступай, ищи своего одноглазого приятеля!

— Зачем же мне торопиться?! — не выдержал Игриш. — Ведь ты даже не сказал, куда мы идем!

— Еще чего?! — задрал нос Бесенок. — Это ты просто за своим постоянным сморканием и сопением ни черта не слышишь!

— Ага, конечно, — хлюпнул носом Игриш. — Со своим постоянным ворчанием ты сам уже забыл, куда нас ведешь...

— Слушай, ты получить хочешь?!

— Нет.

— Ну, так и молчи!

— Вот видишь, ты только мне рот затыкаешь! А так и не сказал, куда ты меня тащишь!

— Разве я тебя куда-то тащу?!

Игриш устало махнул на него рукой и зашагал дальше по дороге, пока спутник продолжал ворчать на него, а окрестности одеваться сумерками. Каждый шаг он щупал свою находку — шкатулка колола ему бедро острой гранью, умоляла поглядеть на нее хотя бы одним глазком. Но Игриш решил, что он полюбуется ей позднее. Когда Милош уснет. Уж больно любопытно было — что за приобретение попало ему в руки? Он обязательно вернет ее Бесенку. Попозже. Когда тот чуть успокоится.

Становилось холоднее, и вскоре Игриш смог разглядеть собственное дыхание, облачками выходящее изо рта. Он прибавил шагу — ночевка на таком холоде не обещала ничего хорошего.

— Эй! — окликнул его Бесенок. — Ты куда это намылился, скороход?

— Темнеет уже, не видишь?

— И что?

— Как что? Замерзнуть хочешь? Нам надо быстрее добраться до хутора.

— Какого такого хутора? — с интересом воззрился на него Бесенок.

— Как какого? Какого-нибудь, где мы могли бы переночевать. Ты хочешь ночевать в лесу?

— Ни в какие хутора я не полезу, — покачал головой Милош. — И тебе не советую, Дураш.

— Почему это? — спросил он, пропустив обидное прозвище меж ушей. — Собак боишься?

— Неа. Людей боюсь. С собаками легче. С ними общий язык найти можно. Или сбежать.

— А с людьми чего нет?

— Тебе сколько лет, Дураш?

— Одиннадцать... И не называй меня Дураш!

— Оно и видно, — хмыкнул Бесенок. — Тепло нынче на хуторах — это правда, Гришик.

Но опасно.

— Чем опасно? Выгонят?

— Нее, — прыснул Бесенок. — И хорошо, если выгонят. Плохо, если собак спустят, но от собак оторваться можно. А вот от людей сбежать куда сложнее, если мы им приглянемся.

— Зачем... приглянемся?

— А вот затем! — воскликнул Милош и со всей дури врезался Гришу в плечо. Тот не ожидал такого поворота и полетел в траву. Бесенок был тут как тут — налетел сверху и наступил мальчику на щиколотку, заломив сустав под неправильным углом.

— Эй, ты чего творишь?! — завопил Игриш, когда тот начал давить на ногу, словно та была палкой. — Больно же!

— Нет, дружок, это еще не больно, — хохотнул Бесенок и чуть поднажал. Игриш задохнулся от резкой боли. — Вот сломаю тебе ее, тогда точно больно будет! И страшно. Вот и на хуторе также — поломают тебе ногу, а самого привяжут к бревну и будут собаками травить.

— Слезь с меня, дурак! — заверещал Игриш, но Бесенок уже отпустил его и отошел в сторону.

Темнело. Рыжее солнце почти укрылось за горизонтом, оставив путников одних в еле шевелящейся темени. А по сторонам ни огонька, ни просвета. Деревья покачивали лохматыми лапами да над головами мальчишек с криками носились припозднившиеся

птицы, дорога впереди пропадала во мраке.

— Зачем?.. — спросил Игриш помассировав ушибленную конечность. А если бы и вправду сломал?..

Но Бесенку было все равно. Он уселся на траву подле него и глядел на него как на полного идиота.

— Зачем им ноги ломать?..

— Как зачем? — удивился Бесенок. — Батраки им нужны. Дармовые. Посадят тебя на цепь и будут кашей кормить, а ногу сломают так, чтобы она срослась неправильно и ты точно никуда не убеж. Так и будешь у них на хуторе ножку подволакивать, им в хозяйстве помогать. Ты вот думаешь, как я к Горюну в услужение попал?

— Тебе чего ногу ломали?

— Нет, но Горюн грозился сломать, если я еще раз от него убежу. И сломал бы, если б меня обратно притащили.

— Они же тебя повесить грозились?

— А, — сплюнул он. — Лучше бы и вправду повесили. Я к этим мудакам возвращаться не собираюсь. Видал, что они со мною в конюшне сделали?

— Это... — захлопал глазами Игриш.

— А кто же еще? Или ты совсем ослеп от страха?

— Нет. Там темно было. И я только видел, как... кто-то набросился на тебя и начал душить, — сказал Игриш и его передернуло при одном воспоминании об этом. — Мне показалось, что это был... черт.

— Черти, они самые. Они это любят. Сначала напьются с дружками, а потом за меня возьмутся. Я уже хотел жаловаться идти, но дюже страшно.

— Чем же?

— Так, блин, Гриш, ну ты чего как маленький?! — разозлился Бесенок. — Не понимаешь что ли, что не поверит никто, что взрослый мужик такое может с ребенком сотворить?! С бабой еще куда ни шло, но пользоваться мальчишку... Да ну тебя! Еще и посмеются надо мной. Буду вечно с прозвищем ходить — ушибленным, вот как ты. Если буду. Я-то для них никто — полукровка, вшивый. Заделала меня моя покойная мамаша с каким-то похотливым шатранцем во время Запустения, вот мне на всю жизнь морока. Дерьмом последним меня считают, раз не пойми кто я — ни шатранец, ни феборец, ни пхейский, никто и звать меня никак, раз рожей не вышел. Вона Бесенком кличут, как котика какого-то. Надоем, и прихлопнут как муху. Один мне так и сказал — расскажешь кому, убью. И скорее всего той ночью он действительно пришел меня убивать, но не смог. То ли испугался руки еще и в крови марасть, то ли решил, что я дух испустил. Ну, чего молчишь?

— А чего говорить? — смутился Игриш. — Правильно сделал, что убежал.

— Вот, это другой разговор, — ухмыльнулся Бесенок. — Ты-то, если что не стесняйся. Мы тут люди понимающие. Сами не в сахаре живем. Если ты не хочешь к своему одноглазому возвращаться, ты так и скажи!

— Да иди ты! — смутился Игриш. — Каурай меня и пальцем не тронул за все время. Он спас меня аж четыре раза. А я...

— А чего ты? Благодарен ему что ли?

— Да... А ты бы не был благодарен что ли? Если бы тебя из самого пекла вытащили?

— Нет.

— Почему?

— С чего бы это? Он это чего от чистой души сделал? Или с умыслом?

— Не знаю... Какой тут может быть умысел?

— Это ты мне скажи, балда. Зачем этому хмырю спасать такого как ты? По доброте душевной — не верю! Взрослые ничего не делают просто так, только с расчетом. Все, что их интересует — это деньги, бабы и горилка, или моя задница на худой конец, и то, только потому что обычные девки их не интересуют. Природой обиженные они. Вот и твой одноглазый такой же — только ты пока сам не разобрался, к чему ты ему такой красивый спонадобился. Когда я тебя спросил — куда он тебя везет, ты мне что ответил?

— Не знаю...

— А он знает. Но от чего-то помалкивает. Зуб даю, ты ему нужен для какой-нибудь пакости. Ты же сам сказал, что он тебе не друг, тогда чего защищаешь?

— Просто... — проямлил Игриш. — Нельзя же так.

— А как можно? — напирал на него Бесенок. — Я же не вчера родился. Просто так только кошки рождаются. Так что Гришик, у тебя два пути. Либо всеми правдами и неправдами возвращайся к своему одноглазому — и жди, пока он не притащит тебя в избу к каким-нибудь людоедам, чтобы обменять тебя на лошадь, шубу или еще чего-нибудь в хозяйстве полезное. Либо пошли со мной.

— Куда? Куда с тобой?! Ты же ничем не лучше его — молчишь как пенек!

— Та недалече осталось, — загадочно проговорил Милош. — До лагеря топать.

— Какого еще лагеря?..

— Баюновых парней, чьего же еще? — закатил глаза Бесенок. — Али глупый совсем? Тут на Вольном Пограничье только два пути. Либо в одну банду — к Кречету и прочим гадам, охранять чулки Шкуродера и драть с местных в три шкуры. Либо к Баюну, в лес — к тем, кто мужиком вырос и не побоялся саблю в руки взять.

— Ты... — похолодело все внутри у Игриша. — Собрался податься в разбойники?!

— Ага, — кивнул Бесенок как ни в чем не бывало. — Хотел к ним на лошади приехать — своя лошадь это всегда хорошо. Раз есть лошадь, значит, ты не совсем дурак, раз сумел лошадь утянуть. Можешь вместе со всеми в набеги ходить. Да и бить кого саблей сверху сподручней, а до тебя и не дотянется никто. Но с лошадью мне как-то не повезло...

— Милош...

— Ну, чего Милош? — сжал зубы Бесенок, его сузившиеся глаза едва не пробили Гриша насквозь. — Куда ты предлагаешь мне податься? В казаки Кречета? Вылизывать жопу Шкуродеру и быть им подстилкой, пока у тех вставать перестанет? Или пойти побираться куда-нибудь в город. Кому я там нужен? Да и повесят меня за бродяжничество. На первом же перекрестке сцапают. Кто такой? Откуда? Чьих будешь? Ах, ничьих, так полезай на сук!

— Ты говорил, что у тебя тетка где-то...

— Говорил... Но я сам в это не очень-то верю. Да и сама она наверняка живет не лучше меня. Нужен ли ей еще один голодный рот? А может и нету вообще никакой тетки, выдумал я ее, померла она, не знаю... Всегда хотелось, знаешь ли, чтобы где-нибудь был кто-то, кому на тебя не насрать. Вот и тешил себя пустыми надеждами, а на деле... Одна у меня дороженька. Одна осталась.

— Пошли лучше со мной, — схватил его за руку Игриш, но тот со смешком одернул ее.

— Куда?! На Голодную гору собирать мухоморы? Не смейся. Снова становиться чьей-то собачонкой на привязи я не собираюсь. Особенного этого горбатого хмыря.

— Нет, я не про Каурая. Сеншес с ним, у него своя дорога. Найдем лучше мою сестру,

Маришку, она нам поможет. Я как раз собирался...

— Твою сестру? Ты не говорил, что у тебя есть сестра.

— А ты и не спрашивал... — опустил глаза Игриш. — Нам лучше встретиться с ней, чем искать по лесам разбойников и надеяться, что они тебя примут как своего...

— Примут, куда они денутся, — ответил Милош не очень уверенно, а как понял, что сплеховал, снова разозлился. — А если и не примут, так и Сеншес с ними! Сам организую свою банду из бедненьких и убогих и пушу им всем красного петуха! Будет у нас казацкая вольница, как было до Запустения, когда Вольное Пограничье было вольным не только по названию, и не правили здесь паны вислоусые, пропади они все пропадом эти твари мороженные!

— А ну кто тут хочет банду собирать? — неожиданно разразился окрик, и темнота вдруг загорелась огнями фонарей.

Не успели оба вскочить, как Милоша повалили на землю и принялись выкручивать руки, а Игриша ударом сапога отправили катиться по траве и тоже уселись сверху, пыхнув в лицо спертым духом табака.

— Ну-ка, кто тут у нас? — сбросили с фонаря тряпку и поднесли поближе к лицу Милоша, который едва не выл от боли — пара волосатых рук держала его за волосы и поднимала голову кверху. Смятая ведьминская шляпа лежала на земле, и по ней прохаживалась уже десятая подошва. — Ты, пацаненок, что-то про банду говорил, так?

— Пшел ты, пес! — взвизгнул Бесенок и харкнул в довольное, бородатое лицо. Его обладатель охнул и отступил, а когда вытер плевков, двое его приятелей всю топтали Милоша, словно тот был подушкой, набитой сеном.

— Может ты у нас будешь поговорчивее? — подошел казак с фонарем к Игришу, который распластался на земле, не смея даже пикнуть от страха. — Вы чего, сынки? Хотели к Баюну в страхолюдины податься?

— Нет, нет! — только и смог выдавить Игриш, у которого внутри все свернулось от ужаса.

— Как же нет? — хохотнул казак и сунул фонарь Игришу прямо в лицо, от чего он зажмурился и застонал. Жар от него исходил иссушающий. — Мы ясно слышали, как вы тут обсуждали всякое про Кречета, про пана воеводу, про Баюна... И у нас сложилось впечатление, что хотите вы к нему помощниками наняться? Так ли? Как ты там назвал нашего пана? Шкуродер, да?! Али оглох я со старости? Ну, чего молчишь?

— Да чего с ними разговаривать, Ермей? Понятно все с ними — беглые они. Надоело руки мозолить, вот и решили с разбойничками подружиться. Это, как говорит пан Кречет, спускать не можно. Плетей им всыпать!

— А чего ж только плетей? — убрал казак горячий фонарь, выжигающий Игришу глаза. — Я бы повесил наглецов за разбой, раз уж они себя в банду определили. Чего ждать? Или уж на кол. Слышал, нынче во дворе Крустника эта древняя традиция в страшном почете. И красиво, и другим наука — как с разбойниками дружбу водить. Согласны? — обратился он к мальчишкам, лежащим пластом у своих ног. — Ну-ка, поднимите-ка их, хлопцы, хочу я в глаза их бесстыжие поглядеть.

Обоих рывком поставили на ноги, держа скрученные руки за спиной. На Милоша было больно глядеть — кровь и синяки были повсюду. Казачьи сапоги не жалели мальчонку.

— Этот, кажись, вообще уже ничего не соображает, — махнул рукой Ермей. — Ишь как развезло! Еще плеваться будешь, вообще шкуру спустим. Бери пример с твоего дружка — он

как шелковый. Ну-ка иди сюды, — потянулась его лапища к Игришу и схватила его за воротник. — Хотели записаться к Баюну?!

— Нет... — сглотнул Игриш и тут же осекся, — я его отговаривал!

— Ага, значит, все-таки хотели, но тут в одну из черепушек постучались мозги, — довольно кивнул Ермей удачному проведению допроса. — Значит, у нас тут только полтора разбойника. Хорош! Молодец, что признался.

— Гриш... — замычал Милош, но тут же получил удар по дых и сложился пополам.

— Тихо! — прикрикнул на него Ермей. — Не велено тебе пасть раскрывать, щенок. Мы с твоим дружкой беседу ведем! Что ж, малой, дело ясное — два пострела решили сбеч под крылышко Баюна, но тут у одного поджилки затряслись сразу с головой в омут прыгать, и вышла у них небольшая дискузия, так? Так! Ну что ж. За это пусть будет тебе ингульгенсия, как вовремя одумавшемуся. Тебя мы просто выпорем по самое не балуй. А этого...

Игриш до хруста сжал челюсти и взглядом полным отчаяния поглядел на Милоша, который мешком висел в руках казаков, едва держась на своих двоих.

— А этого, пожалуй, и повесить можно, — удовлетворенно кивнул Ермей. — Пусть подрыгается, малек. Подумает, как по округе ураганить, баб вдовами делать.

— Он ничего не сделал! — зашелся Игриш криком, сам испугавшись своей смелости, и попытался вырваться из рук казаков. — Отпустите его!

— Ну, — надул губы Ермей, и с обеих сторон на Игриша посыпались тумачи. — Чегс тоже на сук захотел? Передумал исправляться? За разбойника вступаешься? Ай-ай-ай, малец. Тогда висеть придется тебе!

Перед глазами мальчика все поплыло, и на мгновение он снова увидел перед собой тот богато убранный шатер с коврами, резным столом и Богдана залитого кровью. Страшно избитого парня волокли за полог, где ряд за рядом высились остро отточенные колья.

А Игриш был настолько труслив, что побоялся даже посмотреть, как его друга поднимали к небу, насадив на один из этих чудовищных колов. И снова глаза заполнили слезы, и снова он изо всех сил зажмурился, отсекая ведение алой пеленой.

— Давай уже кончать обоих, Ермей, надоело! Чего потом с этой швалью делать? Кормить его будешь и жопу ему вытирать?

— И впрямь. Подвесь-ка этого, защитника, — больно ткнул Ермей пальцем Игриша в живот. — Пусть покачается немножко, раз смелый такой. Мы с ним по-хорошему хотели обойтись — только жопу ему разрисовать, как следует. А он — ишь какой!

Игриша подхватили две пары жестких лапиц и куда-то потащили. Зубы его стучали, слезы заливали глаза, а из груди рвалась мольба о пощаде, которая, однако, так и не слетела с его губ. Отчего-то в его голове зажглась мысль, что он это заслужил — болтаться на суку вместо Милоша. Присоединиться к Богдану, с которым он должен был разделить участь еще тогда, в лагере Крустника. Или даже еще раньше, в том колодце — ему следовало утонуть вместе с Маришкой. Но Игриш оказался слишком труслив, чтобы просто умереть. Он зачем-то пытался держаться на плаву, выжидая, когда же Каурой откроет крышку и вытащит его на поверхность, чтобы...

Чтобы что?.. Это никогда не приходило ему в голову. Он был слишком бесполезным, глупым и безучастным слизняком, и не мог честно ответить на этот вопрос. Только Маришка знала ответ — зачем он вообще выбрался из этого проклятого колодца...

Веревка на лодыжках натянулась, больно впиваясь в кожу, и свалила Игриша лицом в траву. Не успел он сплюнуть, как казаки навалились на веревку, и мальчика протащило по земле. Еще пара рывков, и он взмыл в воздух.

Земля завращалась вокруг своей оси, качнулась над головой, словно не Игриша, а земную твердь подвесили на дереве и крутят как шарик на ниточке. Рубаха немедленно задралась на голову, на мгновение лишив Игриша возможности наблюдать за собственной казнью, но подскочивший казак стянул ее и бросил тряпку на землю.

— Ну, хорош, — похвалил Ермей работу товарищей. — Как думаете, братья? Если он повисит так пару деньков, в голове у него все прояснится? Или токмо кровь из ушей польется?

— Польется, пан Ермей, обязательно польется!

— Так, — упер руки в широкие бока казак Ермей и повернулся к Милошу, который все глядел на качающегося на ветке Игриша. — Теперь ты нам скажешь, куда ты, вша зеленая, этого дурика тащил? Иными словами, рассказывай, где вся шантрапа баюнская собирается?

Чтобы Милош думал быстрее, державший его казак схватил мальчика за руку и так резко рванул плечо, что он от неожиданности взвизгнул, почти как девчонка.

— Ты мне не убей его только, — зыркнул Ермей на переусердствовавшего казака. — Он еще балакать должен.

— Извиняй, дядька...

— Ну-с, чего молчим?

Время текло. Милош хлюпал разбитым носом и глотал слезы, но не вымолвил ни единого словечка. Что очень не понравилось Ермею:

— Крепкий, ишь! Видно, наоборот, — недобрал ты чутка. Не пробрало ни капли. А ну...

Снова Милош зашелся в крике, когда дрожащую руку начали выворачивать из сустава, пока он корчился на земле и рыдал в голос. Игриш тоже хотел закричать, но тут получил сапогом в зубы и закачался на ветке как маятник.

— Эй, а это что? — кинулся казак поднимать нечто, лежащее прямо под головой Игриша. У него уже искры сыпались из глаз, и мальчик едва понимал, где верх и где низ, что вообще творится, и зачем казак ползает в траве.

— Что там? Дай сюда! — поднял руку Ермей. Его пальцы сомкнулись на небольшой шкатулке, поверхность которой сверкала серебряными молниями.

— Ух ты, какая цацка! — поднял Ермей довольные усы и сунул шкатулку Милошу под нос... — Знакомая? Вы такой расписной ларчик, видать, на дороге нашли? Или ветром надуло?

При одном взгляде на шкатулку Милош мигом округлил глаза и зашелся кашлем, обрызгав вещицу парой капель крови из разбитого носа.

— Вижу, что узнал, — хмыкнул Ермей, схватил Бесенка за волосы и прокричал тому в ухо: — Все еще молчим?! Откуда шкатулку украли, черти? Баюну ее, поди, несли, как подарок?! Говори, где он окопался, мразь воровская!

— Может нам этого пощекотать? — ткнули пальцем в качающегося Игриша.

— Думаешь, этот знает?

— Едва ли, но если мы с этого шкуру сдерем — ничего не потеряем, а у молчуна развяжется язык.

— Ой, ты голова, Вострый! Голова! — похлопал Ермей своего товарища по плечу. — Дай-ка сюда нагайку.

Даже воздух, казалось, затрясся от жуткого ожидания, когда звонкая плеть взвилась змеей и начала раскучиваться в руках Ермея, грозясь в следующий миг впиться мальчику в грудь и оставить на нем рваную рану. У Игриша сперло дыхание, пока он как замороженный следил за нагайкой, которая вращалась и вращалась в звенящем воздухе. На очередном витке он зажмурился, оставаясь наедине с этим мерзким звуком и шумом собственной крови в ушах. Отчего-то он был свято уверен, что после первого же удара душа мигом вылетит из него вослед поднявшемуся дикому свисту.

Но вместо Игриша от боли закричал сам Ермей.

Мальчик раскрыл глаза и увидел, как тот падает на колени, прижимая к животу руку, навывлет пронзенную стрелой. Разом туча стали покрыла поляну и изрешетила казаков, свалив двоих на месте. Двое других повыхватывали сабли, но не успели они понять, откуда по ним сыплются стрелы, как из темноты на полном ходу вылетела рогатая бестия и с одного маху рассекла буйный лоб. Его товарища она сбила с ног копытами и едва не растоптала в кашу. Казак с воем покотился по земле, вскочил, но тут другой мохнатый бес на лихом коне свалил его росчерком сабли и, пропустив мимо ушей мольбу о пощаде, рассек тому плотку. Брызнула кровь — чубатая голова булькнула и повисла над окровавленной грудью.

Стоило только звону стали утихнуть, как поляну заполнили бесы на лошадях. Чиркнули кресалом, прогоняя темноту светом факелов, и оглядели поле скоротечной брани, на котором из живых остались лишь четверо.

Бесенок распластался на спине, придавленный телом Вострого, которого поразили первым прямо в затылок. Не спеша он выбрался из-под недвижимого трупа, подхватил пыльную шляпу и пополз к Ермею. Подвывая, тот сидел на коленях и баюкал окровавленную руку, у него из спины торчало две пернатые стрелы. Казак рядом еще шевелился, стонал, пытаясь вытянуть стрелу из живота, но в кулаке осталось лишь пустое кроваво-красное древко. Их товарищи не дергались, остывали и исходили кровавым потом.

По пути Бесенок прихватил чудную шкатулку, выпавшую из рук Ермея, сунул ее в карман, а следом вытащил из чьих-то судорожно сжатых пальцев саблю. Он бы точно вспорол брюхо раненому Ермею, но руку мальчика вовремя перехватил спешившийся рослый черт в рогатом шлеме.

— Не спеши, малец, — оскалился он в вислые усы, обнажая пару заостренных клыков, и отобрал у Бесенка саблю. — С этим мы еще побалакаем. Ты, иди, снимай своего дружка с ветки.

Милош угрюмо глянул на него, сплюнул кровью и послушно поковылял к дереву, натягивая на брови ведьминскую шляпу.

— Милош... — простонал Игриш, у которого жутко кружилась голова, а кровь прилиwała к вискам. Если бы у него в животе было что-то кроме воздуха, его наверное вывернуло бы наизнанку.

— Чего?..

— Ты не бросай веревку, когда развяжешь узел.

— Руки подними и лови землю.

— Не бросай ве...

Но тут земля сама кинулась навстречу Игришу. Если бы он вовремя не подставил руки и не перекувыркнулся, лежать бы ему со сломанной шеей и глядеть пустыми глазами в небо. Но в отличие от казаков Ермея, отделался он лишь шишкой на макушке. Милош с довольным видом прошагал мимо, похлопывая руками о штаны.

— Милош... Ты знаешь их? — прошептал ему Игриш, страхась любого ответа на свой вопрос.

Тот лишь поджал губы и кивнул. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понимать чьих будут эти ребята со шкурами на плечах и в рогатых шлемах.

Страхолюдины разбрелись по поляне, обирая трупы и пуская кровь еще дышащим казакам. Но с Ермеем решили не спешить. Его повалили на землю, пинали сапогами и дергали за усы, посмеиваясь каждому беспомощному вскрику. Один разбойник изловчился и выдрал стрелу из ладони — струя крови щедро оросила траву меж ног казака, а сам он заревел как раненый медведь.

— Ермей, старый мой дружище, — ударил себя в грудь здоровяк в рогатом шлеме. — Как дела у Кречета? Много ли голов нарубил? Надоело лить кровь стариков да баб, за детвору взялся?

Ермей в ответ только промычал нечто невразумительное — меж распухшими, лопнувшими губами пенилась кровь, во рту вместо зубов зияли дыры. Тогда черт с хищной ухмылкой вампира опустился на колени и сграбастал казака за длинный чуб.

— Напомнить, как ваша ватага брата моего кошмарила? Только за то, что он отказался воеводинские поборы выплачивать? — сощурил он несколько косящий глаз и встряхнул голову Ермею. — А мы-то тут все помним! И плетки тоже хорошо запомнили. Он и жинка его с детишками, сохрани их Спаситель на том свете.

Ермей зло скрипнул остатками зубов, но чуть приподнял голову, словно пытаясь выговорить нечто тому на ухо. И когда клыкастый мучитель чуть склонил рога, чтобы расслышать едва слышимый говор, казак харкнул ему в харю густой своей кровушкой.

— Вот тебе мой ответ, гниль Баюнская! — гаркнул ему Ермей сквозь выбитые зубы. — Вор твой брат был, Коляда, и подход он как вор. Вор и мошенник, удумавший положенный налог в землю закапывать, а еще и вас, подонков, по подвалам прятать. Взял бы и загрыз бы

тебя на этом месте, гнусный кусок дерьма!

Но Коляда только размазал липкую кровь по усам и весело рассмеялся. Не успел Ермей снова разлепить окровавленные губы, как разбойник залихватски вытащил из-за пояса зазубренный тесак и ударил Ермея прямо по лбу. Казак охнул и затрясся — из пробитого черепа фонтаном хлынула кровь.

В тот миг, когда Коляда снова шарахнул тесаком, и голова казака раскрылась словно арбуз, Игриш бессильно сложился пополам. Выворачивало его долго — намного дольше, чем убивали Ермея.

* * *

На ночевку страхолюдины не остановились. Обобрав мертвецов и развесив их обезображенные тела на том же дереве, где чуть раньше казаки собирались вешать мальчишек, разбойники вскочили в седла и тронулись в путь. Мальчишек усадили в седла казачьих лошадей, которых забрали неподалеку, и потащили за собой на поводу.

Когда они оставили поляну, устланную темными холмиками, с неба на них посыпались снежные хлопья, заставив страхолюдин испуганно зашептать молитвы, пару раз осеня лоб Пламенным знаком. У Игриша и вовсе душа в печонки ушла. Снег летом? Что дальше — деревья поскачут за ними как зайцы?

Месили грязь они всю ночь, держась нехоженых троп, то шагом, то подстегивая скакунов легкой рысью. Поездка показалась Игришу непереносимо долгой и тяжелой — он едва не валился из седла от усталости, голода и холода, но не смел вымолвить ни словечка, страшась одной тени своих рогатых пленителей. Ветки секли его по щекам, смахивая слезы и заставляя его жмуриться от боли. Но он молчал.

Из седел страхолюдины повылазили только под утро, и то лишь для того, чтобы наскоро проглотить пустую кашу с хлебом, запить ее горилкой и вновь вскочить на лошадей. Игришу совать в себя пищу было сродни пытке — потом она не раз и не два просилась обратно.

Прожевав скудный завтрак, они снова были в пути, и в очередной раз мальчик глотал слезы не в силах понять, куда его везут и зачем. Но и Милош помалкивал.

Когда они в очередной раз остановились и сползли на землю, Игриш было решил, что им снова придется уныло жевать какую-то жесткую дрянь, но из-за припорошенных снегом кустов внезапно показались какие-то хмурые, бородатые люди в заношенных зипунах и принялись отвязывать казачьих лошадей.

— Наколядовались поди? — встретил их невысокий седоусый мужичок в распахнутом башлыке. Его левую вскинутую бровь и перебитую переносицу пересекал старый шрам, едва разминувшись с глазом. Правой руки у разбойника не было по локоть, пустой рукав он завязывал узлом.

Милош с Игришем проворно прыгнули на землю, но мужичок не дал им и шага ступить, чтобы размять ноги, затекшие в бесконечной скачке. Осмотрел обоих с головы до пят и вопросительно цыкнул языком:

— Эти кто такие будут?

— У банды Еремеевой отбили пацанов, — кивнул из седла Коляда, сверкнув клыком. — Негодяи хотели вздернуть, сироток. Но мы их самих пощелкали как зайцев.

— Эво как?! — удивился однорукий разбойник. — А чего сам Ермей?

— Голову ему расквасил, старому черту.

— Жалко... А пацанов зачем привез?

— Так они сами к нам в ноженьки — и просят, чтобы их с собой взяли. Не откажешь

же? К тому же, считай, благодаря этим поганцам мы шестерых скакунов взяли и оружие!

При этих словах лицо Милоша посветлело — насколько этому позволяли распухшие синяки и кровоподтеки, и он чуть ухмыльнулся:

— Я лошадь вам вез. Только довести не смог... Кречет помешал.

— Кречет — старый лис, — хмыкнул однорукий. — Много из нас кровушки попил. Но лошаденку и я бы тебе увести не дал...

Не успел он договорить, как Милош повернулся спиной и принялся стаскивать с себя рубаху.

— Ох, ты! — засмеялся разбойник при виде его худенькой спины — всей изрезанной бледными, тонкими шрамами. — Какой ты расписной? Это все Кречетова рука?

— И не только...

— Видать, ты знатный шалопай! Ближко с Кречетом знаком?

— И даже слишком. Старику постоянно было от меня что-то надо, как будто он мне тятка какой.

— Ты, Берс, проводи их к вашему толстяку. Кто знает, может, они и сгодятся для чего. Не отпускать же их. — Коляда пожал плечами и умчался, оставив мальчишек на попечение своему однорукому товарищу.

На плечо Милоша мигом опустились крепкая рука. Игришу досталась кулья в рукаве. Следом обоих, не дав перекинуться ни словечком, повели куда-то по еле заметной тропке. Лошадей к тому времени и след простыл.

«Не отпускать же их», — гремело в ушах Игриша всю дорогу до землянки, сокрытой глубоко в чаще.

* * *

Если бы не столбик дыма, которым пыхтела землянка, Игриш, скорее всего, не заметил бы в буреломе ни частокола, заросшего колючкой, ни вытянутого холма, желтеющего лишаем и напоминающего перевернутую ладью.

За дверью было темно хоть глаз выколи, так что по крутым ступенькам, устанным деревяшками, они спускались практически наощупь. Топилась землянка по-черному, так что от дыма у мальчишек очень быстро заслезились глаза — еще до того, как они привыкли к царившему полумраку и смогли разглядеть хоть что-то, кроме пары огоньков от лучин, скупо освещающих длинный, щербатый стол, заставленный стаканами и бутылками. Немного проморгавшись, Игриш разглядел длинные ряды пустующих полотей и лавок, пропадающих в жаркой тьме.

— Кого это ты там притащил? — заворчали простуженным басом и зашлись в лающем кашле, распугав по углам с десятков воюющих кошачьих хвостов. Игриш почувствовал себя очень неуютно в этой душной берлоге, пропахшей луком и кислым пивом. С превеликим удовольствием он вышел бы на воздух и всласть проблевался той зеленой жижей, которую он выхаркивал, когда Коляда рубил Ермея как хряка.

— Да, вот новенькие, — хмыкнул Берс, пока хозяин пытался справиться с недугом, и подвел обоих к столу. — В леса решили податься.

Когда кашель застрял в разбуженном горле, на стол опустился тяжелый том в кожаном переплете, страницу заложили длинным и тонким кинжалом. Коты осторожно выходили из укрытий, с интересом ощупывая новеньких с ног до головы неприятными разноцветными глазенками.

— Мелюзга? Так пристрой их навоз в конюшне кидать, чего ты их сюда-то притащил?!

— Этот, говорит, знакомец Кречета, — хлопнул Берс Милоша по плечу.

— Да? — с интересом заблестели два пожелтевших глаза, когда над столешницей нависла громадная бородатая туша. Хозяин землянки воззрился на смуглившихся мальчишек, хмурия сросшиеся брови. — Это хорошо, если и вправду знакомец. Плохо, если врет. У нас тут не ясли.

— Мы не врем, — сглотнул Милош, исподлобья поглядывая на этого исполинского медведя, который своими телесами занимал чуть ли не половину широкого стола. — Прими нас в свою артель, дяденька Баюн! Нету моченьки с этими козлами житуху водить!

В ответ землянка разразилась взрывом безудержного хохота, загнав банду котов обратно под лавки. Огромная туша забилась, словно в падучей, пытаясь выплюнуть из себя остатки смеха вместе с проснувшимся приступом сухого кашля. Сруб при этом чуть не ходуном ходил, и если бы стены не врыли чуть не по самую крышу, лежать бы ему сейчас на боку от такого веселья.

— Годиков-то тебе сколько, малец? — хмыкнул медведь, отдышавшись. — Не мал ли еще по лесам бегать, жизнь свою ребячьё губить?

— Двенадцать, — буркнул Милош. — Нет, дяденька Баюн, в самый раз!

— А звать вас как?

— Милош!

— Гриш...

— Ну что, Милош и Гриш? До смерти надоели дядьки с мамками, что вы от них решили в леса к разбойному люду податься, а?

— Нет, — покачал головой Бесенок. — Нет у нас никаких дядек, ни мамок. Одни мы на целом свете.

— Так уж одни?

— Ага, — хлопнул носом Милош. — Меня в ученики к кузнецу Кречет определил, но плохо мне у него было, вот я и убег.

— К кузнецу? — удивился Берс. Присев на лавку в углу, он едва не задавил серого кошака, который с визгом юркнул к печке. — Уж не к Горюну ли?

— Ага, к нему, проклятому.

— Хах, — прыснул медведь так, что землянка вновь чуть на бок не вскочила. — Горюн-то известная мразь. Да и еще, как говорят, педараст. Только руки у него золотые, за то его Шкуродер и терпит. Эх, надо было мне ему спину сломать, когда была возможность.

— И тебя, такого маленького, к этому мерзавцу?

— Ага.

— Подлецы, а? А еще Кречет все Горюна покрывает! Как будто он брат ему какой...

— Может и брат, кто ж его знает, — сложил руки на столе хозяин землянки — затянутых в черные, кожаные перчатки. На кончиках коротких, обрубленных на одну фалангу пальцев Игриш разглядел набойки в виде заостренных железных ногтей. — Ничего, самому Кречету недолго осталось за ними следы подметать... А этот чего молчит? Слышь, как там тебя?

— Гриш, — неохотно отозвался мальчик, отрывая глаза от поблескивающих металлом ногтей.

— И тебя чего тоже обидели? — спросил Берс.

— Его вообще в колодец закинули! — вклинился Бесенок.

— Неужто? Не врешь?

— Нет, — покачал головой Игриш. — Я с сестрой там всю ночь просидел.

— С сестрой, ишь как? А где она, сестра-то?

— Умерла.

— Жаль... Звали-то ее как?

— Маришка.

— Знавал я одну Маришку когда-то давно... Эх, черти, совсем стыда нету.

— Вот что, мелюзга, — поднялась туша из-за стола и накрыла обоих густой тенью. —

Правду вы говорите или нет — это уже неважно. Обратной дороженьки у вас все равно больше нету. Тут, или с нами — делать все, что приказано, в огонь — значит в огонь, в воду — и без разговоров; или, уж извиняйте... Лишние рты нам тут не нужны.

— Мы не будем лишними! — воскликнул Бесенок. — Я вам такое могу про шкуродерский острог порассказывать, попадаете. И в седле я держаться умею! И кузьнечить могу! Немного...

Медведь снова захохотал и затрясся, снова распугав бедных котов. Игришу показалось, что он сейчас рухнет на пол от смеха.

— Этот парень мне нравится! — зажегся он кривоzubой ухмылкой, перегнулся через стол и тяжело хлопнул Милоша по плечу, что тот едва устоял.

— Поглядим, — спокойно кивнул Берс. — Значить, пока за лошаденками нашими походите, за хозяйством последите. Бабке Ключонье в помощь, одной ей за таким хозяйством не уследить — старая она уже на всю эту ораву головорезов. А там видно будет.

С этими словами он вывел обоих из землянки и пристроил к делу.

Арсенал у пана воеводы оказался на загляденье — глаза рябило от блеска всевозможного оружия и кольчуг, любых форм и размеров, однако, ничего лучше его притертых бронь и испытанных в боях игрушек Каураю отыскать так и не удалось.

Примостившись у него за спиной, Кречет нахваливал каждую железку, за которую хватался одноглазый. Не выпавшийся серолицый интендант зевал несколько поодаль и нервно позвякивал связкой на железном кольце, неодобрительно поглядывая на чужака, который расхаживал по панскому арсеналу как у себя дома. Такая связка могла служить неплохим подспорьем — дай только размахнуться.

— С бесами поди обычным железом не справишься? — спросил Кречет, когда одноглазый забраковал очередную добротную саблю.

— Смотри с какими... — загадочно проговорил тот, и схватился за новую рукоять, но, повертев клинок в руках, сунул его обратно на стойку и шагнул к следующей.

— Заговоренная у тебя поди сабля была? — все не отставал Кречет. — А тут железо обычное, пусть и денег и трудов немалых. Половина тут — горюнова работа.

— Того рыжего здоровяка?

— Ага, — качнул усами голова. — Человек он своеобразный, но руки у него на зависть. Его сам воевода привечает за талант к кузнечному делу. Он живет за околицей, почти у самого леса. Тута у нас есть свой кузнец, добротный, пусть и не такой умелый как Горюн, но свое дело знает.

— Повезло, раз в округе есть аж два добротных кузнеца, — пробормотал Каурай, взвешивая меч в руке. Баланс действительно был неплох — не ровня, конечно, умельцам столичных гильдий, но тоже весьма похвально. Не ожидал он встретить в эдаком захолустье оружие хорошейковки. Когда воевода заявил про арсенал, одноглазый грешным делом подумал, что выбирать придется из десятка и одного копья да парочки сабель, выкованных из болотного железа. Однако, переступив порог арсенала и столкнувшись со стойками, ломившимися от железа на любой вкус, он даже присвистнул от удивления.

И проторчал в полумраке уже Сеншес знает сколько, при страшном недовольстве и постоянном ворчании интенданта. «Разборчивый, зараза!» — читалось в его хмуром взгляде.

Наконец в руке одноглазого задержалась длинная сабля, которой можно было орудовать как одной, так и двумя руками. Каурай рассек ею воздух, проверил баланс, повертел-покрутил, заставив интенданта несколько раз зашипеть от недовольства и удовлетворенно сунул в ножны.

— Ну, наконец-то! — выдохнул интендант, громыхая своей связкой. — Забирай все и выметайся к Сеншесу! Я запираю буду.

— Не спеши, добрый человек. Мне еще понадобится десяток другой штыков.

— Штыков? — поднял бровь интендант. — Ты чего собрался роту вооружать?

— Дай уже, что просят, и не ворчи, — одернул ворчуна Кречет. — Приказ воеводы, сам слышал. Вооружить его должен, как самого пана.

— Копье в зубы, щит и кольчугу, чего еще надо казаку?! А то вишь, привередничает в панских закромах...

— Казаку нужна связка штыков! — поторопил его одноглазый. — И колчан болтов в придачу. А лучше два. Я сам выберу.

Интендант шумно вздохнул и забурчал что-то себе под нос, но все же помог отыскать все необходимое. Когда они закончили сортировать болты и штыки — интендант чуть не позеленел, когда одноглазый отобрал только самые лучшие — снаружи давно рассвело и по двору расплывался вязкий, утренний туман. Кречет выглянул наружу и долго высматривал что-то в молочно-белой поволоке, пока Каурай расписывался в журнале, а потом взваливал громахающий узел себе на горб. Интендант застыл рядом, сложив руки не груди, и даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь одноглазому избавить арсенал от добра.

— Не бойсь, добрый человек, — кивнул он интенданту, прежде чем покинуть арсенал. — Обещаю, что если мне удастся пережить следующие две ночи, то я верну все в целости.

Тот только хмыкнул ему вслед.

— Готово, — подошел он к Кречету. И не успели они оказаться во дворе, как за их спинами тут же захлопнулась дверь, загремели засовы, защелкали замки.

Строптивый интендант со своей хмурой рожей волновал одноглазого в последнюю очередь. После бессонной ночи в компании черта он чувствовал себя прескверно, и у него было одно желание — отправиться обратно в пустую хату Перепелихи, чтобы смыть с себя усталость, а то и вздремнуть немного. Право, другой возможности могло не представиться.

Однако в этот час у стен Замка развернулось настоящее представление. С вершины церквушки стучал тоскливый бой, а сквозь мягкий утренний туман туда-сюда носились простоволосые бабы с босыми дворовыми девками и голосили на всю округу. Об ночном снегопаде напоминали только жирные лужи, хлюпающие под башмаками валашцев.

— Панночка в ночь померла! — заливались они слезами, сталкиваясь друг с дружкой, и бежали разносить дурную весть за ворота, которые уже стояли нараспашку, впуская внутрь острога гомонящий народ: — Панночка померла! Панночка померла!

— Сейчас сюда все Пограничье сбежится, — почесал подбородок Кречет и оглушительно зевнул. — Эх, я предпочел бы оказаться где-нибудь подальше отсюдава и хорошенько соснуть...

Все больше селян проходили ворота и торопились к неутомимой колокольне, на вершине которой все бился и бился набат, созывая народ. На подходе к церкви люди снимали шапки, кланялись и осеняли себя Пламенным знаком.

— Пан Кречет! — подбежал к ним с одноглазым трясущий всеми своими телесами Повлюк. — Помощь твоя нужна! Ежели воевода узнает...

— Что еще?.. — поглядел на него Кречет уставшими от недосыпа глазами, но тут же увидел кучку казаков, на пару с дьячками сгрудившихся на паперти, и сонливость с него как плеткой согнали.

В десяток кулаков казаки барабанили по воротам и кликали попа Кондрата, взывая к его совести, благочестию, сану, Спасителю, Сеншесу и еще чьей-то матери. Мертвенно бледный Кречет, выругавшись себе под нос, вскинул подбородок и попытался разглядеть нечто на звонарне, где, не зная роздыху, все метался несчастный истязаемый колокол.

— Заперся, сволочь?! — громыхнул в спину Кречету рассерженный глас, и он обернулся — к ним шагал сам пан воевода, прорезая толпу воющих баб-плакальщиц, как нож масло. Они хватали его за длинные рукава расшитого кафтана и падали хозяину в ноги, но тот просто расталкивал женщин, словно непослушных детей.

Его глубоко посаженные глаза прибивали всех к месту точно гвоздями.

— Давно он там? — дернул воевода Кречета за плечо.

— Гутарят, с ночи заперся, факт! — вместо него ответил Повлюк. — Повыгонял всех спать, а нынче никого не впускает, а знай в колокол долбит, поганец!

— Так... — скрипнул зубами воевода и направился к паперти. — Опять за старое, черт бородатый!

Тут колокол ударил в последний раз и затих, погрузив двор в мучительную тишину. Даже бабы перестали верещать. Все как один подняли носы к звонарне, откуда высунулась растрепанная поповская борода, в которой Каурай без труда узнал вчерашнего святого отца Кондрата. В него словно бес вселился — таким жутким взглядом он поглядел на собравшихся мирян.

— Кондрат! — со всей мочи крикнул воевода, от злости жилы у него на шее вздулись и стали напоминать жирных червей. — Спустишься сам? Или тебе помочь?!

— Здесь мое место, Серго! — отозвался священник, наставляя на воеводу палец. — Здесь я ближе к Спасителю. А твое там, внизу.

— И твое тоже! Отпевать мою дочь, как тебе по сану положено. Не пугай народ, слышишь?

— Оставайся подле твоей дочери, продавшей себя в услужение Сеншесу! — раздавался сверху его угрожающий голос. — Лучше оплакивай еще двух девок, что наложили на себя руки этой ночью. Твой дом проклят, Серго! И ты сам! Я говорил тебе это очень давно, но ты и не думал слушать...

— Не зли меня, отче, — грозил ему пальцем воевода. — По краю ходишь...

— Я отсюда никуда не спущусь, так и знай, Серго! И ведьму твою в церковь не дам снести. Это священное место! Отпевать послушников Сеншеса в его стенах, это невыносимо!

— У тебя есть немного времени, прежде чем мои хлопчики выломают ворота и притащат тебя к гробу моей дочери силой. Одумайся! Сам знаешь, как они умеют парить!

— Ты не посмеешь ломать ворота в храм Спасителя! Покайся, Серго, покайся! Этот грех уже не смыть! Вчера ты уже заключил договор с посланником Сеншеса, вот с тем одноглазым выродком, который стоит среди вас, слепцы!

Теперь его палец смотрел прямо на Каурая.

Глаза и головы валашцев миглом обратились к одноглазому. Люди в едином порыве отхлынули от него подальше, осеняя лбы Пламенным знаком. Воздух задрожал от напряжения, однако воеводу поповские проклятья совсем не смутили.

— Ты сговорился с ним, чтобы провести бесовской ритуал в святой церкви! — гремел голос попа, разносимый ветром в каждое ухо. — Даже помышление об этом грозит костром, Серго, и ты знаешь об этом! Не делай следующий шаг, а не то... Закончишь так же как твоя проклятая жена и дочь!

— Даю тебе последний шанс, отче, — склонил голову воевода в бессильной ярости. — Ты спустишься оттуда добровольно или...

— Или ты изнасилуешь церковь Спасителя?! Разграбишь ее, втопчешь в грязь святые дары и сделаешь вотчиной нечистого? Вот к чему ты пришел, Серго, вот итог всей твоей греховной жизни!

Воевода кивнул Кречету и медленно направился обратно в Замок, даже не поглядев на то, как казаки будут ломать ворота в храм. Толпа в испуге рассыпалась перед ним. Поп все не унимался:

— Вот они, вот они — слуги Сеншеса! — заливался он в крике, тыкая пальцем то воеводе в спину, то наставляя его на Каурая, которому тоже было невозможно глядеть на то,

как попа будут стаскивать с колокольни и приводить в чувство.

Расталкивая народ локтями, он поспешил убраться подальше, пока окаменевшая от страха толпа не решит взять все в свои руки и немного помочь Кондрату.

Уже у самых ворот его окликнули:

— Пан опричник! — спешил к нему смертельно бледный казак, придерживая шапку. — Тебя воевода требует к себе. Немедля!

Одноглазый выругался. “Немедля”, как же иначе.

Когда Каурай подходил к крыльцу Замка, колокол не знал усталости. Бился ему в спину упорно, протяжно и страшно. Но вскоре он замолк словно на полуслове, и острог погрузился в тревожную тишь.

В Замке утро как будто не наступало — холодные комнаты по-прежнему утопали в полумраке, а темных углов было не счесть. Воевода встретил его в другой горнице:

— Рассказывай, — бросил он, когда за одноглазым закрылась дверь. — Прогнал черта?

— Прогнал, но лишь одного и на один день, — ответил Каурай, обводя глазом комнату и натываясь на знакомые рога. Вываренный череп фавна красовался на стене, прикрепленный к щитообразному медальону, щедро отполированный и покрытый блестящим лаком.

— Тоже твоя работа? — проследил за его взглядом воевода. — Я гляжу, ты успел знатно поохотиться в моих лесах.

— Пан...

— Пес с ним! — махнул рукой воевода. — Сделай дело, а этот грех я тебе прощаю. И еще...

— Я взял в арсенале все, что нужно. Благодарю.

— Нет, на эти железки мне плевать. Можешь хоть все выгрести оттуда и вооружить целую армию. Только спаси мою дочь от лап Сеншеса. Пусть хоть кто-то избегнет его козней...

— Хоть кто-то?..

— Не слышал что ли этого старого плута? Ночью повесилась божевина нянька. И это еще полбеды — вместе с ней убилась и еще одна дворовая девка, которая работала на кухне. Расцарапала себе горло до смерти. Токма не говори, что это плата за всего одну ночь... Пес с ними! Молчи! Пусть мрут, все равно никуда не денутся из острога. Пока я здесь.

— Так это была не фигура речи?

— Нет, — тяжело вздохнул воевода. — Про проклятье Кондрат сказал чистую правду. На мне оно. Вот здесь, — он приложил распухшую кисть со сбитыми в кровь костяшками к груди. — Здесь оно. Ведьма сказала, что навечно.

— Ведьма, пан?

— Рыжая стерва. Высоченная. Жила тут на отшибе — привечала всякую сволочь. Забудь о ней. Ничем она мне не помогла, только разозлила страсть. Хотел я спалить ее к чертовой матери, но сбежала, сука. Как закончишь с Боженной... — он помедлил и зачем-то стрельнув глазами к выходу, словно их могли подслушать. — Как закончишь дело, принесешь мне голову этой ведьмы. Сыт по горло я этими тварями, долго вилась ниточка моего терпения. Вы опричники, я слышал, лучшие в деле охоты на ведьм и ведьмаков?

— Это правда, пан, — склонил голову Каурай, скрипнув зубами. Он понадеялся, что воевода этого не услышал. — Но нужно ли это? Далеко не все ведьмы опасны. Некоторым под силу снять проклятье, если оно...

— Если оно мелкое, слабое! — перебил его воевода. — Точно так же сказала мне эта ведьма. И что снять его может только тот, кто наложил. Или сам Спаситель. Но та, что прокляла меня, давно лежит в могиле, а Спаситель за тридевять земель. В Терадале, и мне туда не добраться.

— Почему же? Вы могли бы совершить паломничество. Терадаль не ближний свет, но...

— Дурак! — хмыкнул воевода. — Стоит мне выйти за пределы острога, как проклятие настигнет меня. Наповал. Пределы Валашья — моя тюрьма, до конца дней моих. Наложившая проклятье знала свое дело. Она была умна... за что и поплатилась, дурочка. Ум — величайшее проклятие для женщины, ее рок. Даже Божена не смогла воспротивиться року. Никто из нас не сможет.

Он ненадолго замолк, опустив голову.

— Пока я в остроге, я в безопасности, — проговорил сквозь зубы воевода, не глядя на Каурая. — Но проклятье не только во мне. Оно и в этих стенах, в каждом камне, в бревне, в земле! Каждый, кто находится в Валашье проклят вместе со мной. А значит, и ты, одноглазый.

— И это именно то, о чем ты мечтал?! — ворчал Игриш, выгребая навоз из стойла и ругаясь себе под нос. С него уже пот ручьем струился, а работы все не убавлялось. Сначала их гоняли с рубкой дров, потом заставили выскоблить баню перед приездом разбойничьей ватаги, теперь очередь дошла и до уборки конюшни от навоза.

Снаружи вечерело, а они с Бесенком не вычистили даже половину загаженного помещения. Вернее, сам Игриш, который почти не выпускал лопату из рук. За ним внимательным взглядом желтых глаз наблюдал пушистый рыжий кот, удобно устроившийся на бочонке, — один из многочисленной своры любимцев бабки Ключни, которыми полнился лагерь атаманцев. Гришу иногда казалось, что через эти вездесущие глаза за ними наблюдает сама бабка Ключня, полуслепая, но вездесущая старая карга, котов у которой было больше, чем зубов во рту.

Игриш ее страшно боялся. Сам уж не знал почему, но когда эта высохшая мумия подходила к нему сзади и громко шамкая произносила “Ну, держиись!”, ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Вступить в баюнову банду, чтобы убирать за ними говно! И это был твой план?!

Ответом Игришу были клубы пыли и частички сена, которые тут же посыпались ему на макушку. Мальчик чихнул, отбежал подальше и злобно оглядел навес под потолком, где тихой сапой угнезвился Бесенок. Тот не слезал оттуда уже довольно давно.

Пара лошаденков, которые еще оставались в конюшне, на мгновение оторвались от своих кормушек и напутственно заржали, дабы Игриш не отвлекался по пустякам. Даже рыжик сузил свои глазенки, осуждая его за преступный простой. Выражая все презрение к ленивым мальчишкам, он отставил лапу и принялся вылизывать себе яйца.

— Милош?! Оглох что ли?

— Заткнись, — донеслось сверху. — И без тебя тошно.

— Не хочешь мне помочь?

— Я устал...

— А я, блин, по-твоему что полон сил? Ты чем там занят вообще?! — согнал Игриш кота с бочонка и под недовольное мяуканье взобрался на сеновал. — Милош?!

Ноль внимания. Тот сидел к нему спиной и был чем-то страшно увлечен.

— Ты чего опять?..

— Слушай, Гриш, чего ты разболтался-то? — повернулась к нему распухшая физиономия с стебельками, торчащими из всклоченных волос. — Не мешай! У тебя там своих дел по горло. Вон еще говны по углам не убраны!

— Помоги мне, балда!

— Зачем?

— Чтобы быстрее закончить!

— Ага, и чтобы сразу сунули в зубы другую работенку — такую же грязную и бестолковую?!

— Если бабка Ключня узнает, что мы бездельничаем...

Да, она снова подойдет к нему сзади и зашипит в ухо “Ну, держиись!” Его передернуло. Страсть.

— У этой старой карги и без нас забот хватает, — отмахнулся Милош и вернулся к

своему занятию. — Да и остальные до завтрашнего дня не покажутся... Нужны мы им. Взяли они нас только для того, чтобы мы за ними горшки носили да сапоги чистили, эх!

Но Игриш не успокоился — подтянулся и забрался на навес. И тут же ему на глаза попалась знакомая блестящая вещица.

— Что это за штука?.. — поглядел он на коробочку, которую Бесенок крутил так и эдак.

— А я знаю, — пожал тот плечами. — Вишь красотища какая!

Игриш вынужден был согласиться. Ему особенно некогда было разглядывать находку, но теперь ему даже стало обидно, что она снова вернулась к хозяину. На глаза сразу попалась одна из граней с резным изображением лучистого коловорота, по внешнему кругу которого скакали с десятков маленьких человечков, выполненных с редкостным тщанием. Бесенок перевернул коробочку обратной гранью, и на них уставилась мерзостная оскаленная морда с высунутым языком, по жирным щекам которой тоже ползали десятки, а то и сотни мелких человеческих фигурок. По другой стороне кольцом закручивался змей, кусающий себя за чешуйчатый хвост. Четвертая грань была просто россыпью различных шестерней и крючочков, от обилия которых у Игриша закружилась голова.

Тут Бесенок на что-то нажал, и обе стороны коробочки щелкнули, по центру показалась щель. Однако попытавшись разъединить половинки, он только впустую потратил силы.

— Интересно, что внутри, — заинтересовано потряс Милош коробочкой над ухом и продолжил вертеть устройство в руках, нажимая на рычажки и кнопки, замаскированные в выпуклом рисунке. — Я думал приберечь ее для Баюна, но ну его — жирного у...ка этого. Целее будет.

— Так она не твоя?

— Моя! — ревниво стрельнул в него глазами Милош, словно Игриш мог ее отнять. — Тебе чего, завидно?

— Ты украл ее что ли?..

— А, ну а если и так, чего из этого? Кто-то потерял, а я вот подобрал. От них не убудет.

— У кого это, у них? Ты чего у Горюна не только лошадь увел?!

— А чего это ты так забеспокоился об имуществе Горюна? Положим не у Горюна я взял эту штуку, да и откуда у простого кузнеца может взяться такая прелестная вещица? У него пусть руки не совсем из зада торчат, но до такого искусства ему еще далековато...

Он догадался аккуратно повернуть обе половины вокруг своей оси, и хитрая конструкция начала смещаться. Изнутри головоломки что-то затрещало, зазвенело — коловорот солнц и змей закружился. Вслед им другие изображения побежали в разные стороны, открывая новую замысловатую картинку.

— Ай, горячая... — зашипел Милош и принялся перекидывать коробочку из руки в руку, словно печеную картофелину.

— Дай посмотреть, — не выдержал заинтригованный Игриш. В детстве игрушками его совсем не баловали, а эта занятная шгуkenция прямо просилась в руки.

— Ты чего не нагляделся еще? Сам же с ней таскался несколько дней.

— Ну дай!

— Сломаешь еще.

— Не сломаю! Как же я таскался с ней несколько дней и не сломал?!

— Повезло тебе, горемычному.

— Дай, говорю!

— Эй, вы! — огорошили их снизу и долбанули чем-то по доскам. — Хорош драть! А

ну, слезайте, живо!

Рассерженный голос Берса хлесткой пощечиной посшибал их с насеста, и Игриш чуть ли не кубарем покатился по лестнице. В последнее мгновение, прежде чем сеновал пропал с глаз, мальчик увидел, как Милош торопливо закапывает коробочку в сено и бросается следом.

— Так, бездельники, закончили? — Берс упер единственный кулак в бок, когда Игриш спрыгнул на землю. За спиной однорукого атаманца ворота были широко распахнуты — в конюшню заводили взмыленных лошадей.

— Тут и рота солдат не закончит... — поморщился Милош, нарочито медленно слезая с сеновала.

— Тогда ты оставайся здесь и помогай распрягать кобыл, а потом заканчивай кидать навоз, — кивнул Берс Бесенку и сплюнул, — а ты дуй за мной! — бросил он уже Игришу и прошествовал вон из конюшни. Игриш виновато поджал губы и под торжествующим взглядом рыжего надсмотрщика помчался догонять Берса.

Атаманец, не оглядываясь, преодолел двор, забитый новоприбывшими всадниками, и направился к землянке, где их уже ждала бабка Ключья — сухая и тощая, как скелет, старуха, которая сразу взяла Игриша в оборот и чуть ли не за шиворот потащила его в полумрак землянки, где сунула в руки метлу, а сама бросилась стряпать.

Вскоре по лестнице застучали десятки голодных сапожищ, хлопнула дверь, и в берлогу ворвалась толпа потных уставших и страшно злых мужиков. Игришу вручили тяжеленный котелок с кашей и половником и отправили раздавать кушанье — накормить такую ораву оказалось делом непростым: он отдалив наверно с десятков ног и выслушал с сотню скабрзных шуток, прежде чем раскидал еду по столам. Скоро атаманцы громко застучали ложками, и ругань ненадолго поутихла, сдобренная кашей и прохладной горилкой. Не успел Игриш смахнуть пот со лба, как мужики затребовали еще горилки, и мальчик на пару с бабкой Ключьей и еще парой любопытных кошек отправились штурмовать погреб. Когда оба вернулись, гора грязной посуды уже дожидалась их в углу, а душную темноту землянки прорезали огоньки люлек и прокуренные голоса, которые фраза за фразой все сильнее закручивали водоворот взаимной неприязни.

— Уже полгода по лесам валандаюсь... — горько посетовал на свою судьбинушку горбоносый атаманец, развалившись на стуле и вытянув босы ноги. — Сапоги — десятую пару истоптал! А этот пес, как сидел на своем месте так и сидит.

— И дальше будет сидеть! — грянули с разных сторон и одобрительно забубнили.

— Что нам обещали, когда принимали нас в Братство? — сказал разбойник Коляда, сверкая лысиной. Он склонился над столом и методично выковыривал грязь из-под ногтей острием кинжала. — Кто помнит?

— Скинуть к Сеншесу этого трижды проклятого Шкуродера и его прихвостней, — атаманцы охотно застучали кулаками по лавкам. — Вернуть нам землю, свободу! Установить старые порядки! Сделать Вольное Пограничье вольным не на словах! Прогнать ненасытных собак Крустника!

— А на деле?.. — поднял жесткие глаза Коляда и вбил острие кинжала в столешницу. — Где сам Баюн?! Набаял нам, собака, про волю!

— Побойся бога, Коляда, — одернул его Берс. — Помянутся тебе твои слова, ох, поди помянутся.

— Я и повторить их могу, — не стушевался Коляда, щуря косящий глаз. — Баюн нас уже

который год кругами водит. А острог Серго как стоял, так и стоит целехонький. Нас кречетовы молодчики щелкают, как воробьев. А толку?

— Тебе, Коляда, рано еще бузить, пустомеля! — хохотнули за его широкой спиной.

— Кто сказал?! — вскочил клыкастый Коляда с обнаженным кинжалом в руке. Соседи сразу вцепились ему в рубаху и бросились усаживать обратно. — Я-то подольше тебя в братстве состою, сосунок! Попадись ты мне!

— Молчал бы уж, Коляда, — одернул его хозяин землянки, огромной скалой восседающий во главе стола с мурчащим котенком на коленях. Тот ласкался и выгибал спину, когда железные пальцы проходились по его полосатой шкурке. — Ты намедни, сказывают, Ермея на тот свет отправил?

— Ну! — выпятил острый клык Коляда. — Даже если и так?

— А зачем?

— Спрашиваешь?! Кто бы эту мразь не...

— Мразь мразью, — покачал головой медведь, — а вот Ермей был, для примера, одним из тех, кто закладывал острог и знал его как свои пять пальцев, — сверкнул он железной пятерней в тусклом огне лучин. — Где какие входы-выходы, смену караулов и так далее. А ты его головы лишил да на ветку. И что-то еще гутаришь за Серго? Не стыдно?

— Мне? Стыдно?! — скрипнул зубами Коляда. — Я развешиваю по веткам ту мразь, которая продает наши земли феборской гнили! Кто сечет и вешает всех не согласных лизать задницу Крустнику! Не ты ли, Рюк, гутарил мне что Серго пора валить, когда приглашал меня в Братство?

— Гутарил, — кивнул хозяин землянки. — И готов повторить снова: место Шкуродера — на ветке. Но чего ты добился расправившись с Ермеем?

— Предлагаешь мне с ним дружбу водить?! После того, что он сделал!..

— Нет, — вздохнул Рюк с таким видом, словно ему приходилось наставлять неразумное дитя, — предлагаю тебе пошевелить мозгами. Хотя бы раз в жизни. Вот ты расправился с Ермеем, отомстил за свою бедную семью, дальше что? Стол Серго покачнулся? Нет, стоит, прочнее прочего. У тебя есть ниточка в его терем? Снова нет — Серго безвылазно сидит там, окруженный неприступными стенами, а его покой охраняет Кречет. Даже больше! Птички чирикают, что он умудрился привести в услужение воеводе какого-то опричника...

— Опричника?.. — прошелся удивленный возглас из конца в конец землянки, и атаманцы нервно заерзали на лавках. Игриш тоже — едва не упустил пузырь с горилкой и наострил уши.

— Я конечно весь в сомнениях, — задумчиво почесал бороду Рюк острым как бритва ногтем, — всамделишный ли это опричник или простой проходимец, захотевший пригреться у воеводиного очага, но звоночек тревожный. Коляда, это ж твои молодцы пару деньков назад совершали налет на малашкину шинку и спалили ее дотла?

— Ну мои... — выпрямился Коляда, криво ухмыльнувшись. — Знатно полыхнула малашкина шинка!

— Туда ей, старой п...де, и дорога! — поддержали его несколько голосов. — Она постоянно ватагу Кречета угощала.

— Шинку-то зачем палить? — не согласились с ними. — Эту ведьму на сук, и правильно! Но шинка-то чего вам плохого сделала? Где нам теперь ледяной горилки попить можно? Здесь что ли?!

— У Малашки хорошей горилки давно не водилось. Как помер муженек ейный, так хоть

воду колодезную пей, не захмелеешь!

— И чего ты добился этим мероприятием, позволь узнать? — не отставал Рюк от Коляды. — Кречет живехонек, людей его — так потрепало маленько, а шороху вы навели знатного. Хуторчане нас страшатся до поросячьего визгу, называют страхолюдинами и тянутся в Валашье, под защиту пана Шкуродера и его откормленных хлопцев. Сколько людей в той сече полегло? Двадцать, да?

— Ты это на что намекаешь? — сверкнул глазами Коляда. — Что я вам мешаю, что ли? Значит, я денно и ночью по большакам да по лесам с саблей ползаю, душу да вешаю эту погань, а ты тут, Рюк, телеса свои греешь у печки и еще винишь меня во всех грехах?!

— До выводов мы пока не дошли, но раз ты настаиваешь... — хлопнул рукой по столу Рюк. — Да, Коляда, сдается мне, твои методы наше предприятие только расшатывают! Многие убеждены, что твои колядники ничем не лучше шатранских степняков, которые тут знатно шороху навели когда-то, но ты, наверное и не помнишь, как оно было, когда тут земля горела. Мал бы еще да глуп. Отдохнуть бы тебе, ума набраться...

— Ты-то сам чем похвастаться можешь, кроме числа галушек, которые тебе Ключья скармливают, а? Нашелся мне тут, советчик!

— Говори да не заговаривайся, Коляда! — прикрикнул на него Берс. — Рюка поставил над нами начальствовать сам Баюн!

— Это пока...

— Что ты там пробубнил?

— Смешные вы, панове, — откинулся назад Коляда и рассмеялся. — Рассказываете про какую-то волю, старые порядки, вольную от ига Крустника, которому Серго душу продал за власть и грязное золото, а сами меня вините, что я не держу саблю в ножнах. Я казак! И отец мой был казак, и дед его! Не предстало мне, вольнолюбцу, на печи лежать! Где Баюн? Покажите мне Баюна, который собрал нас здесь под одной крышей, назвал нас Братством и направил вырвать Правду из окровавленных рук Шкуродера! Или, может, наврал нам, атаман наш? Очаровал своими сказками про счастливую, вольную жизнь, а сам сейчас у того же Шкуродера за столом мед пьет?!

— Иди, проветришься, Коляда, — покачал головой Берс. — Может, поймешь, что со своим “вольнолюбием” ты Братство по миру пустишь. Потом погутаим.

— А чего гутарить? Не нагутарились еще? — вскочил Коляда и налег на стол, стараясь заглянуть каждому в глаза. — Нету мочи уже по этим лавкам сидеть — жаловаться и горю запивать! Действовать надо! Острог штурмом взять и повесить Шкуродера с его верным псом на воротах! А панночку, эту ведьму проклятую, по кругу пустить, как она того и заслуживает!

— Насчет панночки можешь не волноваться, — хохотнул Берс. — До нее уж кто-то добрался и поработал с ней так, что недолго бедняжке осталось. Поговаривают, изукрасили ее мастерски, словно сам Сеншес постарался. Я бы так не смог. Не ты ли, Коляда, такой затейник?

— Шутишь? Был бы я, ведьмина башка лежала бы сейчас в бочке с огурцами! Послал бы ее в подарок папаше! Но ежели вы гутарите, что панночка нонче подыхает в муках, значит, воевода ни о чем другом думать, как об этой своей змеюке, не в состоянии. Это же шанс!

— Для чего?

— Чтобы взять Валашье приступом, дурная твоя голова! Убить змеюку с одного удара!

— И у тебя, дружище, есть для этого силы? Лестницы, крючья, осадная башня, или хотя

бы пара пушек, чтобы проделать в частоколе дырку? Или хотя бы грамотный человек, который знает с какой стороны к острогу можно подойти незамеченным?

— С его “вольнолюбием” мы лишились и этого шанса, — проговорил Рюк и хохотнул: — Все что нам осталось — это довериться сопливному мальчишке...

— Какому еще мальчишке? — поднял брови насторожившийся Коляда.

— А которого ты сам вчера притащил из лесу, — хмыкнул Берс. — После того как прикончил Ермея. Забыл? Двое их было. Вон один у печки, горшки чистит.

— А где второй, тот горюнов плут? — заколыхался Рюк. — Давай, тащи его сюда, Берс. Хватит ему там в говне ковыряться!

Кряхтя, Берс поднялся с лавки и двинулся к выходу. Застучали сапоги по ступеням, хлопнула дверь. Но не успел горячий спор разгореться вновь, как к ним в жаркий полумрак наведалься Бесенок, вытирая чумазое лицо рукавом и принюхиваясь к запахам еды.

— Эй, малец, не стой на пороге! — зазывали его к себе радушные атаманцы. — Дайте ему сесть! Ключня, дай чего-нибудь мальцу пожевать, а то он еле на ногах держится.

Милош охотно втиснулся на лавку и сунул в рот недоеденный ломоть хлеба.

— Слушайте, хлопцы, да я же знаю этого пострела, — подслеповато сощурился горбоносый атаманец. — Да это не кто иной как Милош, кузнецово подмастерье! Бесенок!

— Да, это я, — довольно расплылся в улыбке Милош. — Здоров, дядь Щурый!

— Чего, малец, решил на вольные хлеба? Надоело тебе на горюновых мехах качаться?

После этих слов весь зал взорвался зазорным хохотом, а перед покрасневшим Милошем росла тарелка с галушками и наплескивали полный стакан горилки.

— Рюк сказывает, якобы, ты знаешь панские укрепления?

— А то! — довольно ухмыльнулся Милош с полным ртом галушек.

— И что даже караулы знаешь? — допытывались у него атаманцы.

— Угу... — кивнул тот, пытаясь протолкнуть в горло так неожиданно свалившиеся на него галушки.

Игришу оставалось только позавидовать такому счастью: про него атаманцы напрочь позабыли, и одна только бабка Ключня беспощадно гоняла его с поручениями, постоянно насвистывая ему вслед свое “Ну, держиись!”

— И если что и ворота сможешь открыть? — задал резонный вопрос Берс, отодвигая подальше стакан с горилкой.

— Смогу, — уверенно кивнул Милош и потянулся к горилке, но та отъехала от него еще на ладонь. — Раз плюнуть, вы только скажите когда!

— И не забоишься? Дело-то серьезное. Опасное.

— Нее, — покачал головой мальчик. — Если вы ночью на приступ пойдете, то всяко открою. Они там на рассвете сменяться должны — в ту пору эти оболтусы вообще ничего не соображают: что старая смена, что новая — думают только как рожу себе не порвать от зевоты. Прокрасться мимо и снять запоры — плевое дело!

— А не врешь ты часом? — задумчиво зацокал пальцами по столу Рюк.

— Я? Вру? — хмыкнул Милош. — Еще чего не хватало!

— Такое ли это плевое дело прокрасться мимо сторожей и открыть ворота, как ты гутаришь?

— Давно бы уже открыли и без твоей помощи, если б это было так просто. Уж не дуришь ли ты нам головы своими баснями?

— Я сколько себя помню по этому частоколу гуляю! — разозлился Милош. — Знаю там

каждый столбик, каждую дощечку. И меня там все знают — Кречет в особенности. Он хоть и мудака, но понимающий. Ежели вернусь, повинюсь и попрошусь обратно — в худшем случае, устроит хорошую взбучку, ну или в поруб посадит на пару деньков. Мне не привыкать... А вот опосля!

— Даа, — погладил усы Берс. — Видно серьезно ты, малец, на местных обижен, раз так просто соглашаешься своих предать.

— Предать? — чуть не подавился Бесенок голушкой. — Это еще с какой это стати?! Кто тут свои?

— Скажешь пустить банду баюнскую внутрь панского острога не предательство?

— Что я ему чем-то обязан пану этому? — всплеснул руками Милош. — С вами у меня куда больше общего, чем с этими. Во, глядите какая красотища! Есть у вас такие? — бросился он снова спускать рубаху.

При виде его коллекции шрамов вся компания зашлась свистом.

— Глядь, как Горюн по нему прогулялся, — заводили пальцами ему по позвонкам. — А вот это уже Кречет? Вижу, вижу его крепкую руку! Да, хапнул малец лиха!

На эти слова Милош только расплылся в широкой ухмылке и вернулся к галушкам. На этот раз стакан с горилкой словно по волшебству прыгнул ему в пальцы.

Одному натягивать броню на свой горб было жутко неудобно, но он справился. Обливаясь потом, Каурай выпрямился и тяжело затопал по людской, позвякивая пластинками. Эх, были бы еще вольных пару деньков, отлежаться бы и попривыкнуть к прежнему весу, чуть приладить к плечам и подправить побитые пластины. Но время торопило. Расходится по дороге.

Он вышел во двор и поежился до кончиков пальцев. Нехорошее чувство постоянной слежки не покидало его с утра. Каурай не успевал ловить на своем горбу косые взгляды, не сулящие ничего доброго, и поминал добрым словом неугомонного отца Кондрата, который в один миг умудрился “познакомить” с ним все Валашье.

Вот и он, легок на помине. Лежал на лавке, с задранной на голову длинной рубахе, раскрыв срам всему свету, и верещал во все горло, проклиная казаков Кречета до седьмого колена. Пан голова не слушал пустых проклятий мятежного попа — усач лично был занят экзекуцией. Плетка в крепкой руке не знала устали. Свист и крик стоял стеной, стучался в каждое ухо. “Бедняга Кречет”, — пожалел его Каурай, направляясь к конюшне. Покой ему только снится.

Красотка встретила одноглазого нетерпеливым ржанием. Ей страшно не терпелось покинуть стойло и пуститься по простору быстрее ветра. Не успел Каурай затянуть подпругу, как его уже обступила троица казаков с Усманом во главе:

— Ты куда это, мил человек? — спросил комендант, опасливо косясь на Красотку. — Пан воевода приказывал никуда тебя не пускать, пока работу не сделаешь.

— Моя работа начнется не раньше, чем зайдет солнце, — ответил Каурай. — Воевода боится, что я сбегу?

— От вас, пришлых, чего угодно ожидать можно, — не моргнул и глазом Усман. — Я бы тебя в поруб посадил до вечера, но думаю Кречету это не шибко понравится.

— И на том спасибо, — хмыкнул одноглазый. — И что воевода запрещает мне даже посрать за стенами острога?

— Одному, да, — ухмыльнулся Усман. — А ты куда собрался?

— Ишь какой ты любопытный, пан Усман...

— По должности положено!

— Лошадь прогнать, не видите что ли? — хлопнул Каурай по крупу свою Красотку. — Застоялась она в вашей конюшне, мочи нет. Да и к кузнецу мне надо. К Горюну.

— В остроге и свой кузнец имеется.

— Есть, но мне нужен мастер. Для дела.

— Раз так, то Воробей тебе провожатым будет, — ткнул Усман пальцем в племянника Рогожи, Воробья, с которым одноглазый не так давно ловил лошадей. — А то Горюн живет у черта на куличках. Поди заплутаешь.

— Мне провожатым не к чему. До кузницы я как-нибудь сам доберусь.

— Ты как хошь, пан, а одного мы тебя всяко не отпустим, — уперся рогом Усман. — А вдруг с тобой по дороге чего приключится, как мы будем объясняться с воеводой?

Спорить с комендантом у Каурая желания не было — он махнул на них рукой и взгромоздился в седло. Да уж, с этими дядьками-няньками о поисках Щелкуна с Куроуком можно тоже забыть.

— Ну, если у пана Воробья хватит лихости угнаться за Красоткой на своем мерине, то милости прошу, — сказал он и цокнул языком. Красотка в ответ взмахнула гривой и охотно тронулась легкой рысью.

Каурай не собирался облегчать задачу ни коменданту, ни Воробью — если им кровь из носу нужно таскаться за ним хвостом, то пушай побегают. Он вывел лошадь из острожных ворот и направил ее прямо по дороге — минуя дворы, провожаемый любопытными взглядами девок и свистом ребятни, охами баб да проклятиями стариков. Он не собирался сдерживать пыл Красотки и бросил поводья — норовистой кобылке хотелось вдоволь набегаться по холодку.

Времени до вечера было хоть отбавляй — солнце еще не успело нагуляться по небосводу и только подбиралось к зениту, заливая округу золотистым светом. Однако задерживаться тоже не стоило: едва ли Горюн с его неуступчивым характером охотно возьмется за работу. А выбора у одноглазого нет. Время торопило.

Конский топот Каурай услышал тотчас, когда они с Красоткой миновали околицу и вышли в поля. Юный пан Воробей одной рукой придерживал шапку, а другой что есть мочи подгонял своего чалого, пытаясь нагнать неугомонного колдуна-опричника.

— Долго же ты возишься, пан, — встретил его одноглазый наглой ухмылкой, когда они поравнялись. — Мы уже версту покрыли и свежие, а ты весь в мыле!

— Коняга ни к черту, — протарабанил Воробей и сплюнул. — Не то что твоя, хоть и страшная как сам черт. И как она тебя слушается?

— Любовью и умением, — поднял палец одноглазый и откинулся в седле, чтобы показать казаку, что даже не притрагивается к поводьям, а правит Красоткой одними ногами. — И иногда плеткой, чего уж таить. Не бойсь, панич, долго я тебя задерживать не буду. Туда и обратно. У меня еще дельце в остроге есть.

— Как по мне, хоть целый день у Горюна проторчи, — снова сплюнул Воробей. — Мне этот острог уже в печенках сидит.

— Да? Отчего ж? Обижают тебя там?

В ответ Воробей только еще раз сплюнул, раскурил люльку и пропал в табачном дыму. Одноглазый не стал его пытаться.

Они проехали еще немного, пока не добрались до речки Смородинки. Как не хотелось Красотке нестись до кузницы, обгоняя ветер, но одноглазый вынужден был придержать кобылу — у берега столпилась стайка детишек, напряженно всматриваясь в приближающихся конников. Стоило ребятне заметить черногривую кобылку с опричником в седле, как несколько самых бойких пацанят тут же увязалась за ними.

Воробей попытался отогнать стервцов, но только зря потратил силы — ребятня увязалась за ними вплоть до самой кузницы, но близко подходить не стали, задержавшись на расстоянии полета стрелы от нее.

Пусть какой-то черт и дернул Горюна обосноваться почти на границе с Рыжим лесом, отыскать его обитель не составило большого труда: в небо валил жирный столб дыма да на всю округу раздавались звонкие удары кузнечного молота. Работа была в самом разгаре.

Стоило им показаться у ворот, как на привязи забила лохматая псина. Следом скрипнула дверь кузницы и на пороге застыл он — рыжий и вечно угрюмый Горюн, в фартуке и перчатках из плотной кожи. Углядев Каурая, слезающего с лошади, тот нахмурился еще больше, не спеша оказывать им теплый прием.

— День добрый, — кивнул одноглазый кузнецу. Собака носилась как оглашенная,

силясь порвать привязь и броситься на незваного гостя. Горюн хмурил брови и не думал осаживать свою подопечную.

— Уж точно не в твоей компании, опричник, — наконец отозвался он. — Очень надеюсь, что ты заплутал.

— Нет, я к тебе. Дело есть.

— Я с опричниками никаких дел не вожу, — покачал головой Горюн. — Опричник у порога — жди беды. Езжай отсюда подобру-поздорову!

— Мне нужно твое кузнечное ремесло. Убери свою псину.

— В остроге есть кузнец. Он с радостью подкует твою кобылу.

— Речь не о кобыле. Мне нужно, чтобы ты помог мне со сталью, — кивнул одноглазый на свою новенькую саблю, которая торчала из переметных сумок. — Дело срочное, а осторожный кузнец только подковы ковать и умеет. Деньгами не обижу.

— Денег с меня довольно, благодарю, — сплюнул Горюн и направился обратно в кузницу. Хлопнула дверь, оставив одноглазого один на один со злощей псиной. Кузница снова запела голосом кузнечного молота.

— Горюн-то у нас с характером! — прыснул со смеху Воробей, не слезая со своего чалого. — Нечего было и пытаться. На него лишь один Кречет влияние имеет, да панский наказ. Неча было и пытаться.

Одноглазый выругался и, не собираясь возвращаться с пустыми руками, решительно отворил калитку. Шавка только этого и ждала — задыхаясь от лая она подскочила месте, всеми силами норовя вцепиться гостю в штанину. Каурай приподнял повязку и обжег ее до самых костей. Лай обернулся испуганным визгом — собачонка с жалобным скулежом юркнула в свою конуру.

Звон кузнечного молота мигом оборвался, и Горюн снова распахнул дверь, сжимая тяжеленный боевой молот в крепко сжатых пальцах. Едва ли именно им он ковал подковы да правил косы. Таким орудием сподручнее вбивать врагов в землю, как гвозди.

— Ты чего не понял?! — процедил он сквозь зубы при виде того, как Каурай привязывает Красотку к забору.

— Я думал ты сказал “заходи, гость дорогой”, — ухмыльнулся одноглазый и достал ножны с саблей.

— Что ты сделал с моей собакой? — сжал зубы кузнец.

— Припугнул немного, уж больно шумная она у тебя, — пожал плечами Каурай. — Ничего страшного, оклемается.

— А ты чаво тут? — прикрикнул он на Воробья, который, рассевшись в седле и покуривая, наблюдал за их перебранкой.

— Ничего, — пыхнул тот вонючим дымом. — За ним я приставленный. Шоб не помял ты его, горемычный.

— Иди за жинкой следи лучше, ушибленный! — разозлился Горюн и чуть покачнулся вперед, но вовремя сдержал свою злость. — И за детьми своими. Вона их сколько на холме столпилось. Тебя поди ждут?

— А ты деток не касайся, понял? — сплюнул Воробей. — У тебя тут свой был? Где он, всплыл?

— А ну пошел прочь с моего двора! — прошипел Горюн и крепче перехватил оружие.

— Но-но! — заволновался Воробей, когда Горюн пошел на него с молотом наперевес. — Я тут дельце особой важности выполняю. Приказ воеводы охранять этого!

— Я бы тебе и свои портянки не доверил охранять. Пошел прочь, я сказал!

Воробей зыркнул на него взглядом полным презрения, развернул чалого и ударил его по бокам.

— Не задерживайся, одноглазый, — бросил он через плечо и умчался, подняв ворох пыли.

Даже когда пелена осела, Горюн еще какое-то время стоял, всматриваясь в удаляющуюся фигурку, потом положил молот на широкое плечо и повернулся к одноглазому, который терпеливо ожидал его с саблей в вытянутых руках.

— Я тебе все сказал, — даже не поглядел на нее кузнец. — Иди к острожьему мастеру. Он хоть и бездарь, но заточить ее сумеет.

— И снова ты не прав, мастер Горюн. Ее нужно перековать. Это же твоя работа?.. Да опусти ты свои глаза, мастер, устал уже держать!

Горюн только вытянул губы в нитку и покрепче перехватил молот. Каурай грешным делом подумал, что строптивый кузнец сейчас вытворит какую-нибудь глупость, но тот все же соизволил мельком взглянуть на саблю.

— Сабля хорошая, но для моей работы бесполезная, — взвесил ее в руках одноглазый. — Ей нужна должная закалка, но не на обычном масле. Такого в ваших краях не водится, поэтому — вот.

Следом он вынул из-за пояса кинжал, который ему подарила Ванда, и обнажил его перед глазами кузнеца.

— Видишь красноватые прожилки? — продемонстрировал он изящный дымно-темный клинок, взвесив его на указательных пальцах. — Это не простая имлианская сталь, а сплав, закаленный кузнецами Мамуры, это далеко отсюда. Как говорят, они получают ее из компонентов небесного железа, которое находят в кратерах Марк-абай и выменивают на рабынь. Это тоже далеко. Деталей технологии я не знаю — мамурские кузнецы не спешат делиться ею с первым встречным, но закаляют они металл на каких-то смесях собственного изготовления. Таких ножей можно по пальцам пересчитать, и стоит он очень дорого. Думаю за один такой легко можно взять боевую лошадь, а то и две. Или от пуза кормить семью пару лет или даже больше.

Эти слова не произвели на кузнеца никакого впечатления. Он даже бровью не повел.

— Так вот, — вздохнул Каурай, уже десять раз пожалев, что он впустую тратит время с этим бирюком. — Мне нужно, чтобы ты расплавил оба этих замечательных инструмента и выковал новую саблю. И желательно все сделать до вечера. Крайне желательно.

Кузнец молчал.

— В награду можешь взять этого красавца, — коснулся Каурай пальцем зеленого камешка, сверкающего в рукояти кинжала. — Один он стоит неплохих денег. Тебе до конца дней хватит. Возьмешься?

Кузнец молчал. Тяжелый взгляд его замер на переносице одноглазого. Казалось, что там, по другую сторону этих серых глаз, казавшихся непроницаемыми, сдвигается какая-то каменная плита.

— Да, — коротко бросил он, повернулся и ушел в кузницу. Дверь однако оставил открытой. Каурай облегченно вздохнул, подмигнул фыркнувшей Красотке и перешагнул высокий порог.

Горн дышал жаром, и духота в кузнице стояла лютая. Одноглазому сразу захотелось сбросить с себя что-нибудь и продышаться, но тут сбрасывать с себя броню было не с руки.

Горюн расхаживал по кузнице в широкой домотканой рубаше и, казалось, совсем не ощущал никаких неудобств. Вокруг лежали сотни самых разнообразных железных изделий — начиная от кос и заканчивая подковами. Кое-что из оружия тут тоже имелось: глаз сразу наткнулся на парочку клинков без рукоятей, топорища разных форм и размеров, а также на тройку круглых разукрашенных щитов со стальными умбонами, развешанных на одной из стен. Неплохая коллекция.

— Полож сюды, — кивнул Горюн на верстак, с которого смахнул стружку.

Одноглазый уложил саблю с кинжалом на верстак и на всякий случай еще раз предупредил:

— До вечера, мастер, кровь из носу...

— Да слышал я, — махнул кузнец рукой. — Токмо перековка тебе даром не дастся. Сломать такую чудную саблю — как два пальца обоссать. Металл разный, закалка разная... Игрушку тебе делаю. В настоящем бою на такую полагаться глупо.

— Это уж моя забота, благодарю, — раскланивался Каурай, делая торопливый шаг к выходу из душной кузницы. Снаружи его уже подзывала Красотка — ей, видать, страшно надоело ждать, пока хозяин наговорится и соизволит снова отправить ее в галоп.

— Постой, — неожиданно одернул его кузнец. — Зачем тебе... такая сабля?

— Обычную сталь я бы не стал использовать против исчадий Ямы, — не стал кривить душой Каурай. — При должном желании забить какого-нибудь упыря железкой можно, но у него куда больше шансов выпустить тебе кишки. А имлианская сталь из Мамуры режет их как масло. Ночка нынче обещает быть веселой.

— Так это правда? — спросил Горюн. В его глазах промелькнул какой-то неуловимый огонек. — Про Божену?..

— Полагаю, ты не про то, интересовалась ли она женщинами или нет, — слегка улыбнулся одноглазый, но углядев как меняется лицо Горюна, прикусил язык и торопливо разъяснил: — Если за ней в самом деле придут этой ночью, то сия сабля — единственное, что может встать между ней и теми, кто жаждет порвать ее душу в клочья.

— И ты хочешь спасти ее?

— Упокоить ее. Только и всего. За это мне и платят.

— Саблю я тебе принесу к вечеру в острог, — проговорил кузнец. — Но вот, что я скажу тебе, опричник. Забирайся-ка на эту свою клячу и езжай отсюда куда подальше. Целее будешь.

— И вправду. Но, боюсь, воевода меня не пустит.

— Тебе же хуже, — бросил Горюн и взялся за мехи, давая понять, что их разговор кончен.

Каурай торопливо попрощался, стер пот со лба и сунулся за порог...

Где тут же получил стрелу в грудь.

От удара он рухнул на спину и тут же перекатился вбок, когда в кузницу влетела еще одна стрела и щелкнула по каменному горну, едва не задев плечо кузнеца.

— Что ты де... — обернулся рассерженный Горюн, но тут взгляд его упал во двор, и он бросил мехи. Боевой молот он оставил недалеко.

Дверь резко захлопнулась, стоило только Горюну подлететь к ней и дернуть ручку. Бесполезно — нечто держало ее с наружной стороны.

Тиф и чума! Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понимать к чему это.

Снаружи заржали лошади, слышались торопливые шаги, голоса и разрастающийся треск

пламени. С каждым ударом сердца в кузнице становилось все горячее, в нос лез запах паленого. Вытащив стрелу из нагрудника, Каурай подполз к окну и выглянул во двор. Двух всадников в черных капюшонах и масках он заметил тотчас. Блеск стальных наконечников на тугих луках тоже — он едва успел убрать голову, как стрелы застучали по стенам.

Проказа... Лезть через такие крохотные оконца нечего и думать. Даже если и выйдет, то он рисковал стать подушкой для булавок.

Горюн решил не мешкать и обрушил боевой молот на дверь. Древесина треснула, но выдержала. Молот поднялся вновь.

— Стой! — вскинул руку одноглазый, когда еще могучий один удар сотряс дверь и проделал в ней дыру, в которую легко можно было просунуть голову. Дверь треснула, но пока упрямо держалась на петлях.

— Потом поболтаем, опричник! — рывкнул кузнец и снова занес тяжелый молот. Каурай успел оттолкнуть его за миг до того, как, сиганув сквозь дырку, стрела едва не продырявила ему брюхо.

Из-за дыма было почти невозможно вздохнуть, клубы опускались с потолка и выедали глаза. Соломенная крыша занялась и полыхала, громко треща у них над головами и угрожая обвалиться им на головы.

— Проказа! — прошипел одноглазый, пригибаясь ближе к полу, где еще оставалось немного воздуха. — Прижмись к стене и бей сбоку!

Горюн так и сделал — припал к стене и вынес дверь вместе с державшим ее поленом. Не успела дверь рухнуть на крыльцо, как в образовавшуюся прореху залетела стрела.

Одноглазый подхватил со стены круглый щит и бросился наружу со штыком наперевес. Стоило ему только пересечь порог, как от умбона отскочило лезвие бердыша. Каурай навалился на щит, толкнул им нападавшего и ударил наугад — штык черкнул по кольчуге. Слева под руку полезла хищная сабля и пару раз опасно пощекотала пластины нагрудника. Справа вновь ударил бердыш, норовя расколоть щит напополам. Одноглазого зажали с двух сторон и норовили порезать на ремешки.

Как будто ему было мало мороки, а со двора одна за одной все летели стрелы — ветерком повеяло над ухом, и тут же опасно щелкнуло об пол рядом со стопой, заставив Каурая отшатнуться.

Да, ребята решили действовать наверняка.

Спас его огневолосый Горюн, вырвавшийся из клубов дыма, словно свежее испеченный глиняный голем. Лучники мигом принялись засыпать стрелами кузнеца, когда он поразил молотом негодяя с саблей. Треснула кость, раздался вопль и кривая железяка звякнула по доскам.

Воспользовавшись заминкой, Каурай поднажал и, быстро работая штыком, отеснил противника во двор, когда с оглушительным грохотом рухнула крыша. Град искр, снопы горячей соломы и густое дымище ослепило всех четверых. Но схватка и не думала утихать.

Дым ел глаза и выворачивал внутренности наизнанку, но амбала в вороненой кольчуге и глухой маске это совсем не смущало. Бердышом он работал с завидной сноровкой, каждый раз выбивая из деревянного щита одну щепу за другой. Захлебываясь кашлем, Каурай наудачу юркнул в сторону, пропустил бердыш мимо, одновременно разя неприятеля штыком. Тот охнул и отстранился, стараясь держать короткий клинок на расстоянии, но не перестал осыпать одноглазого градом ударов. Новая стрела звякнула о наплечник, оставив за собой вмятину и ворох мурашек. Каурай не сдавался и всячески пытался подобраться к амбалу

поближе, чтобы сунуть острие штыка тому под мышку. Бесплезно — противник не давал ему перехватить инициативу. Лучники тоже не знали роздыху и непрерывно огрызались стрелами.

Наконец завидев блеск солнца в кучных облаках, Каурай выдохнул и едва не пропустил очередной удар бердыша. Из пожара он выбрался, осталось не напороться на железо. Легче сказать...

Амбал хотел было вновь ринуться в атаку, но выругался и начал отступать с четким намерением убраться подальше. Глыба-Горюн едва не снес ему голову своим молотом, но прилетевшая стрела таки нашла его ногу. Кузнец покачнулся и сбился с шага, молот ударился о землю.

Амбал мог сразить его одним метким ударом, но не стал рисковать — отогнал Каурая еще одним взмахом бердыша и опрометью бросился через плетень. Там его ждала лошадь — взобравшись в седло, они с лучниками плюнули в них еще парочкой стрел и, пригнув головы, галопом помчалась к лесу.

Горюн провожал беглецов взглядом до тех пор, пока четверка не скрылась в зарослях, и устало отбросил молот.

— Своего убил? — спросил его Каурой, пытаясь откашляться. Ушей коснулся испуганный женский крик — вдали показались разноцветные платки. На пожарище сбегались местные.

— Пешим сбежал, — сплюнул Горюн и оглянулся на кузницу, которую пожирало оголодавшее пламя. Рубаха кузнеца была насквозь мокрой от пота, смешанного с обильно струящейся кровью.

* * *

Кузница Горюна выгорела дотла. И сколько не носились бабы с ведрами до реки и обратно — от нее осталась только каменная стена с горном да груды металла, которой никакой огонь не был страшен. Не успел пожар утихнуть, как из острога примчалась целая кавалерия во главе с паном Рогожей, который принялся носиться вокруг да около с криками и руганью, словно это его дом только что пострадал от рук лиходеев.

Воробья злющий Рогожа достал словно из-под земли и начал прилюдно распекать за нерасторопность. Тот божился, что после того, как его прогнал Горюн, он устроился за пригорком — докурил люльку и слегка соснул, решив не показываться, пока одноглазый не закончит свои делишки с кузнецом. Да так и проспал все представление, не обращая внимание ни на пожар, ни на свистящие стрелы. Тогда Рогожа разозлился еще больше и принялся драть племянника за уши. Крики “Ну, дядька!” разносились на версту.

Единственными внятыми свидетелями переполоха была стайка детишек. Стоило только разбойникам поджечь крышу кузницы, шалопаи всей гурьбой попрятались в траве и с замиранием сердца досмотрели представление от начала до конца. Но, увы, более того, что и так знали одноглазый с кузнецом, дети не поведали — свалились негодяи как снег на голову, а потом быстро растворились в лесу, как и не было их.

— Раз прятали лица, значит, кто-то из местных, — почесал затылок одноглазый. — И где ты умудрился так много врагов скопить, мастер?

Горюн оставил его вопрос без ответа. Каурай шутил. Едва ли они хотели прищучить одного Горюна. Двух зайцев одним выстрелом.

После сбивчивого и невнятного рассказа детворы пан Рогожа пустился злобствовать и махать кулаками уже в их сторону, но, немного угомонившись, запалил люльку и принялся

наставлять насупившегося Горюна:

— То-то же, пан, — поднялся в небо мудро заточенный ноготь, — вот тебе наука. Живешь тут на отшибе один одинешенек, а коли чего случиться, тебе и помочь некому. Как хорошо, что рядом образовался опричник! Помог тебе сладить с супостатом и охранить свое имущество. Или хотя бы часть...

Довольно кивая вслед такому рассуждению, Рогожа сделал еще одну затяжку и обратил подозрительные глаза на Кауряя:

— А ты чего тут забыл? У нас в остроге чего кузнеца нет?

— Кузнец кузницу рознь, — отмахнулся одноглазый, расхаживая по углям и шуруя штыком в поисках своей сабли с кинжалом. Бросать их тут, как говаривает Кречет, было не можно. Времени до вечера все меньше. — Но теперь нам с Горюном уж точно придется воспользоваться услугами острожьей кузни. Распорядишься, пан?

— Поглядим, — загадочно пробубнил Рогожа.

— И на том спасибо.

Уже темнело, и раскрасневшиеся от горилки атаманцы начали клевать носом. Игриша самого клонило в сон. Со всей этой беготней с метлой, котами и горилкой он так и не урвал себе поживать и теперь мечтал только об одном — забиться в какой-нибудь уголок с ломтем хлеба, а потом уснуть. Бесенок, однако, не знал ни устали, ни меры — если дело касалось употребления горилки. Мальчик хлестал одну стопку за другой, в его глазах все ярче разгорались озорные искорки.

— А что насчет нового воеводиного подручного, опричника? — все пытал Милоша Рюк. — Видал его?

— Опричника? — нахмурил лоб тот. — Какого такого опричника?

— Ха, говорил же что враки! — воскликнул кто-то из атаманцев.

— Да ты погоди, — остановил его Рюк. — Не знаешь что ли кто такие опричники?

— Неа, — покачал головой Милош и плеснул себе еще горилки.

— Мне кажется, мальцу уже хватит, — покачал головой Берс и убрал полупустую бутылку со стола. — А опричника, дружок мой, легко узнать по собачьему черепу, который тот возит на лошади. Это их цеховой символ, знак сношений с нечистой силой. Иные таскают с собой еще и метлу, если вхожи еще и в круги ведьм и ведьмаков. От того их так и называют — опричники, сиречь ходящие опричь, или вне мира живых, ближе к мертвецам, вампирам и прочим чертям с бесами. Опричники бродят по полям сражений, вокруг сожженных деревень и чумных мест, похищают детей и поднимают трупы, дабы они им служили. Уроды они — один краше другого. Гутарят, по свету бродит один такой хер — с двумя лицами. Одна морда у него там, где надо, а другая прямо на затылке. Видал такого?..

— Двухголовых что-то не видал, — покачал головой Милош, довольный своей полезностью. — Но тут приезжал один горбатый... с собачьим черепом, как ты сказал. Железа на нем — во! а сам урод хоть на ярмарку отправляй. И лошадь такая злющая, только моргни — голову тебе откусит.

— Это не тот, у которого еще оглобля такая, что лошади можно голову срубить? — спросил Коляда.

— Он самый! Называет себя Каурай.

— Ты чего встречал его, Коляда? — поинтересовался Рюк.

— А то, — кивнул клыкастый разбойник. — Когда кречетовы молодчики во двор высыпали, я видел с ними опричника с огромным мечом, который убивал моих людей, одного за другим. Млада он вовсе слету разрубил напополам.

— С коня?..

— С коня и наземь. И кишки во все стороны. А еще я видел с ним черного кота, который вырвался из пылающей конюшни — размером с телегу!

— Это уж у тебя башню со страху свернуло! — хмыкнули со стороны.

— Нет, — всплеснул руками Коляда. — Мои люди его тоже видели. Любой подтвердит. Такого страху натерпелись...

— Опричник, огромный котище, который не горит в огне... Что за черта вызвал к себе Серго?!

— Гриш, подтвердит, — засмеялся Милош, — вместе с ним и приехал!

— Правда? — вскинул жирные брови Рюк.

— А то! — ухмыльнулся Бесенок и громко икнул. — Правда же, Гриш?

Страшно уставший Игриш не сразу понял суть вопроса, и пару ударов сердца не мог понять, почему атаманцы разом замолкли. Но когда до него дошло, что все головы разом повернулись к нему, он едва не выронил метлу, которой выметал разбившийся горшок. Его словно ковшом ледяной воды окатили.

— Ик! — в звенящей тишине снова икнул Милош. С лестницы застучали шаги:

— Пан Рюк!

— Чего? — развернулись телеса.

— Гости прикатили. Распрягаются. Прикажешь?

— Уже? Берс, распорядись!

Его подручный, распахивая ногами вездесущих котов, быстро скрылся за скрипучей дверью. Рюк тем временем повернулся к оцепеневшему Игришу и заинтересованно забарабанил железяками о столешницу:

— Правда, что говорит этот пьяный дурачок?

— Да, — вынужден был кивнуть Игриш и принялся лихорадочно соображать, как бы выпутаться из положения и не наговорить лишнего. — Он... похитил меня и вез с собой... уж не знаю куда. Насилу сбежал...

— Чего ему надо в Пограничье? — посыпались вопросы с разных сторон. — Наших детей воровать и мор наводить?

— Еще чего. За нами гнались наемники из Фебора, — сказал Игриш и сглотнул комок в горле, невольно вспоминая эту дикую скачку. — На него точит зуб сам воевода Крустник.

— И тут этот Крустник? — цыкнул зубом горбоносый казак Щурый. — Везде свои пальцы пустил, изверг.

— Да и пусть забирает этого горбатого — нам тут эта погань не нужна!

— Поговаривают, от опричников и завшиветь можно...

— Эх, баню бы сейчас... — запричитали разомлевшие атаманцы, уставшие от препирательств и склок. — Замаялся уже блох считать! А то будем как этот горбатый.

— Да, Клюнья, а чего там про баню?

Игриш с облегчением хлопнул себя по лбу и, опережая свою тень бросился во двор — со всеми этими хлопотами он и думать забыл про растопку. С утра они с Бесенком (в основном, конечно же, вкалывал Игриш) накололи целую гору бревен, и им пришлось порядочно потрудиться, чтобы перетаскать их в крохотное строение, которое служило баней. Однако до растопки руки так и не дошли.

На выходе мальчик едва не налетел на крайне взволнованного Берса, но тот даже не посмотрел на него. Оказавшись за дверью, Игриш заметил с десяток ярко разодетых мужиков, пыльных и уставших с дороги, которые разжигали костры и устраивались прямо во дворе. Прокрутив в голове сколько бочек с горилкой ему еще предстоит откупорить и сколько белья им с Клюньей завтра придется выстирать, в сопровождении пары надоедливых кошек он отправился топить баню.

Полати да печь — вот и вся баня. От стены до стены дай бог если удастся сделать пару шагов. Как тут поместится вся ватага, Игришу было решительно непонятно.

Не успел он раздуть огонь в печи, как за его спиной скрипнула дверца. Он обернулся — перед ним стояла бабка Клюнья, все такая же ветхая и крючковатая старая ворчунья.

— Да топлю, топлю уже! — выпалил Гриш и приготовился выслушать очередную порцию “Ну держиись!” по поводу его медлительности.

Однако Ключья не спешила размыкать стянутые в нитку сухие губы. Ее морщинистое лицо застыло в каком-то блаженном выражении. Прежде полуслепые желтушные глаза нынче плотоядно и молодо сверкали огнем и обшаривали Игриша с головы до пят.

Отчего-то мальчику стало дурно, и он поспешил выйти на воздух, но бабка загородила ему дорогу.

Облизнув свои бескровные губы, Ключья сложила их в какую-то жуткую, похотливую ухмылку. Легким движением бабка сбросила косынку с головы и ее серебристые, длинные волосы разметались по плечам.

— Бабусь, ты чего это?.. — насторожился Игриш, обливаясь колючими мурашками. Он попытался было обойти ее, но и тут дорога ему была отрезана.

Все еще облизывая губешки, Ключья растопырила худощавые руки и сделала шаг вперед, неумолимо надвигаясь на стушевавшегося Игриша. Тот отступил в глубину бани, лихорадочно соображая как сбежать, и едва не полетел на пол, споткнувшись о полено.

Старуха медленно приближалась. Облизывала губы алым языком. Ее глаза сверкали. Следом на пол рухнули ее лохмотья, и престарелая Ключья осталась в чем мать родила.

При виде ее обвисших бледных прелестей Игриш вжался в стену и подхватил с пола полено:

— Не подходи! Зашибу! — в отчаянии закричал он на обезумевшую бабку, которая и не думала останавливаться, и с ужасом опустил полено.

С неожиданной прытью старуха увернулась — деревяшка впустую брякнула об пол, а ее холодные, тощие пальцы схватили Игриша за плечи и прижали мальчика к грудям. Он попытался оттолкнуть старуху, но лишь впустую барахтался в ее объятиях.

— Бабусь! Бабусь! — вне себя от ужаса и отвращения верещал Игриш, когда старуха принялась целовать его в шею. — Не надо!

Но бабуся раздухарилась не на шутку. Зажав мальцу рот, она принялась стягивать с него портки и шуровать цепкими костлявыми пальцами у него между ног. Найдя искомое, она больно ущипнула мальчика за яичко. Тот выгнулся дугой, вскрикнул и безвольно повалился на пол. Старуха прыгнул на него верхом и...

...резко замерла, еле сдерживаясь, чтобы не захохотать в голос. Придержала свои распущенные волосы и заткнула ими рот полный ровных белых зубов.

Полуживой, обмякший Игриш лежал на полу, смотрел на колыхающиеся от смеха отвисшие сиськи и не мог понять, чему это сбрендившая старуха так веселиться. Запоздало заметил, как одна сиська начала вытягиваться, словно капля старого киселя.

Хлоп! — сиська оторвалась и шлепнулась Игришу прямо на лицо.

— Ой, — пискнула старуха и прижала ладонь ко рту с таким видом, словно испортила воздух. — Извини, золотце. Че-то я сегодня сама не своя. Дай помогу.

Она схватила сиську двумя пальцами и аккуратно сняла ее с лица Игриша. Не успел тот вздохнуть, как за первой последовала и вторая сиська. Старуха неловко попыталась ее поймать, но скользкая желеобразная масса выскользнула из пятнистых рук и хлоп! — снова припечатала голову мальчика к полу.

— Какая я сегодня неловкая... — заохала старуха звонким девичьим голосом, сгребая обе свои оторвавшиеся груди в кулек и слезая с Игриша. — Теку вся... Расплываюсь...

Мерзко шлепая босыми ступнями она на цыпочках засемила к бочке в углу, походу оплывая и теряя части рыхлого, рвущегося по швам тела, и бросила туда груди. Потом схватила себя за волосы и — чпок! сорвала она их с черепа и отправила ненужный скальп на

дно. За ним последовали куски желеобразной плоти. Она сдирала отвисшую кожу ногтями и отправлять все в ту же бочку. Один шмат желтой плоти следовал за другим.

На прямую и гладкую спину упали длинные, пепельно-серые волосы. Полные, румяные губы раскрылись — между зубами, на мгновение, мелькнул розовый, игривый язычок.

— Ты бы видел свое лицо! — заулыбалась ему молодая и изящная Малунья, блистая белоснежной наготой без следа старческого увядания.

— Ты... — протянул Игриш, хлопая глазами.

— А кто еще? — запорхала она ресницами. — Нравлюсь?

— Что ты?.. — задохнулся Игриш негодованием. — Я чуть...

— Тихо! — прижала Малунья палец к губам. — Наорался уже!

— Я чуть со страху... — лепетал Игриш, силясь подняться на ноги. Конечности его не слушались, и он пару раз чуть не упал, но вовремя оперся о стену. — Нельзя же так...

— Уж извиняй, — прыснула она, стараясь не засмеяться в голос. — Но по-другому никак.

— Как?.. Без издевательств?

— Без маскировки, дуралей! — ткнула она себя в лоб. — Но я чуть-чуть напортила с составом. И в итоге все потекло. Хорошо, что не на людях.

— Хорошо... — облегченно вздохнул Игриш и устало присел на лавку. Руки тряслись, ноги не держали. Он свесил голову и засмеялся — сначала тихонько, но потом все громче.

— Эй, ты чего? — поменялась в лице Малунья. — Истерика что ли?

Мальчик все смеялся, пытаясь держаться, но смех распирал его все больше, и он схватился за волосы.

— Прекращай, я же просто пошутила! — взволновалась Малунья и села рядом. — Ну чего ты? Реально что ли было так страшно?

Игриш оттолкнул ее и бросился к выходу. Но Малунья оказалась быстрее.

— Эй! — рухнула она вместе с ним на пол, пытаясь остановить мальчишку. Они завозились, запыхтели, пытаясь побороть друг друга. Игриш отчаянно, со стоном пытался вырваться, Малунья — свалить, утихомирить, прижать к полу.

— Прекращай! Дурак! Хватит вести себя как баба!

— Уйди, тварь! — зашипел Игриш, за что получил лбом по носу — ударился затылком об пол и зарыдал. Силы оставили его.

— Дурак, — шипела Малунья, скаля зубы. — Ну, извини-извини меня! Не знала, что ты такой впечатлительный!

— Зачем ты пришла? — сквозь слезы выговорил мальчик.

— За тобой! — зло прошептала ведьмочка. — Твой Каурай меня отправил. Найди, говорит, этих двух балбесов, а то они на ровном месте найдут лужу с говном и в ней утонут! Вставай давай, лежебока!

Она подскочила и схватила старухины тряпки. Игриш с трудом встал на колени, но не нашел в себе сил выпрямиться. Его било словно в падучей.

— Уж где-где, а в лагере уродов Коляды я вас найти думала в последнюю очередь, — бубнила Малунья себе под нос, подпоясываясь веревкой и набрасывая шаль. — Хотя, зная Милоша...

— А где настоящая бабка Ключья? Или ты...

— Спит она давно, — махнула рукой ведьмочка. — Намаялась за день, бедняжка, и уснула. Прямо в свинарнике. Конечно, я ей немного сонного зелья подсыпала, чтобы

бабулька как следует отдохнула. Давай, поднимайся... вытри слезы, ты же мужчина!

Игриш неохотно подчинился и вытер слезы ладонью. Уши так и пылали от стыда и злобы.

— Ладно, Гриш, — поджала ведьмочка губы и посмотрела ему прямо в глаза. — Это я дура. Сглупила, решила, что это будет забавно... Не сердись. Потом отшлепаешь меня. Иди пока, ступай за Милошем. Он там поди уже наклюкался до соплей. Найдешь его и тащи в амбар, у меня там метла припрятала... И не спрашивай, откуда она у меня! Давай — дуй, только скорей. Я хочу напугать этих оборванцев так, чтобы они заикались до конца своих дней.

Поруб располагался в незаметном деревянном срубе, по скошенную крышу вкопанном в землю. Без окон, с одной единственной низенькой дверцей, запертой на здоровенный амбарный замок. Рядом с входом на стуле развалился околоточный ярыжка: зевал, почесывал волосатое пузо и подозрительно поглядывал на приближающегося посетителя из-под надвинутой на брови папахи.

— Чего тебе? — спросил ярыжка, подкручивая песочный ус.

— Хочу встретиться с арестантом, — ответил одноглазый.

— С кем?

— С тем бедолагой, который в порубе сидит.

— С Ранко что ли?

— Ага.

— Тебе поговорить? Или просто поглядеть?

— А чего на него глядеть?

— Многим интересно, — пожал плечами ярыжка, продолжая методично накручивать ус на жирный палец. — Все-таки недолго ему осталось. Вот ходят и глядят. А чего с него еще взять?

— Мне ничего не нужно. Мне поговорить.

— Не положено... — протянул ярыжка, откинувшись к бревенчатой стене и лениво потянувшись. Стул скрипнул — громко и значительно.

— У меня задание от пана воеводы, — терпеливо продолжал беседу одноглазый. — Срочное.

— Не слыхивал я ни о каких заданиях, — подпер подбородок кулаком упертый ярыжка. — Мое задание нонче одно — бдить. И следить, чтобы преступник не сбежал. Для одного я тут поставленный воеводою.

— Твое задание не пострадает. Бди, а мне всего лишь поговорить. Никуда твой заключенный не денется.

— Говорить с преступниками — не положено! — покачал головой ярыжка. — А то глядишь, вы будете с ним говорить, да еще и договоритесь.

— До чего мы договоримся? — закатил глаза Каурай.

— А вот этого тоже не положено! Щас я вам буду идеи подкидывать! Договоритесь еще до каких-нибудь нехороших дел. А мне ответ перед воеводой держать за то, что я тебя пустил, дал поговорить, а вы и договорились. Так, глядишь, вся система порушиться может!

— Какая еще система? У вас тут есть система?

— А то! — гордо отставил волосатый подбородок ярыжка и снова значительно скрипнул стулом. — Система, за которую я отвечаю перед самым паном воеводой! Говорят тебе — не положено с заключенными балакать. Глупый что ли?

— Ну а ежели мы не станем ни о чем договариваться? Пустишь?

— Как это не станете? — захлопал глазами ярыжка. — А зачем тебе еще с ним говорить? Ты кто ему? Жена? Сестра? Свекровь? Их бы пустил. А ты вообще непонятно кто.

— Я опричник, которого пан воевода нанял для защиты от козней Баюна, — втолковывал ему Каурай, понемногу выходя из себя. — У тебя там сидит заключенный, который напал вчера на воеводу, скорее всего, по приказу этого самого Баюна. Смекаешь?

Его нужно допросить. Так понятно?

Ярыжка молча уставился на одноглазого и сперва не нашелся что возразить. Лицо его обнажило бурную мыслительную деятельность, так что даже на висках выступили капельки пота.

Уже кое-что. Каурай не стал его торопить.

— Никаких опричников пускать не велено! — наконец выдал ярыжка. — Дашь бумагу о том, что тебя пан воевода специально сюда послал допросы вести, тогда пушу, а то...

— Зачем тебе бумага, ты ж неграмотный? — состроил одноглазый кислую мину. Проказа.

— А тебе какое дело, грамотный я али нет?! — взорвался ярыжка негодованием. — Бумагу, бумагу показывай! Нет бумаги? Ну, раз нет бумаги, то и проходу нет. Не положено без бумаги!

— Ну, Проказа! — сунулся Каурай под плащ и вынул ему “бумагу”. — На, читай!

Ярыжка вырвал у него Подорожную, стянул тесемки и шумно раскрыл лист на всю ширину. Долго водил пальцем по строчкам, что-то шептал себе в усы, да время от времени поглядывал на одноглазого, который терпеливо ждал, когда тот закончит. Но ярыжка только ревниво отворачивал пергамент в сторону, шикал на него и усиленно пытался понять смысл написанного.

Наконец ему надоело вертеть пергамент под разными углами и хмурить лоб. Сунул он одноглазому Подорожную и неохотно поднялся со скрипучего стула, что-то бурча себе под нос. Звякнули ключи.

Дождаясь, пока ярыжка закончит с замком, Каурай урвал момент и развернул свою загадочную Подорожную, наткнувшись на несколько торопливых строк, начертанных знакомой рукой:

“Мы, атаман-воевода и хранитель ключей Вольного Пограничья, Серго из роду Шкуродеров, приказываем. Принявшему документ сей надлежит вне всякого установленного порядку и без промедленья, руководствуясь не иначе как добрыми намерениями, истинно Спасителя достойными, по первому требованию Подателя сего документа, известного упряма нареченного Каураем, дать отодрать себя в жопу.

Dinni Wern Nigini Exot, еб...ные вы мудаки недотраханые.

Приложила руку твоя милая Хель, дорогой мой неотесанный Гвин. Возвращайся живым. Такого числа, такого-то года”.

— Ну, ты чего там разглядываешь? Будешь заходить али нет? — окликнул его рассерженный ярыжка.

Едва не рассмеявшись в голос, одноглазый сунул волшебную грамоту с глаз подальше.

— Ты только ножики свои сложи, мил человек, — продолжал трепать его ярыжка. — С ножиками я тебя туда не пушу.

Спорить одноглазый не стал. Быстро избавившись от всего режуще-колющего, он осторожно приблизился ко входу в темный, узкий лаз. В густую душную темноту поруба вводила деревянная лестница.

Каурай поежился: после недавнего приключения снова оказываться в закрытом помещении да еще и под землей ему не очень улыбалось.

— Дай фонарь что ли...

— Нету, — развел руками ярыжка. — Не положено.

— И фонаря вам тут не положено?!

Прежде чем ответить ярыжка вынул кисет и запалил люльку.

— Ты же с ним говорить захотел, али как? — сказал он, делая сладкую затяжку. — Фонарь нужен для того, чтобы глядеть, а не говорить. Поговорить, оно и без фонаря можно! Или ты темноты боишься, опричник?

— Чума на твою голову...

— Чаво?

— Не хворать говорю, — бросил Каурай и поставил ногу на первую перекладину. Лестница сразу опасно зашаталась. Ну, Проказа...

— Ты там недолго! И шоб не договаривались, я слежу!

Лестница ходила ходуном, стоило только сделать очередной шаг. Прокляв ярыжку всеми возможными напастями, он наконец оказался на твердой земле.

Тихо. Темень стояла кромешная, а воняло так, что глаза слезились, но одноглазый не удивился — в порубах ему приходилось бывать. И не раз.

Приподняв повязку, он мигнул глазом и оглядел тесное помещение с толстым бревном посередине. Ранко он разглядел сразу — измордованный казак упирался коленями в земляной пол, накрепко привязанный к бревну, и слепо моргал. Выглядел он паршиво.

— Чур меня! — задыхался от страха молодой казак. — Проваливай откуда вылез, черт! Живой я еще, живой!

Каурай присел перед ним на корточки, опустил повязку и чиркнул спичкой — Ранко вскрикнул и отвернулся от ярко вспыхнувшего пламени.

— Одноглазый... ты?!

— Я.

— Убери ее, заразу! — взмолился он, когда крохотный огонек осветил его распухшее лицо, обрамленное ссадинами и засохшей кровью. — Я уж решил, что за мной черт пришел. Гляжу что-то блестит в темноте...

Каурай запалил связку лучин и сунул пучок в сеть веревок, которыми были перемотаны руки Ранко, затем вынул флягу с водой и дал казаку немного отпить.

Немного погодя, в его руках оказалась тряпица и склянка со спиртом.

— Как тебе удалось сбежать от табунщиков?! — спрашивал Ранко, пока Каурай пропитывал ткань спиртом. — Ты правда живой? Или ты призрак?..

— Терпи, — бросил одноглазый и коснулся его ран заспиртованной тряпкой. От жуткой боли Ранко выгнулся дугой и попытался вырваться, но веревки держали казака как свора демонов. Ему ничего не оставалось как сжать зубы и терпеть, перебирая поочередно всех жен с дочерьми Сеншеса.

— Ты чего сбежал из лап Сеншеса, чтобы меня замучить?! — выдавил он с дрожью в голосе, когда одноглазый отнял тряпку от раны, чтобы смочить новой порцией спирта. — Кликни ярыжку, он меня отпинает по ребрам, быстрее окочурюсь. Ааай!

Каурай молчал, торопливо стирая с его лица кровь с грязью. Ранко дергался, шипел и ругался на чем свет стоит каждый раз, когда тряпочка касалась глубоких порезов. Рубаха молодого казака была разорвана почти до пупа, мокрую грудь покрывали длинные косые раны с отодранными кусками кожи. Плетью поработали всласть.

Да, воевода не врал. Парить его парни умеют знатно.

— И оно того стоило? — спросил Каурай, проходясь по окровавленной груди молодого казака.

— Съездить Шкуродеру по морде и оставить на нем здоровенный шрам? Еще как! —

приснул Ранко, но мгновением позже согнулся от боли. Видно пару ребер ему все-таки сломали.

— Сомневаюсь...

Пусть одноглазый и сделал все, что мог, однако выглядел Ранко до крайности дерьмово. Воеводе ни к чему жалеть предателя. Били его от души.

— Не сомневайся. На Пограничье ничего не творится зазря.

— Говорят, завтра тебя посадят на кол. Это тоже не зазря?

У Ранко дрогнули губы, но он мигом подтянулся, стараясь спрятать слабость поглубже.

— Зачем ты пришел?..

— Сказать, что ты дурак.

— Сказал, дальше что? Кто ты мне вообще, чтобы судить меня? Ты тут — никто. Сегодня ты есть, а завтра тебя нет. Какое тебе дело до того, что со мной станется?

— Услуга за услугу.

— О чем ты? Я же сбежал, как только узнал про трагедию...

— Но ты рассказал обо мне Малунье. И если бы не ее колдовство...

— Малунья спасла тебя? Знаешь ее?

— Да, забавная малышка. Неглупая, веселая, искусница, хоть и в голове пока ветер. Ты же знал, что она ведьма?

— Ха, — сверкнул Ранко щелью промеж зубами. — Все бабы на хуторе — ведьмы. Малунья с Боженной — самые лютые из них!

— Нет, не самые, — ухмыльнулся Каурай. — Но тебя ничуть не смущает, чем им нравится заниматься с приходом ночи?

— Ты говоришь это человеку, который сидит в порубе Шкуродера! И сидит за попытку убить этого старого мудака. Знаешь, каким ремеслом мне приходилось заниматься, чтобы добывать себе кров, прежде чем я нанялся к нему на службу?

— Догадываюсь... — вздохнул одноглазый. — Ты куда старше, чем выглядишь, юный Ранко?

— Не могу ответить, — покачал он головой. — Я не знаю, сколько мне лет. Но я помню битву под Исаей, где пенеальцы бились с Альбией. И полчища людей-крыс, которые лезли из-под земли и хватали всякого, до кого могли дотянуться...

— Брань под Исаей гремела двадцать лет назад. Не так уж давно, но и не вчера. И ты был там?

— Да, — кивнул казак. — Еще совсем мелким. С одним мерзким дворянином, то ли из Арды, то ли из Барды, уж не упомяну. Таскал ему вино, чистил коня и помогал сунуть ногу в стремя, когда он напивался в хлам. Его сожрали люди-крысы... Жаль его, хоть и мудака был страшный. Любил девочек помладше. Ты что же, видел людей-крыс под Исаей?

— Видел, но мертвых.

— Тебе повезло, — хохотнул Ранко, но снова скривился от боли в ребрах. — Один как-то вылез прямо у меня из-под ног и попытался вцепиться мне в мошонку. Я так испугался, что сразу обделался. Если бы крысенка сразу не пришили копейщик, быть мне евнухом, а то и вовсе крысиным кормом. Много их было. Многим не повезло оказаться там, где рухнул грунт... Скажи, одноглазый, правда, что опричники служат предвестниками смерти? Стоит только встретить одного из вас на дороге, и будь уверен — очень скоро костлявая навестит тебя?

— Нет, — покачал головой Каурай. — Я видел много смертей, друзей и случайных

попутчиков, но большая часть из них живы до сих пор. Надеюсь на это.

— Хорошо, тогда ответить на такой вопрос. Правда, что если угостить опричника пивом и хорошенько попросить, он посмотрит тебе в глаза и расскажет — где и когда тебя настигнет последний удар сердца?

Одноглазый ответил не сразу, что не укрылось от Ранко.

— Правда?.. — дрогнули его губы.

— Поверь, тебе не захочется знать наверняка.

— Что же мне еще терять? Ты говоришь не со случайным собутыльником, а с человеком, кто завтра сядет задницей на заточенный кол! Тут уж ошибиться несложно.

— Поэтому считай, что я снова ответил “нет”.

— Какой ты... — сглотнул Ранко комок в горле. — Дай еще воды.

Одноглазый снова открыл флягу и поднес горлышко к губам Ранко. Тот жадно вцепился в него зубами и принялся, давясь и чавкая, хлебать воду. Он точно бы захлебнулся, если бы Каурай не отнял флягу. Ранко поперхнулся и зашелся в кашле.

— Жалко что ли? — выдохнул казак, когда прочистил горло.

— Жалко, — кивнул Каурай. — Тебя. Как ни крути, Ранко, сколько бы ты дерьма не вынес в своей жизни, и сколько бы тебе на самом деле не было лет, но ты еще слишком молод. Да и самоубийство — не выход.

— Не надо меня жалеть. Меня уже пожалели. С меня хватит.

— Кто?

— Божена. Она единственная.

— Дочка-раскрасавица пана воеводы, которая привыкла жить в роскоши, дергать служанок за косы и помыкать парубками? И она пожалела простого казака? Как в какой-нибудь балладе?

— Мне плевать, веришь ли ты мне, опричник, или просто смеешься надо мной. На всех плевать! Мне была нужна одна Божена. Больше никто. Ни Кречет, ни Малунья, ни этот трижды проклятый Шкуродер... Только она. Мы даже собирались сбежать с ней... Но теперь...

— Ты решил, что тебе нечего терять?

— Признаю — ничего глупее в своей жизни я ранее не совершал. Может быть, поэтому и оставался живым. Малунья сказала, что Божена утонула, пытаюсь поймать какого-то черного божка. Не верю я в это. Все не так просто.

— Не изобретай сложные объяснения для простых вещей. Знавал я одного громилу из феборцев, побывавшего в сотне перепалок. Он всегда держался передовой и первым врвался за стены бок о бок со штурмующей бригадой. Его ни разу не касалась ни стрела, ни клинок.

— Везунчик.

— Ага. Как-то раз перебрал браги, поскользнулся и откусил себе язык. На этом его везение кончилось.

— Ха, хорошая смерть. Мне бы такую...

— Ты сам выбрал свою смерть.

— Знаю... — пробормотал Ранко себе под нос. — Это все Серго. Уверен, он как-то в этом замешан, Как-нибудь, но должен быть. После того, что Шкуродер сделал со своей женой, не верю, что он в конце-концов загубил и собственную дочь.

— Воевода убил свою жену?

— Ага, только об этом предпочитают помалкивать, чтобы не разделить со мной поруб. Хотя вся округа знает, что он держал ее взаперти в тереме и измывался над ней. То, что она в конце концов оказалась в могиле, я ни капельки не удивлен. Божена тоже винила его в смерти своей матери и, как и все, боялась его до чертиков, хотя виду не показывала. Жаль... добрался и до нее Шкуродер. Не успели мы сбежать... Что с ней? Бедняжка еще мучается?

— Нет. Она умерла этой ночью. Вечером ее понесут отпевать в церковь.

— И слава Спасителю, — уронил голову Ранко и затрясся, силясь сдержать рыдания. — Я пытался увидеть ее, но на пути вырос ее отец и замахнулся на меня нагайкой. Вот тогда я не стерпел — обнажил саблю и оставил у него на лице отметину. Как и мечтал! — вскинул он лицо со сверкающими как у безумца глазами. — Как и очень многие молча мечтают, но боятся даже голову поднять, не говоря уже о сабле. Хех, забавно, не правда ли? Мечтают все, а смог я один?

— ...

— Знаю, ты считаешь меня полным идиотом. Но на Пограничье так думают все. Шкуродер принес нам слишком много зла с тех пор, как сел за стол Валашья. Иные, как Кречет с Рогожей, считают, что заслуженно, ибо когда-то его войско сразило шатранскую орду под Козьей горой. Но то было давно. И честно говоря, плевать мне на его былые заслуги, если нынче льется так много крови.

— Малунья тоже была в курсе ваших планов?

— Малунья просто глупая подружка Божены, — хмыкнул Ранко. — Она из тех дурочек, с кем красотки дружат, чтобы на их фоне казаться еще лучше. Из тех, кто будет восхищаться их умом и прелестью, и кем можно легко помыкать. А то и пожертвовать, если нужно.

— Хочешь сказать, что Божена хотела скормить демону Малунью?

— Демону? — сжал челюсти Ранко. — Скормить?..

— Вию. По крайней мере, так мне сказали. И про скормить это лишь предположение.

— Это еще что за черт, Вий?!

— Один из князей Ямы. Свирепое древнее существо, как и все прочие Странники. Божена никогда о таком не упоминала?

— Ничего я не знаю про их потусторонних друзей, — замотал головой казак. — Я вообще жутко боюсь этих их штучек. Они с Малуньей никогда не допускали меня до своих ведьминских игрищ... Зараза. Малунья говорила еще в таборе, что за Боженой могут прийти...

— И поэтому я здесь.

— Так это правда... Какой ужас.

— Не вся правда. Весь ужас в том, что она не просто попыталась вызвать нечто жуткое. Она еще что-то обещала ему, и это “что-то” явно не удовлетворило аппетит демона. Тогда он попытался забрать саму Божену. Однако ему что-то помешало. И теперь тварь в ярости и не успокоится, пока не наестся досыта. Чаще всего с молодыми неосторожными ведьмочками случается одна и та же история.

— Ты что... Хочешь скормить ему Божену?!

— Нет. Глупо ожидать, что демон наестся одной Боженой. После того, как он отрыгнет ошметки ее души, то примется за всех до кого сможет дотянуться — как те люди-крысы под Исаей. Будет щелкать челюстями до тех пор, пока округа не обезлюдит. Но в любом случае голодным не уйдет.

— Откуда тебе это известно? Ты сталкивался уже с подобным?

— С подобным, да. Разница только в размере. Все демоны Ямы, которых можно призвать с помощью магического круга, жутко прожорливы, и если их призвали, бестии не успокоятся до тех пор, пока не возьмут свое. А если демон поймет, что призвавший его колдун еще совсем зеленый и от одного его вида у него поджилки дрожат, то демон попытается сожрать и колдуна, и всех, кого захочет. Как правило, это ему удается.

— Ты убьешь этого демона?

— Убить демона такого калибра задача почти непосильная. Так что скорее это он убьет меня, если поймает. Но я могу попробовать прогнать его. Но сначала придется продержаться еще пару ночей и дать душе Божены упокоиться.

— Хотел бы я пойти с тобой... Сейчас бы разорвать эти путы... Хоть к самому Сеншесу! Если это спасет Божену.

— Божену уже ничего не спасет. Выбор у нас невелик: либо она сгниет в земле, либо она сгниет в зубах Ямы. Второе хуже.

Каурай поднялся:

— Мне пора.

— Стой! — зажглись его влажные глаза мольбой. — Обещай мне. Обещай, что сделаешь все, что сможешь.

— Я и так делаю. У меня впереди еще две ночи. Пока душа Божены окончательно не уйдет. А потом...

— Я уже этого не увижу...

— Возможно. Но не исключено, что ты счастливчик. Поверь — смерть на колу куда лучше смерти в лапах тварей из Ямы. Прощай, Ранко. Лучины забирать не буду. Да хранит Пламя тебя во тьме.

— Прощай, одноглазый... Жаль, что мы так и не закончили наше дело.

— Отнюдь.

Не оглядываясь, Каурай полез наружу. Лестница снова зашаталась под его ногами, дневной свет ослепил его. Оказавшись наверху, он отряхнул штаны от пыли и потянулся за своими железками.

Ярыжка все сидел на том же стуле, сложив ручонки на животе, и сладко посапывал, теребя люльку в зубах.

Глава 8

В небо тек ручеек дыма, когда Игриш поплотнее прикрыл дверь бани и на негнущихся ногах поплелся к землянке. Желудок нещадно урчал, но мальчик подозревал, что сегодня ему едва ли удастся засунуть в рот еще хотя бы крошку.

Во дворе полыхали костры и жарилось мясо, бренчали на лютнях и плясали вприсядку. Тут и там расселись десятки людей, которые не поместились в землянку. Одни сплошь загорелые, кудрявые, одетые в куртки и широкие шаровары. Другие посветлее и поскромнее в нарядах, обозленные и напряженные. По напряженным лицам гуляли глубокие тени — не переставая, они курили и всматривались в огонь, словно пытались высмотреть там нечто важное.

От сочных ароматов Игриш едва не подавился слюной, но направился к двери землянки. На пороге он едва не столкнулся со смуглым парнем в шапке, надвинутой на глаза. Он едва не сшиб Игриша с ног и, не оборачиваясь, отправился к кострам. Игриш глянул ему вслед и остолбенел — за плечом парня висел огромный двуручный меч с еле намеченной гардой. Этот меч мог принадлежать лишь одному человеку.

Не помня себя, Игриш ринулся за незнакомцем, но как только дрожащий свет костров залил обоих, мальчик с разочарованием разглядел, что этот парень куда ниже Каурая, да и на его спине нет ни следа от уродливого горба.

Заслышав за спиной шаги, парень обернулся и смерил Игриша подозрительным взглядом:

— Чего тебе? — буркнул он. Юноша, старше Игриша года на три-четыре.

— Ничего, — покачал головой Игриш, не смея отвести взгляд от рукояти меча.

Меч Каурая, Куроук — никак нельзя перепутать.

Значит ли это...

— Ну так и проваливай, если ничего!

И зашагал дальше, не оглядываясь.

— Драко! Драко, где ты был? — встретили его друзья. — Присаживайся. Положи ты эту железку, чего ты с ней никак не расстанешься?

Игриш никак не мог взять в толк, откуда Куроук мог взяться у незнакомцев и никак не хотел верить, что его одноглазого попутчика больше нет в живых. Он не смел сойти с места, пока толпа разношерстно одетых людей не спрятала быстроногую фигуру с мечом за спиной.

Пересилив себя, Игриш окунулся во мрак землянки, откуда доносились взволнованные голоса.

Тучные клубы дыма обволокли его взрывом хохота и пронизывающим свистом. Он разглядел много новых лиц, напряженно вслушивающихся в буйные разговоры и ярко отвечающие спорщикам. Все взгляды были прикованы к седому коренастому мужику с косым подслеповатым глазом, который нависал над столом и живо что-то втолковывал собравшимся. Такого Игриш раньше среди атаманцев не наблюдал.

— ...со мной приехали те сыны табора, у кого еще осталась гордость! — говорил этот человек, вколачивая каждое слово в стол ладонью. — К нам прибились люди из Пхеи и Фебора, которым осточертела война Крустника, и они больше не намерены тянуть лямку на княжат — ни там, ни здесь. Ты понимаешь, чем это пахнет, Рюк? Мы можем отправиться на приступ уже завтра! Завоевать свободу для себя и для них!

— А стены ты как брать будешь, Гарон? — хмыкнул Рюк. — Тоже на лошадях? Или твои феборские дезертиры притаранили нам пару пушек?

— Этот парень сказал, что сможет проникнуть за стены и открыть ворота! — Коляда указывал пальцем на Милоша.

Бесенок громко икнул, подтверждая слова Коляды. Он сидел развалившись на лавке и часто моргал мокрыми глазами из-под низко надвинутой шляпы, с которой он не расставался ни на мгновение. Игришу стало немного жаль Бесенка, и он начал пробираться к нему, отдавливая ноги атаманцам.

— “Если сможет”, ты хотел сказать? — кольнул Коляду Берс. — Разумно ли это, ставить успех всего предприятия на одного сопливого мальчишку? Который, к тому же, совершенно не умеет пить...

Тут Игриш заметил, что в землянку вернулся парень с мечом, который попался ему на входе. Юноша решительно направился к Гарону и сунул ему какой-то черный мешок.

— Без осадных орудий нечего и думать о приступе, — рассуждал Берс. — А если его там схватят, что тогда? Даже не если, а почти наверняка. Будете круги нарезать, пока Серго это не осточертеет и он сам к вам не выйдет?

— Эй! — возмутился Милош. — Зачем обижаешь Берс, ик!

— Малявкам пора на боковую, — даже не посмотрел на него Берс. — Все это гнусно пахнет, Гарон. Да и атамана в известность неплохо бы поставить...

— Атаман? — хохотнул Гарон. — Они все еще подчиняются этому трусу, да, Коляда?

— Следи за языком, таборщик! — осадил его Берс. — А то твое предприятие закончится куда быстрее, чем ты рассчитывал.

— Я обращался не к тебе, Берс, — покачал головой Гарон. — А к Рюку, если, конечно, ему еще не надоело, что им помыкают именем молокососа, который еще и боится показываться на людях. Если вами все еще руководит неуловимый Баюн, то хотелось бы мне побалакать с ним лично, а не с его прихлебателями. Или ты предлагаешь мне говорить с воздухом?

— Прекрати паясничать! — разозлился Берс. — Баюн — наш атаман! И не тебе указывать, как нам...

— Помолчи, Берс, он дело говорит, — поднялся со своего места Коляда. — Многие из нас недовольны, что уже с полгода мы ни слухом, ни духом о том, как поживает наш дорогой атаман! Плевать в потолок, пока с людей сдирают последнюю шкуру и продают ее Крустнику — это ты нам предлагаешь, Берс?!

— А ты предлагаешь пойти на острог без лестниц, без тарана, без пушек, надеясь, что этот пьяный дурень откроет нам ворота? Может он вообще дурит нам голову, а стоит только солнцу встать, как он со всех ног бросится в стан Шкуродера — рассказывать о наших планах Кречету? Я не удивлюсь, что пока мы с вами языками балакаем, сам Кречет уже здесь и выгадывает время, чтобы напасть...

После этих слов землянка разом замолкла, и атаманцы принялись напряженно вслушиваться в происходящее во дворе. Но снаружи доносился лишь топот плясунов, голоса лютен и задорный смех.

— Тьфу тебе на язык, Берс! — сплюнул Коляда себе под ноги. — Только и умеешь перестраховываться и делать из нас параноиков. Никакого смысла сидеть, трястись и ждать, когда же Баюн даст отмашку! Может его вообще уже в живых нет?

— Не исключено... — заметили люди вокруг.

— Баюн занят делом, — неожиданно заявил Рюк. — В остроге.

Атаманцы тут же затихли.

— Вот так новость, — протянул Коляда и усмехнулся. — И каким же это делом он занят?!

— Ищет ключик к воротам, — спокойно отозвался Рюк. — Чтобы вы, бараны, не подошли все до единого под его стенами. Теперь понятно?

— Не шибко долго ли он его разыскивает, ключик этот? Или может он и вправду уже за одним столом со Шкуродером сидит, карту ему рисует да девок местных е...т? Почему мы узнаем об этом только сейчас?!

— Чем меньше людей об этом знают, тем оно лучше. А то, как я вижу, язык у тебя, Коляда длиннее хера. И я уже начинаю жалеть, что я раскрыл вам с Гароном эту тайну.

— И что ты предлагаешь нам теперь делать с этой тайной?

— Тебе — ничего. Сядь и успокойся. Атаман знает, что делает.

— Полгода сидя в остроге? — вклинился в разговор Гарон. — Ты издеваешься над нами, Рюк?! Как пить дать, он уже давно забыл про вас. А вы тут лбы сморщили, выдумав, что у вашего атамана есть какой-то продуманный план!

— А у тебя что за план? Взять острог нахрапом?

— Гарон, я тебя безмерно уважаю, но не лучше бы тебе вернуться обратно в табор? — предложил Берс. — Ничем хорошим эта авантюра не закончится. Это больше похоже на детскую выходку, нежели на продуманный план. А ежели барон Вармей узнает о том, что ты задумал и куда привел его людей...

— Вармей нам не помеха, — ухмыльнулся Гарон, раскрыл мешок и вывалил на стол содержимое.

Лысая черепушка глухо ударилась о дерево и покатилась по столешнице, подметая крошки и огрызки пушистой бородой. Повернулась пару раз, как сдутый мяч, и уперлась стеклянными глазами прямо в Игриша. Орлиный нос был расквашен и свернут на бок.

— Вармей?! — вздохнул зал и отпрянул.

Ни шагу не сделали лишь трое — Гарон, Берс и Рюк. Последние двое были мрачнее тучи.

— Вот значит, как закончился земной путь Пятого мудреца, — поднял глаза Берс и смерил Гарона презрительным уколом. — Исподтишка...

— Он был уже стар. И бесполезен... — оскалил кривые зубы Гарон. — На обиды и поборы со стороны Шкуродера только все ниже и ниже склонял голову. Знался с ведьмами, привечал к себе чужаков. А когда мой брат был убит рукой чужака, Вармей пустился защищать его, а не право общины на возмездие. И спасся чужак ведьмовством, что стало последней каплей. И я решил, что старику пора на покой. Он не подчинился, посмел сопротивляться воле общины и был смещен. Теперь гуляй-городом руковожу я — барон Гарон.

Его слова встретил разгоряченный гул, в котором нельзя было разобрать ни слова. Игриш наконец протолкался к Милошу и принялся дергать его за плечо, но тот только хлопал глазами и мычал что-то.

— Милош... Милош, вставай, — горячо шептал мальчик в ухо Бесенку и пытался поднять его на ноги. — Нам пора, Милош!

— Куда?.. — спросил он, еле ворочая языком от изрядного подпития. — Мне и тут хорошо.

— Пошли, пошли, говорю... — шипел Игриш и силился содрать его с лавки, но тот заупрямился, схватившись обеими руками за столешницу.

— Ой, уйди, дурачина! — заворчал он на Игриша, но тот не отставал, чувствуя, что готовится нечто нехорошее.

Разгоряченные головы вокруг рычали громче, все неистовей доказывая свою правоту. Стол трещал от ударов, и голова Вармея, слегка подпрыгивая, каталась по нему то туда, то сюда, пока не свалилась вниз и не скрылась под сапогами атаманцев.

— Я выступаю “за” предложение Гарона! — хлопнул по столу кулаком Коляда. — Острог нужно брать как можно быстрее! Тем более нынче как раз подходящий случай.

— Ты про похороны панночки? Предлагаешь послать им венок?

— Дух Серго сломлен! — отмахнулся Коляда. — А дух его людей сломлен тем фактом, что панночка оказалась проклятой ведьмой и навела страх на всю округу, как и ее трижды проклятый отец. И сдохла эта тварь, спутавшись с самим Сеншесом! И теперь округа разорена, вокруг ползают трупоеды, в лесу живут ведьмы, какой-то адский вервольф недавно полакомился потрохами Чубеца и его жинки.

— Не хватало нам вервольфов! — поддержали его атаманцы.

— Караваны с нашим хлебом и пушниной все идут в Фебор, под алчные ручищи Крустника. А он жаждет все больше для никому не нужной войны с Пхеи! Не пройдет и года, как его сапожищи застучат уже по нашим землям, и Шкуродер с удовольствием даст ему все до последней капли казацкой крови. И вот он даже призвал на помощь опричника, чтобы спасти свою черную душу от заслуженной кары.

— Ох, и низко пал пан Серго... — заохали атаманцы. — От попрапия устоев и сношения с нечистым до сдачи вольностей Крустнику — один шаг!

— Верно! А что я вам говорил?! — торжествовал Коляда. — Шкуродер нынче слаб как никогда — они сами откроют ворота нам, стоит нам только подойти к Валашью. Не станут защищать эту мразь, которая отпевает останки ведьмы и платит колдуну-опричнику, чтобы он охранял его старые гнилые кости!

— Плохо же ты знаешь Валашье, Коляда, — вступил в спор Рюк, почесывая бороду. — У воеводы там сидят верные ему люди, которых он знатно подкормил за минувшие годы. Кречет предан ему поистине собачьей преданностью — он посадит на кол всякого, кто только помыслит пойти против их пана воеводы.

— Тебя встретят там только стрелы да колья, Коляда, — наседали на него Берс. — Да и еще этот опричник вволю помашет своим огромным мечом. Надо ждать...

— Я достаточно ждал! — прервал его неистовствующий Коляда. — Ждал тут, нюхал кошачью мочу, слушал рассказы Баюна и ждал! Сидел в порубе и ждал! Бегал по лесам и ждал! Сек, резал и вешал всякую мелкую сволочь, вроде Ермея, пока вы тут болтали и пили не просыхая! Настал тот самый момент, когда мы можем выступить и сломать тиранию Шкуродера и Крустника, а следом возродить старые вольности Пограничья, и ты смеешь препятствовать нам в этом?!

— Нам?! — поднялся, сидевший напротив Рюк, подобный огромной черной горе. — Ты смеешь говорить за Братство? Что, уже почувствовал себя атаманом?!

— ДА! — выплюнул ему в лицо Коляда. — Мы нынче славно поколядуем на костях Шкуродера, и тебе, еб...ый предатель, не удастся нам помешать. Хай-хей, бей-режь, славное вольное Пограничье!

И с этим словами Коляда бросил обе руки к поясу и обнажил пару тесаков. Но Рюк

оказался быстрее. Опережая его клич, толстяк распустил когти и полоснул разбойника по лицу. Тот взвыл и едва не загремел на землю. Однако умер отчего-то Рюк.

Игриш мог поклясться чем угодно, даже собственной головой — он видел как к жирному горлу Рюка тянулась бритва, внезапно возникшая у того из-за спины. Держала ее длинная кривая рука, заросшая черными, жесткими волосами. Держала легко и изящно, словно цирюльник, привыкший играючи обращаться с бритвами и чужими бородами.

Взмах! — и в бороде Рюка раскрылся второй рот. Кровь брызнула в лицо Коляде, не успел он оправиться от удара. Рюк схватился за вскрытое горло в тщетной попытке остановить кровотечение, как Коляда рубанул его наискось по животу. Берс с запозданием бросился убийце наперерез, но его встретил Гарон с обнаженным кинжалом. Они сцепились и повалились под ноги повскакивающих атаманцев.

Жуткий ор, визг и грохот сотряс землянку — грязно матерясь, атаманцы по головам бросились к стенам, нащупывая оружие и затравленно озираясь на соседей. Стол перевернулся и упал на бок, по полу заструилась горячая кровь, слышались влажные, чавкающие звуки с которыми сталь дырявит мягкую плоть. Пара человек опроретью кинулась во двор, кого-то начало надрывно рвать.

Игриш едва успел избежать участи попасть под сапог и нашел себя стоящим на цыпочках верхом на лавке. Отсюда он мог наблюдать всю картину в ее жуткой и драматичной мерзости.

Посередине возвышался Коляда с окровавленными тесаками в обеих руках: перед ним на полу в растекающейся алой луже барахтались трое из тех, кто бросились на выручку Рюку и попали под град стали. Берса подмял под себя Гарон — уперев лезвие кинжала тому прямо под дергающийся кадык, он держал вырывающегося атаманца прямо за чуб. Рюк же стоял на коленях, драл горло железными ногтями и поливал остальных кровью, не в силах перестать кашлять. Недуг сотрясал его недолго. Коляда подошел к нему, снисходительно улыбаясь, и скрестил тесаки на его развороченном горле:

— Признаюсь, я до последнего надеялся, что мы договоримся, старый друг, — сказал он и пресек его мучения.

Рюк опрокинулся на спину, широко расставив здоровенные руки. Берс как мог выворачивал голову, и когда массивное тело тяжело ударилось о земляной пол, колыхнулось в последний раз и затихло, он откинул голову на пол и устало прикрыл глаза.

Коляда перешагнул через труп и вытер зазубренные клинки о штанину.

— Из этой землянки выйдут только истинные члены Братства, а не трусы и шавки Шкуродера, — поднял он кривой тесак над головой, с которого капала кровь, что еще недавно текла по венам Рюка. — Выбирайте? Вы за Вольное Пограничье? Или против?..

Гробы понесли в церковь уже в сумерках. Божену убрали цветами и полупрозрачным шелковым саваном, через который смутно просматривался ее точеный подбородок. Двух других спутниц панночки украсили куда скромнее.

От бабьего воя и басовитых напевов дьячков у одноглазого уже раскалывалась голова, а горячий воск свечи, которую он держал в руке, постоянно скатывался по стебельку и жег ему кожу. Он с удовольствием потерялся бы где-нибудь за воротами, но в вотчине воеводы, где у каждого бревна есть глаза и уши, это было практически невозможно.

Воевода нес тяжелый гроб наравне со всеми, его глаза намертво запечатались где-то в глубине черепа, он почти не моргал, молчал, лишь временами покашливал. Сухое его, морщинистое лицо ничем не отличалось от посмертной маски.

По непокрытым лысынам и платкам сотен собравшихся вновь гулял колокольный звон, но уже без горячего участия Кондрата — мрачный как туча поп под бдительным присмотром Кречета (“как бы старый черт не вытворил чего”) возглавлял процессию, освящая путь кадилом и Пылающей дланью. По обе стороны от медленно двигающейся цепочки шагали казаки с высоко поднятыми хоругвями. С каждым шагом громада церкви все сильнее нависала над понурыми чубами.

Так они добрались до настезь раскрытых ворот церквушки, задержались на пороге с гробами на плечах, сделав три глубоких поклона, и внесли почивших женщин в торжественный полумрак. Черный гроб с Боженой установили на столе у самого алтаря в окружении десятков оплывших свечей — под угрюмые, полустертые лики, намалеванные на стенах чьей-то умелой рукой, казалось, еще века назад. Ее несчастных спутниц положили у стен.

Никто не произнес ни единого слова. Кондрат избегал смотреть на тело той, которую ему предстояло отпевать, размахивал кадилом и бормотал в бороду молитвы. Воевода, Кречет, Рогожа и остальные пугливо столпились вокруг панночки, играли желваками, без конца осеняли себя Пламенным знаком и отчего-то опасались глядеть на темные образа с выцветшей позолотой и алыми нимбами вокруг голов, коих в церкви обитало великое множество.

С трудом отстояв положенное время, казаки принялись расходиться.

— Милейший, прикажи в церковь побольше свечей, — шепнул Каурай службе, поймав его на пороге. — Чтобы светло было как днем.

— На кой ляд? — хлопнул глазами дьячок. — Боишься темноты?

— Боюсь. И вам бояться нужно, если думаете Боженину душу спасти.

Тот кивнул и торопливо пошел отдавать распоряжения — хорошо, что не стал спорить, как этот неуступчивый Кондрат. Каурай же отправился в острожную кузню, где отыскал Горюна.

В горне ревели пламя, поднимался горячий пар, пахло железом и потом. Работа не утихала ни на мгновение.

— Готово?

Кузнец по своему обыкновению лишь коротко кивнул на длинный сверток, дожидющийся одноглазого в углу. Каурай развернул полотно и вынул саблю. Чуть удлинившийся клинок стал темнее, от рукояти до самого острия растянулась россыпь еле

заметных красных прожилок.

— Хорошая работа, — сказал одноглазый, слегка взмахнув саблей. Стала чуть тяжелее, но баланс кузнец смог сохранить. — Благодарю, мастер Горюн.

Тот не ответил, лишь оставил на столе зеленый камешек, который причитался ему за работу. Молча развернулся и зашагал к горну.

— Горюн, — окликнул его одноглазый. — Не обижай.

Тот вновь промолчал, давая понять, что разговор окончен.

Сжимая камешек в кулаке, Каурай вышел во двор и направился в церкви, вокруг которой еще толпился народ. Длинные усы Кречета он заметил на церковном кладбище, разбитом у стен храма. Пан голова стоял на краю свежей могилы, которую весь в поту выкапывал Абай, шустро работая лопатой и напевая что-то на своем родном языке.

— Свечей натаскали, — повернулся он к подходящему одноглазому. — Там теперь яблоку негде упасть.

— Отлично. Это...

— Для панночки, — вздохнул Кречет и осенил себя Пламенным знаком. — Рядом с матерью, храни Спаситель ее грешную душу.

Близ ямы для гроба Божены белел могильный камень панны Ладилы — цветов для него воевода не пожалел. Печальная, одинокая могила готовилась принимать гостей.

— Ты-то готов? — спросил Кречет.

— Почти, — ответил Каурай, засовывая саблю за пояс. Увы, сколотить новенькие ножны взамен сгоревшим в пожаре у него времени совсем не осталось.

— Со мной сейчас два десятка молодцов. Сколько людей тебе еще нужно?

— Нисколько.

— Двух десятков хватит?

— Мне никто не нужен. Зря полягут хлопцы.

— Ты что пойдешь один?!

— Как всегда, — ухмыльнулся Каурай, пока проверял как легко штыки выходят из ножен. — Твои хлопцы-молодцы мне не подмога, только свечи перетопчут с перепугу.

— Обижаешь... — нахмурился Кречет.

— Нет, правду говорю. Одно дело разбойника по лесам вытравливать, другое — столкнуться с теми, кто прячется в тенях. Для этого одной лихости маловато.

— Как скажешь.

Оставив Абая заканчивать работу, оба подошли к паперти и сразу попались на глаза пану воеводе. Тот застыл на крыльце Замка и одарил одноглазого тяжелым взглядом — мгновение, а потом скрылся за порогом и хлопнул дверью. Ничего хорошего этот взгляд не предвещал.

Каурай не стал больше задерживаться, а сразу направился в церковь, у ворот которой помимо прочих расхаживали Рогожа с Повлюком. Изнутри уже доносились басистые напевы — отец Кондрат явно не привык ждать опаздывающих и немедленно принялся за богоугодное дело.

— Не сердчай, пан Каурай, — приложил широкую ладонь к груди Рогожа, когда одноглазый занес ногу над порогом. — Но мы тебя внутри запрем. До утра. Приказ пана воеводы.

— Это когда это?... — вскинул брови Кречет.

— А только что приказал, прежде чем домой пойти. Заприте, мол, одноглазого, чтоб не

убег ненароком. Пущай с Кондратом ночку подежурят.

Каурай на это только хохотнул — подозрительный, старый черт!

— Ты это... на нашего Кондрата не обижайся. Так-то он мужик хороший, токмо раздражительный чутка, — скосил глаза Повлюк и незаметно сунул одноглазому пузырь. — Вот, для сугреву. Ноченьки нынче дюже холодные! Ты и Кондрату тоже предложи, когда остынет. И вы с ним... — он слегка щелкнул себя по шее пальцем, — на пару!

Одноглазый торопливо убрал пузырь под плащ, и стоило только перешагнуть порог, как створки глухо грохнули ему в спину. Следом засов запер ворота с таким же тупым стуком — будто в гроб вогнали последний гвоздь.

“Вы за Вольное Пограничье? Или против?..” — было последним, что услышал Игриш когда покидал землянку в компании пары шипящих и воющих котов. Милоша он потерял в бурлящей толпе — как ни жаль было оставлять его атаманцам, но упрямый Бесенок сам выбрал свою судьбу и мигом затерялся среди широких спин.

Снаружи тоже было беспокойно. Веселая музыка более не лилась со струн, смех застрял в горле таборщиков и атаманцев. Все больше их стягивались к землянке, привлекаемых дикими криками и грохотом. Напряжение единым махом разлилось по лагерю, заставив людей крепко схватиться за рукояти топоров и кинжалов. Еще глубже тени врезались в их напряженные лица.

Оказавшись на свежем воздухе, Игриш понесся было в хлев, куда он должен был привести Милоша, но тут внезапная мысль заставила его со всех ног помчаться в конюшню. Один из бабкиных любимцев, старый, жирный котиче с угольно-черной шерстью, зачем-то увязался следом. Сторожей как метлой смело, и воротина стояла слегка приоткрытой, так что мальчик легко просочился в фыркающий полумрак. Ворчащий котиче, путаясь под ногами, юркнул следом.

Лошади встретили его испуганным ржанием — волнение и запах крови заставил и их встрепенуться. Однако Игришу сейчас было не до лошадей. Игриш не стал возиться с лестницей — просто вцепился в край настила, подтянулся и взобрался на сеновал. Поиски шкатулки длились считанные удары сердца, которые ему показались почти вечностью, однако она словно сама собой прыгнула ему в руки. Мальчик облегчением прижал к груди ее резную поверхность и стал спускаться.

Но стоило ему только коснуться пола, как его по плечу хлопнула крепкая рука:

— Эй! Ты чего это тут забыл?!

Игриш облился целым ушатом колючих мурашек и едва не упустил шкатулку. Зараза! — застучала в его голове сразу сотня молоточков, наказывая его за нерадивость. Он не слышал ни скрипа двери, ни шагов... или был слишком занят, чтобы услышать.

Не успел он опомниться, как последовал сильный толчок, и мальчик хлопнулся наземь, больно проехавшись коленями по опилкам. Мерзкий старый котиче, который не отставал от него ни на шаг, противно заурчал, словно насмехаясь над его падением.

— Чего это у тебя? — склонился над ним тот самый смуглый парень с мечом Каурая за плечами. — Ты это украл?

Игриш начал подниматься с пола, но тут новый удар в плечо повалил его на землю. Котище довольно подняло усы и все урчало, сверкая из темноты зелеными глазищами.

Парень возвышался над Игришем, уперев руки в бедра, и глядел на него, презрительно сощутив правый глаз.

— Нет... — буркнул Игриш. Сердце его бессильно трепетало.

— Врешь же! — ухмыльнулся парень крупными зубами. — Врешь. По глазам вижу. Да и откуда у такого так ты может быть такая прелестница? Давай ее сюда, воришка!

— А откуда у тебя этот меч? — в свою очередь спросил его Игриш задыхающимся голосом. — Ты его тоже украл?

Парень замер и округлил глаза.

— Да как ты смеешь?! — дрогнули его губы. — Мерзкий слизняк!

— Откуда у такого как ты может быть такой меч? — передразнил его Игриш, отползая от юноши и прижимаясь к стене. — Только не говори, что взял его в бою. Не поверю.

— Я тебе вообще ничего не обязан! Сейчас кликнем кого-нибудь и разузнаем, у кого ты скрал эту шкатулку. Скажешь, нет?

— Зови кого хочешь, — насупился Игриш. — А шкатулка моя. Лучше объясни откуда у тебя этот меч, грязный воришка! Он принадлежит моему другу.

Парень скрипнул зубами и впечатал сапог Игришу прямо в лоб. У него едва искры из глаз не посыпались, когда он приложился затылком о стену. Но шкатулку из рук так и не выпустил. Тогда парень принялся лупить его ногами, целясь по рукам и охаживая его в лицо. Игришу было очень больно. Но он как мог держался, чтобы не закричать.

Кот издал какую-то новую ноту и противно зашипел. Шерсть у него на загривке поднялась дыбом, но парень продолжал избивать Игриша и не собирался останавливаться.

— Драко! — хлестнул его окрик, и парень обернулся. Игриш не сразу открыл глаза — боялся, что ему послышалось.

К ним с метлой в руках приближалась Малунья, прожигая Драко глазами насквозь.

— Ты чего творишь?! Отойди от него!

— А ты тут откуда? — опешил парень, наблюдая как ведьмочка поднимает охающего Игриша на ноги. — Вы знакомы?!

— Где Милош? — проигнорировала его Малунья.

— В землянке, — ответил Игриш, слизывая кровь с губ. — Он решил остаться с ними...

— Ну, мелкий засранец! — зашипела ведьмочка. — Ладно, Сеншес с ним, пусть делает что хочет. Мы уходим.

— Куда это? — захлопал глазами Драко. — Ты чего с ним заодно?!

— Еще бы! Пришла, чтобы увести их отсюда. И тебе советую сваливать как можно быстрее. Этот Коляда явно не в своем уме, раз начал резать своих как свиней. Не хочу дожидаться, когда он примется за чужих. Уйди с дороги!

Но Драко не сделал и шага, чтобы пропустить их.

— Никто отсюда не уйдет, — проговорил он и ткнул пальцем в Игриша. — Тем более этот. Который убийцу моего отца назвал “другом”.

— Что ты ему сказал? — обратилась Малунья к вмиг охолодевшему Игришу.

— У него меч Каурая... — проговорил мальчик, смотря Драко прямо в глаза. — Откуда он у тебя?

— Какой еще меч? — закатила ведьмочка глаза. — Как дала бы! Отойди, Драко. Разберетесь с взаимными обидами в другой раз.

Но Драко только покачал головой:

— Ты, Малунья, можешь идти. А с этим я еще хочу побалакать трошки...

— Я ничего не знаю про твоего отца! — бросил ему в лицо Игриш, когда прочитал в глазах юноши лишь слепую жажду мести.

— Это неважно, — сказал Драко, спуская Куроук со спины.

Здоровенная железка ударилась об пол словно длинный, тяжелый лом.

— Мне достаточно, что ты узнал этот клинок и считаешь его прежнего обладателя другом, — выдал Драко, проходясь пальцами по дрожащей рукояти.

— Стой где стоишь! — воскликнула Малунья, когда он начал приближаться. — Драко, не делай глупостей.

— Отойди, Малунья... Друг убийцы моего отца — мой враг.

С этими словами Драко обнажил клинок — тот металлически звякнул по ножнам с каким-то довольным клекотом. У Игриша внутри все свернулось от страха: перед глазами пронеслась картина ночной сечи, он вспомнил с какой легкостью этот меч разрубил разбойника пополам.

— Еще шаг, Драко... — угрожающе ведьмочка вскинула метлу, по которой гуляли крохотные искорки. — Не вынуждай меня...

Он не дал ей закончить — схватившись за рукоять двумя руками, неловко взмахнул чересчур тяжелым мечом и перерубил черенок надвое. Во все стороны полетели капельки влаги, которыми исходило блестящее лезвие.

Малунья взвизгнула и едва не упала на Игриша. Острие клинка чудом не рассекло ей лоб.

— Ты... — хлопала она глазами, рассматривая две половинки метлы, которые остались в ее дрожащих руках. Искорки затухли. — Ты как посмел?!

— Отойди, дура! — крикнул Драко, едва держась на ногах от ярости и несоразмерной тяжести грозного оружия, и снова занес Куроук над головой.

Опустить клинок ему не дал взбесившийся кот — тот шипел так, что едва не лопался от натуги. Раздувшись как шарик и ошестинившись игольчатой шерстью, животное быстро увеличивалось в размерах. Когда кот вымахал до размеров собаки, рука Драко со смертоносным Куроуком дрогнула.

Сам не свой от страха Игриш бросился парню под ноги и ударился головой в живот. Драко булькнул и сложился пополам, но тяжелый меч так и остался в его руках. Игриш со всей силы заехал ему под дых за что получил по скуле, но не сдался и еще раз вlepил в печень. Перед глазами заплясали разноцветные искры, от тяжести он едва не кричал, пытаясь побороть Драко. Малунья вцепилась в парня с другой стороны — тащила его за волосы, царапала и визжала. С большим трудом, но им удалось повалить таборщика на землю.

Схватку остановила гигантская тень.

Смертельно бледный Драко закричал, когда над ним нависла черная, волосатая морда. Упираясь ушами в баки, кот облизнулся — до предела раскрыл вонючую пасть и рыкнул что есть мочи. Душа всех троих улетела в пятки.

Тут ворота с грохотом распахнулись, и в конюшню вбежало четверо атаманцев. Сцепившихся подростков они даже не заметили, обалдев от одного вида страшного кошака, и сломя голову бросились обратно, где на них тут же с неба свалились крылатые, когтистые тени. Лагерь атаманцев взорвался воплями ужаса. Кот, мигом позабыв обо всем на свете, с яростным рыком пустился на запах крови.

Малунья первой вскочила на ноги и ударила Драко по лицу черенком от метлы. Тот попытался отмахнуться, но Игриш вцепился в его руку с оружием. Вырвать рукоять Куроука ему не дала Малунья — ведьмочка потащила Игриша за шкуру прочь из конюшни, где их снова встретил оглушающий рев, море крови, огня и пугающая неразбериха.

Они застыли на пороге, не в силах шелохнуться от увиденного.

С громким карканьем по лагерю метались птицы, трубили горны и сверкало оружие. Дрожащие костры сдувало налетами черных крыльев, которые бросались на людей, клевали и рвали их когтями.

Выбежавших из конюшни Игриша с Малуньей атаманцы заметили тут же и, мигом позабыв про стаю озверевшего воронья, бросились на них с обнаженным железом. Спас

обоих гигантский котище, который одним прыжком порвал в клочья тройку зазевавшихся атаманцев и, облизнув окровавленную морду, сам понесся навстречу Игришу с Малуньей.

Они, забыв даже закричать, ринулись прочь со всех ног, но кот оказался быстрее. Довольно урча, он пролетел над их головами и грохнулся на землю, свалив обоих с ног и осыпав ворохом гнилых листьев.

Едва не задыхаясь от ужаса, Игриш решил, что это последние мгновения его жизни, и с замиранием сердца ждал, когда чудовище примется рвать его на части. Но кот не спешил — лишь склонился и понюхал обоих, слегка коснувшись их макушек длинными, раскидистыми усами.

— Мор, — залепетала вусмерть перепуганная Малунья. — Не ешь нас! Это не я сломала эту чертову метлу и вообще украла ее случайно! Вернее, вообще не крада...

Кот заурчал словно большая чугунная труба, вывалил широкий рыхлый язычище и одним махом облизал Малунью с ног до головы.

От неожиданности ведьмочка села на месте с раскрытым от потрясения ртом. Кот мяукнул и опустился животом на землю, выразительно поглядев на Игриша.

Как будто, приглашая обоих забраться себе на спину.

Топот ног вырвал их из оцепенения. Из землянки посыпались атаманцы, блестя топорами и саблями, но как только они увидели во дворе лагеря гору трупов, тучи воронья и злобного кота размером с баню, половина молча побросалась наутек, стоило только Мору зыркнуть на них своими зелеными глазами. Тех, кто не успел сбежать, тут же осыпала орда крылатых хищников — вой, клекот и крики снова поднялись на оглушающую высоту.

— Ты чего творишь? — пискнула Малунья, когда Игриш схватил растерявшуюся ведьмочку под локоть и, сам не веря что делает, полез коту на спину, хватаясь за его жесткую шерсть.

Из-за деревьев защелкали луки — всех, кто не походил на людей, начали осыпать стрелами. Мору эти укусы были не опаснее, чем комариные, но Игриш с Малуньей в страхе вжались в его шкуру, когда стрелы одна за другой начали впиваться Мору в бока.

Поджав острые уши, кот скакнул в сторону, уходя из-под обстрела, и рванулся под защиту лесных гуц.

Игриш изо всех сил старался удержаться у него на спине и не соскользнуть в темноту. Краем глаза он заметил, что ведьмочка с писком начала сползать. Мальчик что было сил ухватил ее за одежду и подтянул повыше — та забарахталась и в страхе вцепилась в него ноготками. Мор не сбавлял темп, неся все быстрее, виляя из стороны в сторону, все глубже зарывался в чащу.

Вскоре крики людей и нелюдей затихли вдали. Игриш облегченно выдохнул, но только крепче сжал колени. Теперь им оставалось только не навернуться со спины неожиданного союзника и не сделаться его обедом. И как-то остановить этого чересчур резвого котенка.

Не успел он додумать эту мысль, как кот сбавил темп. Мальчик хотел было порадоваться, что безумная скачка заканчивается так быстро, но тут обнаружил, что кот не просто замедляется, но и уменьшается в размерах.

Еще хуже было то, что первое происходило куда медленней второго.

— Малунья! — дернул ее Игриш за локоть.

— Чего?! — оторвалась еле живая ведьмочка от шкуры.

— Прыгай!

— Что?..

Игриш не дал ей осознать на какой шаг он ее толкает. Просто обхватил ведьмочку и вместе с ней сиганул в кусты. Малунья даже не успела вскрикнуть, как они соскочили со спины стремительно уменьшающегося кота и кубарем покатались по траве, сшибая кусты.

Визжащий Мор черным, пушистым ядром пролетел немного дальше, подскочил, завертевшись вокруг своей оси как мяч, и хлопнулся в овраг.

* * *

После падения у Игриша болело все тело, и он едва ноги переставлял, продираясь по подлеску, что и без увечий было ой как не просто. Малунья пострадала не меньше — чуть ли не каждый шаг ведьмочка опиралась на ближайшее дерево и бранилась на чем свет стоит, поминала Сеншеса, Холеру, Тиф, Проказу, Чуму, Оспу и прочих его дражайших жен и дочерей.

Мор понуро трусил следом — маленькой мячущей тенью. То и дело он пытался и попытался подрасти, но только зазря тужился. “Не пожрет — не вырастет”, — вздохнула Малунья, глядя на безуспешные попытки кота раздуться хотя бы до размеров лошади. Но скоро силы Мора совсем иссякали, и едва став “собакой”, он сдувался как шарик, возвращаясь к размерам обычного, пусть и чересчур откормленного, котяры.

— Малунья, — позвал ее Игриш, когда им ненадолго пришлось задержаться.

— Ну чего? — без большой охоты отозвалась ведьмочка, отдирая край юбки от колючего куста.

— Я хотел спросить... — проговорил мальчик, пытаясь помочь ей справиться с юбкой. — Ты давно знаешь Маришку?

— Эту твою загадочную сестрицу? Да давненько уж. Третий год поди. Часто встречались на шабашах и сходках. Она всегда была очень веселая. Даже и подумать не могла, что она поднимется так... высоко.

— Не думал, что она станет ведьмой?

— Слушай, это ее дело — становится ведьмой или оставаться в ведуньях! Я в ее делишки не влезаю, да и подругой твою сестрицу не считаю. Просто попросила о помощи, и все. А ты чего, соскучился? Надоело с одноглазым грязь месить, снова захотел поглядеть на звезды?

Она хмыкнула, расправила юбку и зашагала дальше, высоко задирая ноги.

— А ты?.. — спросил Игриш через некоторое время.

— Что я? — Малунья хлопнула носом. — Мне только дай метлу или те сапоги, я мигом под небеса умчусь. Там, в небесах... хорошо. А если шубку надеть, то даже тепло. Спокойно, свежо. Красиво. И никого вокруг.

Она примолкла, вслушиваясь в шорохи. Но они ей ничего не ответили. Согласились.

— Иной раз напрочишься с девочками на коврике покататься, — продолжала ведьмочка. — Поднимешься повыше, над облаками. Встанешь в полный рост, расправишь руки и... Нет, это надо попробовать, так не объяснишь. А иной раз, когда настроение есть, можно и... побаловаться, — она захихикала.

Игриш сглотнул и не стал продолжать разговор. Поглядел на небо, но звезды скрывали мохнатые кроны. Они шли дальше, и каждый перебирал собственный пучок мыслей.

* * *

Солнце встало и разглядывало троицу сквозь размашистую хвою, навязчиво поблескивая тысячью росинок под ногами. Они шли всю ночь, отгоняя прочь мошкарку и мысли об отдыхе, стараясь убраться подальше от пристанища колядников. Стоило им только

приблизиться к дороге, как до них донеслись пугающие звуки. Бряцало оружие, раздавались голоса и грохотали копыта, загоняя Игриша с Малуньей в овраги, дабы не попасться никому на глаза. Силуэты между деревьями кавалькадой проносились мимо.

Десятки, а то и сотни всадников, вооруженных до зубов. Хуже того — всадники двигались в ту же сторону, куда направлялись и Игриш с Малуньей.

Спутники прибавили шаг, рассчитывая выйти к избе Хель до темноты.

В сумерках они увидели зарево.

* * *

Дым был повсюду, поволока проглотила лес насколько хватало глаз. Страшно хотелось кашлять, глаза ужасно чесались и лезли из орбит.

Игриш пытался увести Малунью, но та упрямо шагала вперед, игнорируя его увещевания. Он хватал ее за руки и вставал на пути, но ведьмочка вырывалась и все быстрее неслась к тому месту, откуда валил дым.

Огонь еще полыхал, когда они добрались до черной полосы частокола. Ворота были снесены напрочь — они валялись внутри двора вместе с несколькими выбитыми кольями. Игришу не хотелось соваться дальше, но Малунья сломя голову побежала к избе. Вернее, к тому что от нее осталось.

Сквозь зияющую дыру было видно все: от обуглившихся стен избы, утыканных стрелами, до пары темных силуэтов, раскиданных по земле, которые могли быть только бездыханными телами. У Игриша екнуло сердце, когда он приближался к вонючему, обуглившегося трупу. У мертвеца еще сохранились остатки кольчуги, вплавленной в почерневшую плоть. Еще один труп лежал ближе к крыльцу — нечто продырявило в его груди дыру размером с кулак. От амбара и конюшни осталось куда больше, чем от избы, но и они дымили всюду, угрожая разгореться вновь. Внутри живых точно не было.

Малунья застыла посреди двора, быстро моргая мокрыми покрасневшими глазами. Ее до крови искусанные губы что-то неслышно шептали.

Игриш в очередной раз схватил ведьмочку за локоть, на что тут же получил сильный толчок в грудь. Малунья очнулась от оцепенения и молчаливым дрожащим столбиком двинулась к еще целым дверям догорающей избы, в окошках и меж поленьев которой ревели пламя.

Еще шаг и ведьмочка бы дернула за кольцо, раскаленное добела, но Игриш обхватил ее за талию и потащил прочь. Малунья взревела не своим голосом, ударила мальчика локтем в лоб, взбрыкнула — и они оба повалились на землю, подняв пепел до крыши. Схватка с ведьмочкой заняла считанные удары сердца, когда крыша погибающей избы рухнула внутрь, заставив обоих оставить бессмысленную борьбу. Тогда Малунья всхлипнула и сама схватила мальчика за руку.

Из окон вырывались языки пламени, засыпая обоих углями, обволакивая жаром и дождем из пепла.

Завороженная Малунья не могла оторваться от огнедышащих глаз, полыхающим им вслед, когда две пары рук, чуждые всякой жалости, схватили Игриша с Малуньей и потащили в лес. Они не сопротивлялись.

Свечей и вправду натаскали немало. Большая их часть занимала пол вокруг гроба; по две, а то и по три воткнули чуть ли ни при каждом образе иконостаса. Однако светлей от них не стало ничуть: темнота только плотнее сгустилась под потолком и по углам притвора, а старинные, потрескавшиеся лики святых и смелых нахмурились еще сильнее. Пока одноглазый приближался к аналою, где застыл с книгой отец Кондрат, их суровые глаза не отставали от него ни на шаг, а пальцы, сложенные Пламенным знаком, казалось, скребли щербатые доски, словно пытаюсь вырваться наружу. Каурай поежился — и в эдакой компании ему предстояло дожидаться, пока петухи не решат продрать глотку.

— Ты что храм спалить решил, бес? — поднял на него заплывшие глаза Кондрат, прервав молитву. — На что столько свечей?

— Нечистого отпугивать, отче.

— Единственный нечистый в моем храме — это ты да это ведьмино отродье!

Пропустив ворчание отца Кондрата мимо ушей, Каурай подошел к гробу и поглядел на недвижимое тело, которое ему предстояло хранить как зеницу ока. Поборов внезапное желание приподнять саван, он присел на корточки и спустил с плеч саблю, что не укрылось от бдительного глаза отца Кондрата:

— Ты что ополоумел? Кто тебе позволил заходить в храм Спасителя вооруженным до зубов?!

— Читайте, отче, читайте, — отмахнулся одноглазый и нащупал в кармане баночку Эсселума, которую ему дали сердобольные ведуньи. — Вас сюда пан воевода отрядил как раз для этого. Меня для другого. Сейчас мы немного подмогнем всем святым и смелым...

С этими словами он вытащил пробку.

— Это что? Бесовской отвар?! — округлил поп глаза, когда Каурай опустил на корточки и принялся помечать полы вокруг гроба белесым порошком, слегка сверкающим в дрожащем свете свечей.

— Святое слово и умелые руки намного лучше, чем просто святое слово, — вспомнил одноглазый слова одного святого отца, которого когда-то знал. — Давайте за первое будете отвечать вы, а вторым озабочусь я.

Порошка он не жалел, сыпал от души. В ином случае одноглазый не стал бы расходовать порошок зря, но этой ночью барьер мог решить вообще все, и с ним не стоило жадничать. Успеет он еще пожалеть драгоценный состав, если эта ночь пройдет благополучно.

— Как ты смеешь осквернять храм этой мерзостью? — не отступал отец Кондрат.

— Всего лишь мера предосторожности, — разогнулся одноглазый и сунул пробку обратно.

Круг получился слегка кривоват. Но сейчас ему было не до изящества.

— От чего? — поднял бровь Кондрат. — Серго убит горем и не ведает, что творит. Мало того, что нарушил все правила и заставил меня брать грех на душу — отпевать ту, которую в ином случае стоило бы спалить, а пепел развеять по ветру, так еще и нанял тебя, грязного опричника!

— Поверьте, отче, к утру вы сами возблагодарите Спасителя, что рядом с вами оказался грязный опричник. Советую взять ваш требник и переместиться в пределы круга. Целее

будете.

— Ты что думаешь, что в храм и впрямь полезут бесы, чтобы забрать ее душу в Яму? Ха, это приют Спасителя!

— Хотел бы я, чтобы самым страшным испытанием этой ночи оставался ваш скверный характер, отче.

— Да ты...

Тяжелый колокольный удар разбил их перебранку в прах.

— Что такое?.. — пробормотал Кондрат, запрокинув голову.

Колокол немедля ответил ему — тягучим, жутким голосом. Следом недовольно заскрипели стены, словно церковь пробудилась от долгого сна. Огоньки свечей разом вздрогнули, затрепетали на призрачном ветру, и начали гаснуть — одна за другой.

— На колокольне кто-то есть? — спросил Каурай неуверенно. Почему-то показалось, что звон доносился из-под полов.

— Наверное ветер...

Но бесноватый колокол не унимался — с третьим тяжелым ударом затухла уже половина свечей, а тьма все ближе подбиралась к аналою, где застыл ошарашенный отец Кондрат. Запахло гарью, запахло мертвым, и одноглазый выругался.

— Отче, заходите в круг живо! — приказал Каурай, отступая к гробу, который тоже отчего-то начал слегка подрагивать. Два других сбросило на землю — тела женщин вывалились на пол и задержались, словно их била падучая.

Но упрямый Кондрат лишь искоса поглядел на одноглазого и упер глаза в книгу. Его низкий голос вознесся под потолок, сливаясь с колокольным боем в бушующем гуле. Стены затрещали еще сильнее, а колокол ударил с новой силой, едва не припечатав упертого попа к полу. Тот схватился за края аналая, набрал в грудь побольше воздуха, распростер над головой руки, сложенные Плавающим знаком, и начал во весь голос протяжно читать молитву, пытаясь перекрыть треск, грохот и вой ветра. Одноглазый силился образумить дурака, но его крик быстро разметало по углам. Кондрату было все нипочем — поп только сильнее драл глотку в бездонный потолок, с которого на них поглядывало нечто голодное.

Тьма подступала к полам поповской рясы, зажженных свечей оставался едва не десяток, и все они горели по краям начерченного одноглазым кругом. Стены церкви заволкло темнотой, и лишь очи обозленных святых и смелых горели огнем, обжигали непримиримой, древней злобой. Пальцы их напоминали когти, которыми они бы с удовольствием расцарапали краску икон и вцепились бы в жертву.

Надрывное пение Кондрата все гремело, порываясь сладить с вторгнувшимся в церковь безумием. Но вскоре мрак затопил пухлую фигуру попа, хищно напрыгнув на него со всех сторон и смачно клацнув зубами. Голос святого отца резко сорвался и перешел в жуткий крик ужаса, который резко оборвался.

Колокол ударил раз и оставил церковь в тягучей, мертвой тишине, где время от времени болезненно выли деревянные стены.

Каурай поднял повязку на лоб и тут же разглядел попа — тот оставался на прежнем месте, но почти лежал на аналое, обхватив стенки и едва держась на ногах. Медленно голова Кондрата приподнялась и мерцающие, ледяные глаза сверкнули через тьму. Почерневшее, треснувшее лицо разошлось в отвратительной гримасе, когда он оторвал крючковатые пальцы от аналая, схватил требник и принялся напевно зачитывать молитвы, выговаривая слова задом наперед, вырывая и разбрасывая страницы. Потом он жутко расхохотался, одним

махом порвал толстую книгу надвое и швырнул в темноту. Звук падения одноглазый не услышал, всецело занятый снаряжением арбалета — натянутая тетива скрипнула, когда рычаг встал на место, а болт покинул колчан. Бородатое нечеловеческое лицо медленно повернулось к гробу, но слепые глаза проплыли мимо. Мертвец сделал шаг, поднял руки, открыл зубастую дыру, которую уже сложно было назвать ртом, и церковь задрожала от его душераздирающего стога, переходящего в настоящий рев.

Оно сделало второй шаг, третий и с каким-то тупым стуком влетело лбом в невидимый барьер — поднявшийся грохот мог бы поспорить с раскатом грома, когда тьму на мгновение разорвала яркая вспышка, и опаленное тело отбросило прочь. Мертвец грохнулся о доски, несколько раз перевернулся, скакнул и приземлился на все четыре конечности. Голова мертвеца стояла торчком, борода лезла во все стороны, глаза горели яростью.

Одинок свистнул болт и прошил мертвецу грудь, заставив его на мгновение рухнуть наземь. Тот зарычал, заскреб когтями по полу, пытаясь подняться, и бросился в сторону, стоило только новому болту нацелиться ему промеж глаз. Тетива щелкнула, но болт впустую прошел мимо мертвеца, который крупными скачками неся на одноглазого. Разделяющее их расстояние он покрыл за какие-то пару ударов сердца, и вновь оскаленная морда ударилась о барьер — грохнула вспышка и мертвец отлетел в стену, словно черный, дымящийся снаряд. Не успел грохот пророкотать эхом, как мертвец снова вскочил и полез на стену. На пол сыпались опилки, когда он драл деревянную стену когтями, поднимаясь все выше.

Не успел одноглазый пустить в него еще один свистящий гостинец, как мертвец в два прыжка забрался почти под самый потолок, прополз вдоль карниза, и с мерзким рыком сиганул в круг, но барьер вновь взорвался искрами и отбросил мертвеца прочь. На пол рухнул изуродованный кусок мяса, отвратительно корчась и исходя пахучим дымом. Его мучения прервал болт — острие пробило рычащую глотку, заставив мертвеца подавиться и упереться затылком в пол. Скрюченные пальцы еще силились дотянуться до одноглазого, который осторожно переступил барьер и приближался к чудовищу с обнаженной саблей, надеясь на этот раз покончить с ним одним ударом.

Но стоило ему покинуть круг, как с пола тут же поднялись две мертвые женщины, точно ждавшие, когда же одноглазый покинет укрытие. Они приближались не проронив ни единого звука, еле слышно переставляя босые ноги. Их глаза были плотно сомкнуты, лица ничего не выражали.

Ничего, кроме тупой решимости разорвать Каурая на части.

Первую одноглазый продырявил штыком. Клинок прошил ей глазницу и увяз в черепе, миглом оборвав ее вторую “жизнь”. Она рухнула на пол как подкошенная. Вторая, жутко вереща, попыталась расцарапать одноглазому лицо ногтями, но росчерк сабли срубил ей две кисти разом. Бледная плоть зашипела от соприкосновения с имлианской сталью, Каурай оттолкнул мертвую сапогом и снова взмахнул саблей.

Рассеченное надвое тело еще дергалось, когда он переступил через него. Но вскоре его тоже взяла упрямая смерть.

Поп умирал тяжелее всего.

В этом прогоревшем до костей чучеле уже мало что напоминало прежнего отца Кондрата — мантия превратилась в клочковатое, плешивое рубище, кожа полностью сошла с пухлого лица, мясо медленно расплзлось и маслом стекало на пол, открывая бледную кость. Глаза полопались, и на их месте зияли две черные дырки, заполненные кровью и гноем.

Одноглазого передернуло, когда существо дернулось, перевернулось на живот и медленно поползло к его ногам, щелкая челюстями. Каурай взмахнул саблей, и отрубленные кисти мертвеца заскакали по полу. Взмахнул другой — и черная голова с тлеющей бородой покатила в угол. Тело задергалось, потрясая культиями, и затихло.

И тут снова — от ворот до алтаря — долгим, могучим колесом прокатился колокольный звон. И церковь словно взбесилась.

Одноглазый выругался, перехватил саблю двумя руками и закрутил головой, вглядываясь в самые темные закоулки, откуда разило гнилью и слышались недовольные шепотки. Каждый удар колокола звучал с такой яростной силой, что едва не сшибал с ног. Глаза темных святых и смелых двигались, стены стонали, а деревянный пол бился в такт подземному звону, утробными толчками выдавливая из себя острые гвозди, словно нечто большое и жутко злое просилось на свободу.

Каурай попытался вернуться к гробу, но едва не рухнул, когда снизу отошла доска и наружу полезла длинная кривая рука. Тускло блеснула сталь — когтистая кисть отлетела в сторону, брызгая черной кровью, а из-под полов полился жуткий, жалобный вой. Рядом раскололась другая половица — дыра породила бледную рыбу физиономию. Плоскую морду скосило на бок, выпученные глаза уставилась на одноглазого с каким-то отрешенным выражением. Каурай выхватил штык — чудище взвизгнуло и скрылось, но на его месте тут же выросли два других рукастых монстра.

Не теряя ни мгновения, одноглазый помчался обратно в круг, огибая мычащих горбунов и перепрыгивая рычащих карликов, один за другим вылезавших из-под полов. Сабля сверкала в его руке, наповал разя каждого, кто вставал на его пути. Каурай несся со всех ног, оставляя за собой дорожку из отрубленных рук, клешней и плешивых голов.

Но не успел он добежать до гроба каких-то десятка шагов, как вокруг его сапога сомкнулись костлявые пальцы.

Одноглазый упал на бок, сильно приложившись плечом, и едва не упустил саблю. Вырваться и вскочить не удалось: хватка у упрямого мертвяка оказалась железной. Над ним уже зависала волосатая тень — тяжелая, бугристая стопа держала клинок сабли.

Колокольный звон торжественно бил по ушам, лишая ориентации и воли к борьбе.

Но Каурай все же попытался: зарычал во все горло и въехал свободной ногой мертвяку в морду. Когти всюду скрежетали по пластинам его брони, силясь найти неприкрытые бреши, когда следующий штык угодил в ступню — волосатая тень закачалась, на мгновение ослабив нажим. Клинок выскользнул, и Каурай сходу снес державшему его уроду половину трухлявой головы. Однако тиски сжались только крепче, и еще пара мгновений утонули в тяжелом колокольном бое. Новый взмах сабли разорвал монстру сухожилия и гнилая рука с треском разорвалась на пополам. Одноглазый подскочил, наудачу завертевшись на месте в смертоносном пируэте. Когда лезвие остановилось, окропленное гнилой дурнопахнущей кровью, ножны покинули еще пара штыков и пригвоздили к земле двух иглозубых карликов, подбиравшихся к одноглазому с боков. Каурай не дал им очухаться — в прыжке взмахнул сталью, разрубив обоих напополам, но не остановил смертельный танец. За ними тянулась тройка слепых горбунов, но и их ожидала та же участь. Первому одноглазый не дал даже разогнуться — подрубил ногу и вогнал штык прямо в сгнивший мозг. Второму вдарил сапогом в распухший живот, тут же взорвавшийся гноем, и отбросил рычащую образину на спину — штык закончил дело. Третий впустую черкнул лапой по броне и почти сомкнул челюсти на его горле, но клинок оказался быстрее. Зубастая голова покатила по полу, но

это не остановило его шаркающей походки. Горбун прошел еще немного, прежде чем врезаться в группу своих склизких друзей.

Чудовищ меньше не становились — их толпы смыкались. Одноглазый рвался к спасательному кругу, на ходу вытаскивая из поясного кармана склянку с Морцией. Вырвав пробку зубами, он подбросил ее над плешивыми головами. Ударившись о череп карлика изумрудная пыль вырвалась на свободу и вместе с ним накрыла еще пятерых упырей, превращая их шкуру в кипящее желе. Попутно Каурай выхватил штык и послал в морду горбатого монстра, который едва не сцапал его своими щупальцами. Клинок пробил ему грудную клетку, заставил утробно заворчать, но не остановил — горбун продолжил упрямое движение. Тогда следующий клинок влетел ему прямо в морду, скосил ее на бок и принудил чудище рухнуть на пол, уступив место новому порождению мрака. Сабля расплосовала и его.

Наконец скакнув через белую черту, Каурай развернулся, вскидывая саблю, и бросил печальный взгляд на арбалет, который он по глупости оставил тварям. В колчане оставалось порядочно болтов, которыми он считай и не пользовался, а портупея со штыками была уже наполовину пуста. Сабля и несколько посеребренных штыков — единственное на что он мог положиться.

Считать врагов уже не имело смысла — в притворе и срединной части, спина к спине, столпилась уже сотня упырей, вурдалаков и горгулий, а их собратья сплошным потоком текли из-под полов и вылезали из углов на потолке. С образов на иконостасе сходила выцветшая краска, обнажая мохнатые рыла и перепончатые крылья. Выбравшись из своих расписных темниц, горгульи с шипением и клекотом ползли по стенам как пауки и ступали на пол, присоединяясь к общему шествию. Все больше скрюченных, горбатых созданий рождалось в темноте — в притворе и средней части храма, со стен и с потолка свисали едва ли не три сотни клыкастой чертовщины. Они облизывались и во все глаза глядели на дрожащий гроб за спиной одноглазого.

Сначала они похрустят его косточками. А потом насладятся Боженой.

Интересно... — присвистнул Каурай. И откуда в самом сердце густонаселенного городища взяться такому воинству? Видать порядочно нагрешили валашцы, что привлекли так много порождений Ямы. А то и в былые времена на Пограничье творились дела настолько мерзкие, что сам Сеншес снял бы шляпу.

Отбросив эти мысли, Каурай захлопнул крышку гроба и, попросив прощения у усопшей, вскочил сверху. Раскатисто ударило по ушам — полыхнувший огонь мигом раскидал с десятков чудовищ, стоило им только ступить на магический круг. Следом за поднявшимся эхом толпа дрогнула, взревела и оскалилась, но не оставила попыток добраться до глотки одноглазого. От всей этой свистопляски Каурай поежился, устроился поудобней и стал ждать. Он умел ждать. Ночь предстояла долгой.

Круг взорвался искрами и диким воем, следом заблестела сабля и черная кровь зашипела на гранях магического круга. Плотное кольцо сжалось: орава шипела, рычала и тянула щупальца, огонь ревел, а Каурай обливался потом, рубил, сек и колол, уворачиваясь от железных когтей, которым удалось прорваться через испепеляющее пламя.

Остро воняло горелым гнильем, в ушах звенело от жутких визгов, с которыми чудища отбрасывало прочь от круга, но все больше их кидалось самоубийственным валом — десятки их, а потом и сотни отлетали горящими, визжащими и порубленными кусками мяса.

Скоро волна исчадий тьмы отхлынула и, обиженно рыча и сверля упрямого человека

своими бледными, синими глазищами, принялась расхаживать вокруг барьера в поисках бреши. Напрасно. Их жуткий вой слился с подземным колокольным звоном, заставляя полы вибрировать, а потрескавшиеся стены гудеть и дрожать от ужаса. Добраться, догрызться, убить, разорвать!

Да, им обещали, — было написано ни их физиономиях. Но на их пути встал всего один человек. Да, их обманули.

Они кружили адским хороводом вокруг недостижимого гроба и в один момент с разочарованным ревом кинулись на него снова, и вновь первую волну разметало как россыпь сухих листьев. Вторая волна бросилась в пламя следом и уже парочка упырей прорвалась за черту — там их встретила сабля и штыки Каурая. Ни один не дотянулся до гроба.

Стоило орде снова отхлынуть заливать раны, как одноглазый нащупал баночку с остатками Эсселума и под яростный рык опустился на пол, стараясь не соваться слишком близко к краю. Закольцевав еще один круг, он поднялся и вскинул дымящуюся, почерневшую саблю, чтобы встретить очередной вал. Мгновение ему представилось, что они отмахнутся от барьера как от назойливой мухи и порвут его на части. Но колдовство Хель держало крепко — к нему прорывался каждый пятый, остальных россыпью углей развеяло по мордам собратьев.

Давно с ним не было такого чистого Эсселума. Сунься он сюда с составом, который готовил лично, тянуться бы его кишочкам прямиком до врат алтаря. Едва ли здесь сдюжил бы и Куроук, будь он неладен.

Он горячо поблагодарит Хель после. Если выживет.

Каурой обезглавил очередного горбуна, пинком отправил его жариться в пекло и тут же, повинаясь инстинкту, пригнулся — перед глазами все взорвалось искрами и ошметками тлеющей плоти, когда огромные челюсти клацнули и едва не лишили его головы. Здоровый, толстокожий и ревуший во всю глотку рогатый вурдалак чем-то напоминал быка на двух мускулистых ногах.

Он перемахнул гору обгорелых собратьев и нахрапом попер на одноглазого. Передних лап у него отчего-то не было, зато челюстями вурдалак мог с легкостью откусить ему руку. Каурой ударился спиной о гроб и вскинул саблю навстречу этой громадной махине. Зубы немедленно сомкнулись на клинке, морда дернулась и едва не вырвала рукоять из судорогой сжатых пальцев. Штык уже покинул ножны и с мерзким чавкающим звуком застрял в бугристом животе, не причинив вурдалаку никакого вреда. Он только выпустил облачко смрадного пара из здоровенных ноздрей и сильнее сжал челюстями клинок. Сталь выгнулась и лопнула с отчаянным звоном.

Казалось, этот звук услышали все чудища до единого, и в то же мгновение зубастая орда с радостным ором рванула на приступ. Огонь взметнулся до самой крыши, облизывая стропила и закоптившиеся росписи на потолке.

Расправившись с саблей, гигантская пасть клацнула зубищами и раскрылась вновь, готовясь вцепиться уже в ее хозяина. Каурой сунул руку под плащ в поисках штыка, но пальцы нашли лишь горлышко пузыря пана Рогожи. Выхватив бутылку, он саданул ею по одному из кривых клыков и разбил ее сотней блестящих осколков. Жидкость брызнула во все стороны и половина залилась прямо в глотку вурдалака, опалив ему все внутренности. Тот страшно заревел, подарив Каураю драгоценный шанс — он бросился в сторону, сиюсь подойти к чудищу со стороны, и едва не попал в лапы упыря, прорвавшегося за барьер. Росчерком обломка сабли одноглазый вспорол ему брюхо, и бледные черви

внутренностей зашлепали по раскаленному полу.

Вурдалак начал поворачиваться, широко раскрыв дымящуюся пасть и жутко вереща от боли. Одноглазый прыгнул на рукоять штыка, который все еще торчал у того из бочины, и забрался на волосатую спину. Чудище не ожидало от человечка такой прыти и пару мгновений вертелось на месте в попытке высмотреть негаданно пропавшую жертву. Каурай вцепился вурдалаку в загривок и со всего маху вогнал осколок сабли в толстую шею — брызнула черная кровь, и судорога сотрясла гигантское тело. Не без труда вынув сабельный отрезок из раны, Каурай забил его по самую крестовину и бил до тех пор, пока истощенно визжащая образина не рухнула на пол.

Тогда оперев каблук в затихшую тушу, он вырвал штык и с двумя клинками в руках бросился на новых врагов, которые огромной ревущей и оплавленной массой наваливались на пожирающее их пламя. Большая часть темного воинства сгинула в огне Эсселума, но все больше озверевших чудовищ перебиралось через груды горящего и шипящего мяса, чтобы броситься на Каурая.

Он самозабвенно колот, резал и рубил чудищ, забыв про все на свете. Он почти ничего не видел, ослепленный огнем, оглох из-за истощенных криков упырей, перемалываемых в дурнопахнущую кашу, и ориентировался по звуку. Бил штыком в ответ на каждое движение, когда очередной упырь прорывался к нему, чтобы получить свою порцию стали в брюхо.

И продолжалось это довольно долго. До тех пор, пока где-то далеко не проскрипело горло проснувшегося петуха. Но упыри не услышали его пения — они были слишком злы и бесстрашны, они видели перед собой только ошетилившееся мясо, до которого не могли добраться.

И даже когда через дыры в прохудившейся крыше заалел горизонт, они не оставляли попыток разорвать барьер и погрузить зубы в плоть одноглазого. Так и сдохли — одна половина рассыпалась углями на подступах к гробу, другая сгинула, запоздало попытавшись сбежать и вспыхнув как свечки при первых лучах зародившегося рассвета.

— Не знал, что ты якшаешься с такой мразью... Впрочем, чего ждать от дочурки Кречета, — проговорил Драко, пока пленников мотало из стороны в сторону, а колеса громыхали ухабистой дороге.

Грубо сколоченному, скрипучему фургону, который тащился на цепи за другим груженым вагончиком, было ой как не просто передвигаться по дорогам Пограничья. Но таборщики спешили и как могли подстегивали лошадей. Солнечный денек был в самом разгаре, едва пробиваясь под разноцветный полог.

Со связанными руками усидеть на скачущем полу было ой как непросто. Игриш с Малуньей, сидя спина к спине, из последних сил старались не хлопнуться на очередной кочке. Еще один синяк мальчику был не к чему, он и так едва мог открыть сильно заплывший глаз.

Изрядно потрепанный Драко развалился на козлах, нервно крутил в пальцах шкатулку и время от времени поглядывал на пленников с выражением, не обещавшим ничего доброго. Скулу юноши украшал свежий шрам от когтистой лапы.

— Так она твоя? — подбросил Драко шкатулку. — Вижу, что ты глаз не сводишь с нее. Знакомая?

— Это шкатулка Божены... — отвернулась ведьмочка. — Лучше выброси ее. Она проклята.

— Ага, нашла простофилю! — хмыкнул Драко и спрятал вещицу в карман. — На такой можно неплохо навариться на ярмарке. Сунул ее какому-нибудь толстосуму и дело в шляпе! Или там внутри что-то ценное?.. Покажешь, как открыть?..

— С чего бы мне облегчать тебе задачку? — хмыкнула ведьмочка.

— В благодарность за спасение? Твой кошак задрал двоих наших. За это тебя по всем законам табора полагается раздавить телегами. А мы тебя и пальцем не тронули, ведьма.

— Во-первых, это не мой кошак, а зверь Хель, который сам едва не сожрал нас. Во-вторых, одного “спасибо” тебе будет вполне достаточно, раз уж мы сидим тут, со связанными руками и едем невесть куда. Да и не напомнишь мне, кто размахивал железкой у меня перед носом? Кажется, ты! Нашелся спаситель, на мою голову.

— Да? Предлагаешь отпустить тебя и вот этого вот, дружка... Как, говоришь, кличут твоего друга? — обратился Драко к Игришу. — Слышишь, ты, оглох что ли?

— Я не говорил... — с трудом у него получилось разлепить губы, липкие от крови.

За Драко ответила нагайка. Игриш взвыл и таки повалился на пол, потянув за собой визжащую Малунью.

— Драко, хватит! — кричала она, пока кожаная плеть змеей извивалась в руках юноши.

— Молчи, дура, не с тобой балакаю! — рявкнул Драко, забираясь под полог и присаживаясь на корточки. — Пусть скажет спасибо, что до сих пор дышит. Очень уж у меня руки чешутся выбросить его в овраг вот прямо сейчас! Но ты сказала “нет”. Значит, потом. Когда сделаешь дело.

— Не собираюсь я делать никакое “дело”! — пыхтела Малунья, пытаясь сесть, но барахтающийся Игриш мешал ей выпрямиться. — Тупой что ли или глухой? Думаешь, это как в сказке? Щелкнул пальцами, и в воротах проделана огромная дыра? Без метлы, без серег... без сапог, в конце концов, я как голая!

— Та белоглазая тварь, которую мы схватили в лесу, говорила то же самое... — покачал головой Драко, — а потом, стоило только нам отвернуться, пустилась колдовать. Пришлось немного помять ей бока, чтобы утихомирить дурочку.

— Какая белоглазая?! — вырвалось у враз побледневшей Малуньи и она повалилась прямо на Игриша. — Хлоя?!

— Как хорошо, что ты сразу поняла о ком я, — прыснул Драко, наблюдая как они ворочаются на подпрыгивающем полу. Юноша и пальцем не пошевелил, чтобы помочь им. — Так что, прошу, не держи меня за простака! Той ночью, когда ты обращала опричника в волка, с тобой не было никаких метел с серьгами.

— Ты не понимаешь, — проямлила Малунья, когда они с Игришем наконец сели обратно спина к спине. — Я готовила это превращение очень долго... и для другого. Даже пришлось взять кое-что у Хель без спросу...

— Ага! Значит, это ты спасла шкуру этого опричника?!

— Спасла... — насупилась Малунья. — И что из того?

— Ничего иного от ведьмы и не стоило ожидать...

— Я ведунья, а не ведьма!

— Ха! А есть разница?

— Большая...

Драко на это только хихикнул.

— Сначала спасаешь убийцу моего отца. А теперь путаешься с его друзьями. Хороша наша Малунья-Шалунья... Вся в папашу.

— Не тебе мне указывать, с кем мне “путаться”! Твой папаша тоже, знаешь ли, хорош. Ни у кого не спрашивал с кем ему путаться. Да и ты с Гароном...

— Ну, Малунья... — сжал зубы Драко. — Ты ходишь по самому краю! Скажи спасибо, что о том, кто ты такая, знаю один я. Лучше закрой ротик, а то как бы я не отрезал твой длинный язычок, пока он не сболтнул лишнего. Мы с дядькой сделали то, что следовало сделать давно — шаг к тому, чтобы срубить голову Шкуродеру и освободить Пограничье! Еще спасибо скажете, что мы убрали эту вшивую шавку Крустника. После того как ты с этой Хлоей поможешь нам в этом — сломаете стену в острог и направите воронья на тех, кто решит защищать Шкуродера. Это же твои поганые птички налетели на нас вчера, правда? Не отворачивайся, по глазам вижу, что это твоя работа, — он ткнул пальцем в шрам на скуле.

— А тебе даже идет... — дрогнули губы ведьмочки.

— Две ведьмы же лучше, чем одна, верно? — продолжал Драко. — Может, шепнешь ей что-нибудь, чтобы она стала сговорчивей? Сделаете дело и можете ступать на все четыре стороны. Хотя зачем вам уходить? Вольное Пограничье примет всех бедных да убогих, даже ведьм, если только они не враги народу Пограничья. Но вот ты, засранец, не обольщайся, — кивнул он Игришу и ухмыльнулся. — После того как мы возьмем острог, я лично посажу тебя на кол. Присядешь рядом со Шкуродером за компанию. И с этим... как там его?

— Каурай тебя самого на кол посадит, недоумок... — отозвался Игриш со смешинкой в дрожащем голосе. — Не помогут тебе ни твои дружки, ни украденный у него меч.

— Что? Что ты сказал?!

— Что слышал... — ответил ему Игриш. — Он оставил с носом самого Крустника Какой-то вшивый таборщик для него — просто клоп под сапогом.

— Не слушай его, Драко, — взвизгнула Малунья, видя что Драко выкручивает хрустящую плетку. — Паренек малясь повредился рассудком...

Но нагайка все равно взвизгнула и прошлась Игришу по голове, едва не выбив глаз. Малунья тоже досталось — один из хвостов полоснул ее в плечо. Оба снова рухнули на пол и забились как две связанные рыбы, пока Драко вымещал на них свою проснувшуюся ярость.

— Драко, хватит! — из последних сил взмолилась Малунья. — Прекращай! Ты ж так забьешь его насмерть!

Драко вскинул нагайку, но не стал бить.

— Я не забуду про тебя, сопляк! — выплюнул Драко ему прямо в лицо. — Просто так забить тебя тут как собаку, это слишком просто, скучно! Выбросить тебя в овраг на растерзание волкам — считай пожалеть. Знаешь, что? Слышал я, ты любитель посидеть в колодцах?

Игриш похолодел, его сердце упало при этих словах. Драко сверкнул белоснежными зубами.

— Оно и видно! — радостно подскочил юноша, едва не влетев головой в деревянную балку. — Значит, закончишь свою жалкую жизнь в колодце! Каждый в таборе будет проходить мимо и плевать тебе прямо на голову. Целый колодец наполним!

Он расхохотался такой идее.

— Ты не посмеешь! — зыркнула на него Малунья. — Он тебе ничего не сделал. Такой недотепа и мухи не обидит, не то что убить твоего непутевого отца. Если ты навредишь Гришу, то имей в виду, этот Каурай отомстит. И уж поверь мне, Драко, опричник куда более охоч в деле размахивания саблей...

— А ты еще и угрожаешь мне?..

— Нет, дурак, жизнь тебе спасаю! Ох, и ты еще не понял, Драко?! Гриш куда важней для тебя живым, чем мертвым!

— Ах, так он ему дорог? — задумчиво почесал подбородок Драко. — И вправду...

— Только понял? Возьми его как заложника, балда! Тогда Каурай сам прибежит к тебе. Дошло, нет?

— Замолкни, сука!

Малунья испуганно пискнула, вжавшись в доски, когда он снова вскинул нагайку. Но плетка так и не упала на ее плечи.

Драко сильно пихнул Игриша сапогом. Мальчик снова оказался на полу и, ожидая что на этом он не остановится, свернулся калачиком, стараясь сберечь голову, с которой прошлым ударом едва не сорвало скальп. Но Драко даже не посмотрел на него — схватил Малунью за волосы и ткнул ее лицом в свою напрягшуюся промежность.

— Боишься за этого змееныша, а? — шепнул он ей. — Втюрилась что ли?

— Еще чего, — попыталась она отвернуться, но тот только теснее прижал ее к себе, а потом принялся спускать штаны.

— Драко, мудака, только не так! — воскликнула она, когда кое-что твердое и розовое начало хлопать ее по щеке. — Ну, не при нем же!

— А чего? Стесняешься что ли? — хохотнул Драко, задорно пошлепывая ведьмочку по пухлым губам. Малунья поморщилась и закатила глаза.

— Давай-давай, сука, — прошипел Драко. — Посмотрим как сильно ты раскаиваешься!

— Грш, оверись...

* * *

Вдоволь натешившись сведьмочкой, Драко слез с нее, натянул штаны и, переступив через Игриша, отправился на свое место на козлах.

Там юноша откинулся спину и больше не произнес ни слова, всецело поглощенный разгадыванием головоломки. Шкатулка трещала, хрустела и позванивала на все лады, но с его попыток не было толку — внутренняя полость так и оставалась тайной.

Телега скрипнула на ухабах еще пару десятков раз и встала как мертвая. Драко вскочил и скрылся снаружи. Довольно долго Игриш слышал только неразборчивые голоса атаманцев и шелест листвы над крышей. Пахло чем-то жутко вонючим.

— Малунья?

— Чего... — она как была так и продолжала лежать на тюках. Не двигаясь, уперев глаза в брезентовую крышу.

— Ты в порядке?

— В полном.

— Мне жаль...

— О чем ты?

— Что он так... с тобой.

— Ты предпочел бы, чтобы он и меня бил плеткой?

— Нет. Но это...

— Да пошел ты! Ничего ты не понимаешь. Была бы со мной метла или сапоги на худой конец, я бы отгрызла его стручок и поминай как звали.

— Знаешь, куда нас везут?

— Сам не догадаешься, дурачок? — устало вздохнула ведьмочка, но когда Игриш не ответил, подобралась и села, поглядев на него влажными сверкающими глазами. — Они хотят брать штурмом острог Шкуродера. И им позарез нужно, чтобы мы с Хлоей помогли им добиться победы. От Хель до туда ходу где-то пару деньков пешком, а они не натягивали поводья с самого утра. Спешат, сволочи. Боятся, как бы их карманная армия не разбежалась, пока они пускают красного петуха по всем хуторам. Слышал, как лошади хрипели? Значит, недалеко осталось. К вечеру...

Тут полотно с задней стороны фургона поднялось и к ним сунулся Драко:

— Вылезайте!

Солнечный свет ослепил Игриша, и ему пришлось вылезать чуть ли не на ощупь. Со связанными руками это было равносильно издевательствам, но в конце концов оба оказались снаружи, шурясь от яркого полуденного солнца.

Сотни вооруженных людей на лошадях, с копьями, пищалям и луками текли по дороге бесконечной шумной цепью, толкаясь с фургонами и не обращая внимание ни на отменную погоду, ни на двух оборванных пленников, которых только что вытащили на воздух. Яркостью одежек таборщики легко могли поспорить с людьми Кречета, но были и те, кто выделялся скорей своей угрюмостью и серостью — одетые в простые кольчуги и бригантины, с арбалетами и копьями на плечах. Дезертиры. Сбежавшие с одной войны, чтобы тут же окупиться в водоворот другой.

Вдали еще гроыхали десятки телег, но еще больше сгрудились у моста через реку, который показался Игришу смутно знакомым. Вернее у того, что от него осталось.

На месте памятного моста через речку Смородинку, где Игришу довелось познакомиться с Кречетом и его людьми, распласталась кучка гнилых, почерневших досок, которых изрядно пожевало огнем и разметало течением. В небо еще поднимался легкий белесый дымок. Путь для армии был отрезан.

Пока таборщики налаживали переправу, Игриша с Малуньей отвели подальше от

дороги, и тут порыв ветра донес до них запах паленого, который едва не свалил их с ног. Пройдя еще немного, Игриш разглядел в небе несколько плотных столбов дыма — тут и там, над деревьями поднимались черные ручейки, уходящие в чистое безмятежное небо.

— Ребята Коляды развлекаются, — кивнул на открывшуюся картину Драко, подталкивая пленников к еще одной телеге, стоявшей поодаль. Там собралась небольшая компания таборщиков в расшитых куртках и возилась с каким-то скарбом.

— Ничего себе, спасители Вольного Пограничья, — хохотнула Малунья. — Да вы просто банда подонков-грабителей, которые только прикрываются громкими словами!

— Радуйся, что рядом нет моего дяди, — больно ущипнул ее за плечо Драко. — Он бы не стал церемониться, а сразу сунул бы тебя в мешок и утопил в речке Смородинке — пристанища всех глупцов и простаков.

— Это я-то глупая простушка?!

— А кто же? Не умеешь различить грабеж и наказание тем, кто годы верно служили Шкуродеру и обворовывал Пограничье. Знай же, что огонь полыхает только в домах шкур, которые смиренно продавали свою землю, хлеб и волю за кровавые медяки Крустника.

— Это когда это ты успел стать таким патетичным? Кровавые медяки? Продавали волю? Эхма, вижу знакомые мотивы! Это что же, наслушался как бает наш общий знакомый?..

— Иди молча уже... Все в сборе? — кивнул Драко, подводя пленников к грузовой телеге, откуда на землю спускали здоровенную дубовую бочку. — Хорошо. Вытаскивай ее — думаю, ей уже хватит.

Приятели Драко выхватили ножи и, пинком опрокинув охнувшую бочку, принялись ковырять крышку. Когда бочка была наконец открыта, Драко сел на корточки и ударил пару раз о деревянную стенку:

— Ты чего там скурвилась уже? — крикнул он. — А ну вылезай! Скажешь привет своей подружке.

Изнутри послышался болезненный стон, кто-то зашипел и крепко ругнулся, а потом на свету показалась растрепанная русая шевелюра, а за ней зверски избитая женщина в оборванном платье.

— Быстрее, давай, — нетерпеливо похлопывал по бочке Драко, пока Хлоя, охая и постанывая, выползала на траву. — Я бы на твоём месте радовался, оказавшись на свежем воздухе после целой ночи там.

Женщина полностью вылезла из бочки и начала выпрямляться, громко хрустя позвонками. Ее платье было все изорвано и едва держалось на осунувшихся синюшных плечах. Руки были крепко связаны за спиной.

— Да нет, милок, — попыталась она ответить как могла непринужденно. — Не таков твой бочонок, чтобы сломать старушку Хлою, — хохотнула она и отбросила волосы назад.

Несмотря на распухшую губу и полный набор кровотокающих синяков, Игриш все же признал в ней одну из ведьм, от которых они с Бесенком сбежали пару ночей назад. Хлоя...

— Милош предлагал распять тебя на воротах вашего гадюшника, — сказал Драко и изысканным жестом убрал с ее раздувшегося лица пару прядей. Она поморщилась, когда он слегка дотронулся до ее разбитой брови. — Но я придумал кое-что получше. Для дела.

— Где, кстати, этот паршивец?

— Не твое дело.

— Надеюсь, что на конце у твоего дядюшки. Передай ему, что он и у меня может взять

за щеку, — огрызнулась Хлоя, невидяще устремляя глаза мимо лиц. — Да и ты, Драко, не стесняйся. Твой бочонок, конечно, помял мне косточки, но на то, чтобы трахнуть тебя в твою тощую задницу у меня силенок хватит.

Драко притворно рассмеялся и с размаха влепил ей пощечину. Хлоя едва не полетела на землю, но его приятели удержали ведунью на ногах. Не успела она твердо встать на своих двоих, как ее тут же оттолкнули, словно таборщикам попалась какая-то пакость. Хлоя закачалась, но смогла удержаться. Нагнулась и сплюнула себе под ноги.

— Если ты все еще думаешь, что я буду помогать вам с Гароном и тем невымытым говном, который называет себя Коляда, то почему бы вам не отсосать друг у друга, голубки? Это будет куда умнее, чем то, о чем ты смеешь просить, малыш.

— Радуйся, что Коляда тебя не слышит, — цыкнул зубом Драко. — А то бы давным-давно отрезал бы тебе ноги, посадил на цепь и заставил бы бежать вприпрыжку. И то, тебе повезло куда больше чем твоим подружкам...

— Что вы с ними сделали, выродки?! — сглотнула Хлоя.

— То же, что сделаем с тобой, если ты продолжишь упираться. Кстати, тута с нами и твоя милая ученица. Малунья, поздоровайся с тетей.

Стушевавшаяся Малунья исподлобья глядела на Хлою, но не сказала ни слова. Тогда Драко больно дернул ее за волосы — ведьмочка вскрикнула, едва не повалившись на землю.

Хлоя на это только прыснула со смеху:

— Эта твоя “Малунья” кричит как беременная корова!

— Хлоя, это я... — пискнула она, когда Драко щелкнул зубами прямо у нее перед носом и больно ущипнул за плечо.

— Не верю, — слегка качнула головой ведунья. — Настоящая Малунья, конечно, безмозглая дуреха каких поискать, но даже у нее хватило бы мозгов не вляпаться в этот капкан. Наверняка она уже далеко от всего этого бардака.

Тогда Драко выхватил кинжал и приставил его Малунье к горлу.

— Хлоя, да это я же, твоя Малунья! — зашлась ведьмочка визгом, когда острие опасно укололо ее под подбородком. — Скажи, что узнала, хватит придуриваться!

— Если ты и вправду Малунья, то ты мигом прикусишь свой неумный язычок, — проговорила Хлоя, не поведя и бровью. — Забыла правило, дура? Ведунья умеет держать язык за зубами.

— Рад, что вы узнали друг друга, девочки, — довольно ухмыльнулся Драко, убирая кинжал. — А теперь поболтайте. До вечера. Когда мы доберемся до стен острога, извольте приготовить заклятье, чтобы обрушить стены Валашья. Если его не будет, мой дядя очень сильно расстроится.

— И не думай мне угрожать, мальчик, — холодно проговорила Хлоя, выставив подбородок. — Ты не знаешь о чем просишь.

— Да что ты? — поднял бровь Драко. — Летать по небу на метле, насылать болезни и мор для вас, ведьм, в порядке вещей, а проделать дырочку в заборе — нет?

— Я не ведьма, это во-первых, — сощурилась Хлоя, на что Драко с таборщиками охотно хмыкнули. — А во-вторых, речь идет о том, что для меня неприемлемо.

— Что же это? Гордость?

— Нет, — покачала она головой. — Гадливость. Я никогда не помогала, и впредь не стану помогать такой падали как вы.

Игриш подумал, что на это Драко вновь разозлится и набросится на колдунью с

кулаками, но юноша только расплылся в довольной улыбке.

— Хорошо, — кивнул он. — Я уж думал, что ты скажешь не “неприемлемо”, а невозможно. Это меняет дело. Значит, нам нужно только поднажать.

И тогда он ударил ее. Жестко, прямо в живот, от чего колдунья со стоном согнулась пополам и рухнула на землю. За ней полетела и Малуня, навалившись на нее грудью, и они обе завопили, пока таборщики осыпали их ударами и пинками. Игриш попытался остановить их и с криком бросился на Драко, но тот, быстро развернувшись, ударил Игриша коленом по голове. Сознание на мгновение покинуло мальчика.

...когда он очнулся, лагерь продолжал жить своей жизнью — таборщики раздували похлебку, чинили сбрую, поили лошадей. Все делалось в страшной спешке: еще чуть-чуть и они готовились снова сорваться в путь.

Куда унесли ведуний, Игриш не видел — к нему повернулся разгоряченный Драко со сбитыми в кровь кулаками.

— Очухался? — спросил он мальчика, разминая кисти. — Пошли, дам тебе чего-нибудь пожрать, раз уж убивать тебя пока рановато.

Его разбудил тяжелый удар.

Одноглазый встрепенулся и подскочил с пола, где его сморил сон. Церковь была пуста. В щели, оставленные в потолке ночными гостями, всюду лился яркий полуденный свет. Гроб с панночкой лежал на столе за его спиной — тихий и нетронутый.

А в запертые двери кто-то упрямо долбился, словно створки пытались вынести тараном. Каурай на всякий случай не стал спешить на выход, а то гляди попадешься под горячую руку. Кто-то явно встал не с той ноги, раз пытается вынести ворота, которые сам же и запер. Он отыскал свой арбалет, который лежал на полу, рядом с черным, выгоревшим пятном. Все, что осталось от бедного отца Кондрата.

Вынесенные створки гроыхнули о стены, и яркий свет залил помещение. Вслед ему с опаской заходили до зубов вооруженные казаки. При виде разоренного храма с единственным нетронутым гробом посередине Повлюк, Воробей, Абай и прочие достойные лица удивленно хлопали глазами и осеняли себя Пламенным знаком.

Каурай молча вышел им навстречу — при виде него Повлюк вскрикнул и чуть не бросился наутек.

Глядишь, видок у него тот еще.

— Как так? Ты! Живой?! — наставил на него палец смертельно бледный Повлюк и вжал голову в плечи — гулкое эхо после его слов поднялось под потолок и пару раз отскочило от стен.

— Как видишь, — сипло проговорил одноглазый и откашлялся. Свой голос он узнавал с трудом.

Тут за спинами казаков показались удивленные усы Кречета и бороденка пана Рогожи:

— Ты?! — в унисон раскрыли рты удивленные паны.

— Я.

— Ты бы поостерегся, пан, — шепнули Кречету, стоило тому сделать нетвердый шаг к одноглазому. — А то гляди, сам этот чертов опричник нечисть и кликает. Ты гляди глазище-то какое сверкает!

Поморщившись, Каурай отвернулся и нащупал повязку. Совсем забыл про нее.

— Лопни моя черепушка... — проговорил Кречет и грязно выругался, едва не провалившись в одну из дыр в полу. Гнилые доски под ним опасно прогнулись и затрещали.

Да уж, ночью тут не разгуляешься.

— Спокойней, панове, — поднял ладонь одноглазый навстречу готовящейся волне отборных ругательств, — вы все-таки в божьей обители.

— Да еб... я ее в купол эту божью обитель! — сплюнул Кречет себе под ноги. — Пусть бы ей провалиться, если еще одна такая ночка выпадет на мою грешную душонку! Что тут вообще произошло? И как?..

— Мы тут поплясали немного...

Кречет и вся братия за его плечами дружно округлили глаза.

— С кем?.. — одиноко пискнул Повлюк, стуча зубами со страху.

— С Ямой, — не стал жалеть казаков одноглазый. — В полном составе. Пытались добраться до гроба.

— И ты всех их?.. — спросили казаки, осматриваясь по сторонам. Из половиц то тут, то

там торчали штыки Каурая. Пусть и без трупов и кровавых луж, но развороченный, почерневший от копоти храм напоминал поле боя.

— Мне просто повезло. Несказанно. А вот отцу Кондрату не очень.

— Он мертв?..

— Увы.

— А как ты здесь оказался?

— Где здесь?

Казаки недоуменно переглянулись, пожали плечами и разошлись перед ним, освобождая проход. Каурай не сразу понял, что они хотят от него, и тут ушей его коснулось птичье пение и шелест лесных крон. Ему смутно слышалось нечто подобное еще до того, как казаки выбили двери, но он не придавал этому значения. А сейчас...

Пошатываясь он зашагал к выходу, а когда оказался у порога, сощурился от солнечного блеска и замер, не веря собственному широко раскрытому глазу.

Кругом простирался девственный дремучий лес, шурша пушистыми ветвями, обдувая одноглазого утренней прохладой, кружа голову душистыми запахами хвои.

Снаружи его встретили еще дюжина казаков. Но стоило им только увидеть, как из ворот церкви вместо их товарищей вылезает почерневший от копоти одноглазый горбун с обломанной саблей наперевес, как они едва не бросились наутек. Не обращая на них внимание, Каурай сошел с паперти. На всякий случай, протер уставшие глаза и еще раз огляделся — с крутого, каменистого пригорка, поросшего мор-травой, не было видно ни намека на острог, словно он без следа растворился в лесном пейзаже. По голубому небу плыли полосы курчавых облаков, макушки деревьев приветствовали одноглазого, едва заметно покачиваясь и шумя наперебой.

Почесав затылок, Каурай обернулся к portalу, запрокинул голову и выругался.

Перед ним возвышалась другая церковь.

Храм, в котором заперли одноглазого прошлым вечером, походил на пряничный домик: аккуратный, расписной с голубой маковкой в звездах. Картинка. Церковь с колокольной, из которой он вышел нынче, была совсем другой — ветхой и ужасно запущенной. Скрипучая постройка едва держалась под натиском неумолимого ветра, утопая в зарослях по самую крышу. С самой паперти и вплоть до замшелого выцветшего купола ее стены заросли плющом и вездесущей мор-травой. Возможно, в те далекие времена, когда в эти деревяшки вбили последний гвоздь, эту церковь можно было назвать красивой. С тех пор утекло много воды. Время потрепало ее нещадно.

Немедленно припомнились рассказы о таинственной лесной церквушке, причине ночных беспокойств валашцев.

Чудеса да и только.

— Эй, ты! — осмелились окликнуть его казаки срывающимся голосом. — А ну-ка, стой где стоишь!

— Стою я... — скривился одноглазый и вернулся под крышу. Еще не хватало заработать стрелу в бок.

Кречет со своими людьми опасно обходили старую церковь, чертыхаясь и высматривая невесть что. Углы древней обители полностью заросли мор-травой, у потемневших стен скопились горы мусора, перепревших листьев да груды сгнивших балок, которые в незапамятные времена рухнули с потолка, зияющего паутиной и огромными дырами. Пол тоже представлял собой печальное зрелище — провалов было не счесть. Ухнуть в один из

таких — раз плюнуть.

Пара казаков, стоя на коленях, пыталась высмотреть нечто под полом, но темень там стояла такая, что все их попытки оказались тщетными. Со стороны алтаря отчетливо потягивало чем-то гнилым, однако миновать грязно-бурую стену иконостаса, с которого на гостей взирали грозными запыленными очами, не решился даже пан Рогожа.

— Старая церквушка, в древние времена давно сгинувшими стариками поставленная, — бормотал морщинистый казак с седым чубом, поглядывая по сторонам сощуренными глазами. — Когда-то и здесь службы проходили, но гутарют, что в плохом месте ее решили открыть — вот и завелась в ней нечистая сила. Я еще мальчонкой был, когда двери ее запечатали, а дорогу предпочли забыть. Уж не думал, не гадал, что мне придется перерыть в памяти все развилки и памятные мне с детства места, чтобы отыскать эти давно истлевшие стены...

— Ну и пес с ней, проклятой, — буркнул Повлюк. — Давайте уж отсюдава, хлопцы. Невмоготу мне!

— Странные какие лица... — не обращая на него внимания, еле слышно бормотали казаки, всматриваясь в выцветшие изображения Святых и Смелых. Гулкое эхо голосов, отскакивающее от расписных стен, наполняло ухо каждого.

— Ты положительно правильно гутаришь, дюже странные... Но красивые, так и сяк их.

— Красивые, да. Но аж страсть берет, когда долго всматриваешься в эти очи. Брр!

— А вон то-то, под потолком. Аж сейчас шагнет прямо со стены... На моего тестя шибко похож, старый черт.

— Че-то зябко мне, братцы, — ныл Повлюк. — Пойдем уже отсюдава подобру-поздорову. Насмотрелись на картинки!

Только завидев, что одноглазый возвращается, казаки напряглись, словно порог переступил сам Сеншес, рогатый хозяин этого древнего места. Каурай принялся аккуратно двигаться вдоль стены, выдергивая из досок драгоценные штыки.

— Только не говори, что тебя панночка в Рыжий лес на помеле принесла попотчевать грибочками, — скосил на Каурая подозрительные глаза Кречет, пока пытался открыть гроб, но крышка от чего-то не поддавалась.

— Если скажу, что удивлен не меньше вашего, поверишь?

— Хочешь сказать, что зашел в одну церковь, а вышел из другой?

— Похоже на то...

— Не могу углядеть, — тем временем шурился Рогожа, спуская фонарь на веревке под полы. — Дюже ограменный подвал... Любопытно.

Фонарь раскачивался и освещал грубые раскрошенные стены какого-то глубокого провала. Недостигаемое дно пропадало в темноте, как Рогожа не силился спустить освещение пониже. Веревку он держал уже за самый кончик.

— Да вроде это и не подвал вовсе... — сказал Воробей, устраиваясь рядом и пытливо посматривая вниз. — Ты чего там, дядь, клад собрался искать?

— Скажешь тоже...

— Стены будто зубами прогрызены... — заметил Воробей. — Дай-ка мне фонарь, дядька, я пониже тебя спущу.

— Ты смотри вместе с фонарем не улети. А то спустишь еще... И какой черт надоумил стариков выстроить церковь поверх эдакой дырищи?

— Старые церкви зачастую поставлены в самых причудливых местах, — ухмыльнулся

Каурай, осторожно подходя к любопытным казакам. Доски опасно прогибались под его весом. — Капища и древние жертвенники. Почти под каждым храмом старше сотни лет порой располагается нечто подобное.

— И зачем ставить церкву поверх этой страсти? — нахмурился Воробей, свешиваясь с фонарем через край, но все его попытки высмотреть в темноте хоть что-то кроме закругляющихся стен грубо вырытой воронки оказались тщетными. Снизу потягивало ветерком, словно сама яма дышала Воробью в лицо.

— Как знак, — сказал Каурай.

— Знак чего? Оттуда же всякая зараза ползет, как пить дать!

— Того, что старые верования втоптаны в грязь. И новая вера торжествует. Похоже, эта церковь куда старше, чем вы могли помыслить. Но это не такая уж и редкость. Иной раз и для местного батюшки, отдавшего приходу всю жизнь, такая “биография” его церкви — новость. Вы-то знаете, что раньше было на месте валашского храма?

— Поселение и было, что же еще? — пожал плечами Рогожа. — А уж чем там люди в старину занимались — сие нам неведомо.

— Чего вы там в игрушки играетесь?! — проворчал Кречет, безуспешно пытаясь вскрыть гроб. — Ждете, пока вам оттуда дулю не покажут?

Тут Воробей чертыхнулся и едва не рухнул в темноту, но Рогожа вовремя схватил его за ремень.

— Тьфу на тебя! — сплюнул Рогожа, вытянул Воробья и дал ему богатырский подзатыльник. — Упустил!

— Я же не специально, дядька!

Рогожа раскрыл было рот, чтобы облаять нерадивого племянника, но так и застыл, не проронив ни единого словечка. Глядя на них остальные тоже замерли, прислушиваясь.

— Шлепнулся аль нет? — спросил через некоторое время Воробей. — Слышал?

— Тсс, молчи, болезный! — прошипел Рогожа.

Оба снова затихли и начали ждать, когда фонарь разобьется о камни. Но так ничего и не услышали.

— Успел чего увидеть хоть, пока он падал? — спросил Рогожа.

— Неа, — покачал головой Воробей. — Токма черепки какие-то!

— Эх, ты, балда!

Тогда Рогожа вытащил из кармана трут, разжег его поярче и уронил в бездну. Увы, блеснувший огонек скоро пропал в молчаливой глубине.

— Кум, отойди ты от этой ямы, Спасителем заклинаю! Еще еб...сь туда с любопытства! — досадливо ударил по гробу кулаком Кречет, бросив мучить крышку. — Ты что его гвоздями приколачивал?!

— Нет, — подошел Каурай и сам вцепился в край. Крышка не сдвинулась ни на ноготок. Что за?..

Он ощупал гроб, но не нашел ничего, что могло им помешать откинуть крышку. Попробовал еще раз — она сидела на своем месте как приклеенная. Мрак и бездна...

Тогда Кречет вытащил кинжал и загнал лезвие в щель — поднажал... и едва не сломал клинок.

— Вот курва! — сжал он зубы и в сердцах стукнул рукояткой по крышке. — Изнутри заперлась! Посмотрите на нее!

— Как так?.. — побледнел и без того напуганный до чертиков Повлюк. — Она же

мертвая... Факт!

— А я знаю?! Пани Божена всегда была охоча на шалости.

— Скажешь тоже — шалости! — промычал Повлюк и отошел подальше от злосчастливого гроба, принимаясь мелко-мелко чертить Пылающий знак вокруг лба.

— Ха, трус! — покачал головой хорохорившийся Рогожа, однако сам предпочел отойти подальше и от строптивного гроба, и от провалов.

— Вы знали, что я здесь? — спросил Каурай.

— С чего бы? — ответил Кречет. — После того как наша церковь сгорела к едрени матери...

— Сгорела?

— А то! Не успели мы по домам разойтись — как свечка зашла. Так всю ночь полыхала аки адская домна, пока не остались от нее одни головешки. А все колокол этот, — поднял Кречет глаза к потолку. — Лупил с такой силой, какую я и не припомню — весь острог ходуном ходил. Народ со страху по домам заперся — вот церквушка и сгорела до основания. Воевода наказал: как рассветет, ездайте до старой церкви и спустите шкуру с того черта, который по ночам всю округу на уши ставит. Эх! Мы-то уже решили, что вы с Кондратом в том пожаре и пропали... Что, кстати, с ним случилось?..

— Пан Повлюк, — кивнул одноглазый на пятно у того под ногами, — сойди с останков несчастного отца Кондрата, будь добр.

Повлюк опустил глаза и с испуганным визгом бросился в сторону, едва не загремев напрямик в одну из темных дыр. Тут же снизу выпорхнула черноперая тень и с каркающим криком вознеслась к потолку обгонять эхо, смертельно перепугав всех присутствующих, и в особенности самого Повлюка, который стремглав помчался вон из проклятой церкви.

— Куда ж ты, трус?! — замахал вслед ему кулаками Кречет. — Гроб-то кто выносить будет? Стоять, сказал я!

— Оставь это, кум, — сплюнул Рогожа во тьму под полом. — И ослу понятно, что тут замешан сам Сеншес. Место этого гроба в этой самой ямнице!

— Плохое время ты нашел для своих шуток, кум...

— А я и не шучу.

— Уважая твои седины, кум, — прижал Кречет ладонь к груди, — но не доводи до греха! А то схлопочешь нагайкой пару разков!

— Ради чего мы поперем эту дуру обратно в острог?! — зажегся злостью Рогожа. — Чтобы самим привести эту заразу обратно за стены?! Спихнуть гроб вниз, и будет самое оно. Скажем воеводе, что забрали черти панночку, да и пес с ней, невелика потеря! Еще и спину рвать из-за сгинувшей ведьмы!

Оба кума стояли один против другого и буравили друг друга глазами. Ни один не хотел уступать. Тут сверху раздался торопливый топот, и трое вусмерть перепуганных казаков чуть ли не кубарем покатались по крутой лестнице, которая огибала помещению, пропадая под потолком.

— Пан Кречет! — крикнули спускавшиеся казаки. — Всю колокольню облазали. Нету колокола! Балка что моя лысина!

— Кто ж звонит-то?..

Это стало последней каплей. К выходу медленно потянулись остальные.

— Так! — гаркнул Кречет, отстраняя Рогожу в сторону. — Хватит с меня этой чертовщины! Хватаем гроб и тикаем, тикаем отсюдава, хлопцы! А ну, хватай!

— Ты думаешь, это разумно, пан? — поднял бровь Каурай. — Следующей ночью Яма попробует еще раз. И как раз застанет нас в поле.

— То-то и оно! — охотно согласился Рогожа.

— Вот ты ими и займешься, пан опричник, — не моргнув и глазом Кречет. — Я не оставлю дочку пана воеводы в этом гнилом сарае. И ты не оставишь, кум, так и знай, — упер он палец в грудь Рогоже. — Тот, кто только попробует послушаться моего приказа, сам мигом окажется в этой яме. Ну?! Потащили, кому говорят!

Каурай решительно заступил казакам дорогу:

— Лучше возвращайтесь в острог, пан Кречет, — проговорил он, наблюдая как темнеет лицо головы. — Для вашего же блага. И притащите мне что-нибудь поесть.

— И что я расскажу воеводе? — надул желваки Кречет. — Что нашли гроб в этом проклятом месте и просто ушли?! Нет, мне моя голова еще дорога!

— А он узнает? — поднял бровь одноглазый. — Я бы не стал лишний раз беспокоить покой воеводы правдой. Особенно в такой ситуации.

— После пожара все свято уверены, что и ты, Каурай, и тело панночки сгинули в огне! И ты предлагаешь мне вернуться и врать ему! Нет, пан, воеводу опасно водить вокруг пальца. А уж ушей у него больше, чем сабель в арсенале. Хватит с меня и тех голов, которые скатятся, как разберут пепелище. Посторонись, пан опричник! Отойди, кум!

Одноглазый неохотно повиновался и с сомнением посмотрел на то, как гроб поспешно переместился со стола на казачьи плечи, и с удвоенной прытью поплыл к выходу:

— Осторожнее! Смотри под ноги!

— Зараза, тут сам Сеншес ногу сломит!

— Повлюк, чего стоишь как истукан? А ну помоги нам!

Рогожа в сердцах сплюнул и поплелся следом. Его лицо было мрачнее тучи.

Пусть перед Игришем и положили миску с похлебкой, но мальчик не собирался притрагиваться к еде даже пальцем. Он бы с удовольствием сунул бы миску прямо в лицо Драко, который сидел напротив и энергично работал ложкой.

И он бы, наверное, попытался, если бы не веревки. В желудке почти двое суток не было ни росинки, запах еды сводил его с ума, но Игришу было все равно.

— Зря ты привередничаешь, — сказал Драко, облизывая ложку. — Это твоя первая и последняя возможность пожрать от пуза. Мы доберемся до острога на закате. Так что жри, пока дают.

Игриш не ответил. Сверлил еле похлебку взглядом и молчал.

— Слышь, что я балакаю, выродок? Чего мне ее на твою пустую башку выливать?

— У меня связаны руки, — отозвался Игриш, не поднимая глаз. — Как я буду есть?

— Как-как? — притворно удивился Драко. — Зубами. Ам-ам! Как собака, не знаешь что ли?! Ложки такому как ты не положено.

Он хмыкнул и выпил остатки бульона. Сглатывая слюну, Игриш отвел глаза, но тут же наткнулся на других таборщиков, которые с аппетитом уплетали свои порции. Рот снова наполнился слюной, в животе заурчало. Как он не старался забыть о еде, но желудок требовал своего.

Закончив набивать пуза, таборщики шли седлать лошадей. Другой возможности не будет...

Тогда Игриш не выдержал — сгорая от досады за свою слабость, он пододвинулся поближе, наклонился до земли и вцепился зубами в самый край миски. Сложно, но выполнимо.

Он жутко хотел есть.

При виде того, как мальчик пытается приподнять миску зубами и вылить в себя содержимое, Драко задохнулся от смеха. Должно быть, это и вправду было ужасно смешно.

— Может, тебе еще косточку дать? — воскликнул Драко, помахивая у Игриша перед лицом обглоданной куриной ножкой.

Игриш про себя послал его к Сеншесу. Похлебка норовила залить нос и перелиться через край. Он весь обляпался, стараясь правильно наклонить миску и не пролить похлебку себе на штаны. Наконец, ему удалось как следует сдвинуть миску зубами и приподнять ее над землей. Главное не спешить...

Он почти добрался до кусочка мяса, который так соблазнительно бултыхался у самого края, когда миска подпрыгнула и опрокинулась на землю.

— Быстрее давай! — вытирая руки о штаны, Драко поднялся на ноги и потянулся за Куроуком. — Снимаемся. Нам еще наших подружек навестить надо.

— Грязный выродок! — простонал Игриш, отплевываясь. Похлебка заляпала ему всю одежду.

Драко подскочил к нему и рывком поставил на ноги... только для того, чтобы с пинка повалить мальчика на землю и еще пару раз добавить ногой по ребрам. Игриш не закричал — он слишком устал, чтобы драть глотку из-за таких пустяков.

— Поднимайся, размазня, — сплюнул Драко. — Никто тебя тут обхаживать не будет. Тебе еще повезло. Поверь, твоей подружке куда хуже.

— Где она?.. — простонал Игриш и покраснел. Пока он тут лакал эту похлебку, Малунья...

— Дамы общаются, — хмыкнул Драко и тычками заставил Игриша встать на ноги. — Пошли, проверим, как они.

Мальчика сразу повело в сторону, но он смог остаться на своих двоих, когда они с Драко потащились куда-то между фургонами. Взмыленных лошадей, едва те успели перевести дух, таборщики вновь впрягли в телеги. Напряжение нарастало.

Они прошагали весь лагерь и углубились в заросли. Скоро впереди им послышались голоса и стоны, от которых Игриш покрылся мурашками, а Драко только прибавил шаг. Ничего хорошего эта прогулка не предвещала.

Они вышли на поляну, где хохочущие таборщики столпились в кружок, весело посвистывая. Когда толпа расступилась, Игриш увидел два бочонка, лежащих на боку, и Малунью с Хлоей — прямо на них, на цыпочках. На шее у ведуний затягивалась удавка, свисающая с ветки.

Таборщики развлекались как могли.

Задыхающаяся Малунья хрипела, обливалась слезами и из последних сил пыталась удержаться на бочонке, который так и норовил юркнуть у нее из-под ног и отдать ее тело на попечение петли. Ведьмочка не смогла сдержать мочевого пузыря и только усложнила себе задачу — мокрые ноги постоянно соскальзывали со скольких стенок. Хлоя же почти посинела от удушья и, если бы таборщики не кололи ее иголками, она давно потеряла бы сознание и повисла в воздухе.

Подбежавшего Игриша Драко походя толкнул в спину, и мальчик рухнул как подкошенный. Встать у него не осталось никаких сил, так что он, сжав зубы и стараясь не закричать, наблюдал за мучениями ведуний. Глаза Хлои закатывались. Еще чуть-чуть и она сдастся.

— Ну так как? — спросил Драко своих товарищей. — Надумали?

— Думают пока, — хохотнул таборщик и еще раз кольнул Хлою в пятку. Ведунья застонала и едва не слетала с бочки — ее мотало из стороны в сторону как марионетку на веревочке. Если бы в бочонок не упирались сапоги таборщиков, она давным-давно попрощалась бы с жизнью.

— Полагаю, наши дамы пришли к взаимопониманию, — покачал головой Драко. — Ладно, режь веревки!

— Уже? — засомневался один из таборщиков и кивнул на хрипящую Малунью, у которой лицо было краснее свеклы. — Вот эта еще не сомневается.

— Режь давай, а то сдохнут! — приказал Драко, и две сабли разом обрубили веревки.

Освобожденные ведуньи пластом рухнули в траву, и ни один таборщик даже не дернулся, чтобы подхватить обмякшие тела. Не спеша они выбили днища у бочек и окатили ведуний ледяной водой. Малунья вздрогнула всем телом и закашлялась с громким, мучительным стоном — ее било как в падучей. Вездесущий Драко схватил Малунью за мокрые волосы и встряхнул:

— Надеюсь, мы друг друга поняли! — бросил он ей в лицо, пока ведьмочка впустую хлопала глазами и со свистом драла горло, силясь продышаться. От удавки на шее остался пугающе темный след.

Хлоя, казалось, и вовсе отдала Спасителю душу. На ее заплывшем лице не было ни кровинки. Ее попытались привести в чувство, но даже иголками и шлепками не смогли

вырвать ее из забвения.

— Вечером будет Валашье, — объявил Драко то ли Малунье, то ли Игришу, который пытался заглянуть ведьмочке в глаза. — Мы с дядей надеемся, что к тому времени вас посетит идея, как нам развалить острог по бревнышку и спалить каждого, кто решит поднять руку на вольный народ Пограничья. Ежели нет, то вас вразумит дядя Гарон. А у него рука набита. Ломать ноги колесом — его любимая потеха. Он известный шалопай: сначала нагрузит фургон чем потяжелее, а потом проедется — туда-сюда, чтоб навсегда запомнили. Ноги вам все равно уже ни к чему, так что, ежели желаете попрощаться с ними, то продолжайте играть в ведьмачью гордость!

Драко кивнул своим людям — таборщики с неохотой подхватили ведуний и понесли в лагерь, где уже гремели тележные колеса. Сам Драко схватил Игриша за шиворот и толкнул вслед за ними. Мальчик брел, с трудом переставляя ноги, и старался унять вновь брызнувшие слезы. Право, он устал плакать.

— Понял, Гриш? — шептал Драко ему на ухо, пока они шли через подлесок. — До вечера еще есть время, пусть думают. Не хочется мне, знаешь ли, никого принуждать силой — ноги там ломать, вырвать ногти, волосы дергать по одной, зубы, глаза... мерзко это. Да и внешность им портить... хоть одна ведьма, а другая еще и дочурка Кречета. Побережь их надо, понял? Чтоб не сгупили, пока дело не сделаем. Отвечаешь головой. А то сдам тебя этому твоему горбату по кусочкам. Моему дядечке ты без надобности — он думает, я с тобой просто играюсь. Хотя я и вправду играюсь. И, поверь мне, ты не представляешь, как далеко я могу зайти, если ты разочаруешь меня. Ты же не разочаруешь меня, правда? Правда, Гриш?

Мальчик опасливо покосился на его бледную физиономию и кивнул.

— Вот и хорошо, — широко улыбнулся Драко. — Может быть, мы с тобой даже подружимся.

Пыль поднималась столбом, когда телеги и фургоны — один за другим трогались с места и торопливо укатывались по дороге, грохоча на все лады. Ведуний затащили в тот же фургон, на котором приехали Малунья с Игришем. Стоило мальчику перевалиться через край и хлопнуться об пол рядом с бездыханными телами, цепь натянулась и караван пришел в движение.

— Гриш... — услышал он слабый шепоток, пока пытался сесть и найти точку опоры.

Малунья глядела на него из-под полуопущенных ресниц, ее подбородок подрагивал от едва сдерживаемых рыданий. На нее было больно смотреть — она была совершенно разбита.

— Гриш... — снова дрогнули ее искусанные губы. — Где мы?..

— В фургоне, — ответил мальчик, со страхом вглядываясь в ее опухшие кроваво-красные глаза. — Едем в Валашье. Драко сказал, что...

— Я слышала, — она попыталась сесть, но с оханьем снова сползла на пол. Гриш хотел помочь ей, но совсем позабыл про связанные руки. Он их почти не чувствовал.

— Нам осталось совсем немного, — проговорила она еле слышно и повернулась к Хлое. — Можешь приложить ухо к ее груди?

— Зачем?

— Послушать сердце.

Игриш встал на колени и не без труда переполз вдоль качающегося фургона к Хлое. По счастью табунщики оставили ее лежать на спине, и мальчику не пришлось пытаться переворачивать ведунью. Но он сильно сомневался, что женщина еще жива — она походила

на изодранную помятую куклу. Волосы торчали в разные стороны, вытянувшееся лицо оплыло, напоминая погребальную маску. Ни движения, ни вдоха. Игришу было смертельно жаль ее.

Он положил голову ей на грудь, закрыл глаза и постарался отрешиться от грохота, скрипа и других звуков, которые мешали уловить сердцебиение. И поначалу он действительно ничего не услышал, но не хотел расстраивать Малунью. Подождал еще немного и был вознагражден.

— Да, — выдохнул мальчик, когда почувствовал еле ощутимый стук — слабый, но отчетливый. — Она жива.

— Зараза... — закусил губу Малунья. — Тогда нам придется убить ее.

— Что?! — поразился Игриш ее словам. Он было подумал что ослышался.

— Убить, — упрямо повторила ведунья. — Задушить, загрызть, разбить ей голову об пол. Но не дать им довести ее до Валашья.

— Зачем?!

— Гриш, тебе все объяснять надо? Страхолюдинам наконец-то удалось собрать достаточно людей, чтобы расправиться со Шкуродером, и они своего шанса не упустят. Слишком уж долго тянулась эта ниточка. Но эта армия, состоящая из разбойников, степняков, таборщиков и дезертиров, неуправляема. Они хотят как можно быстрее бросить все силы на стены Валашья, пока войско не разбежалось по округе, и их не перебили поодиночке. А пока у них в кармане мы с Хлоей, шансы на успех возрастают в разы! Поэтому они не остановятся ни перед чем, но добьются своего. Либо мы поможем им разрушить стены, либо нас попытают до смерти. Таборщики это умеют, я думаю ты успел убедиться в этом.

— Так сделайте, что они хотят! — скрипнул зубами Игриш. — Сломайте эту проклятую стену, чего вам стоит?!

— Нельзя, — покачала головой Малунья. — Тогда мы нарушим Договор.

— Какой к Сеншесу договор? — разозлился мальчик. — У вас нет другого выбора, или...

— Они убьют нас? — ухмыльнулась Малунья потрескавшимися губами. — Ты думаешь, смерть это самое худшее для ведуньи?

— А что может быть хуже смерти?

— Глупенький, наивный Гриш... Оказаться в лапах Ямы. Это хуже. Намного. А если мы нарушим Договор, то ничем не будем отличаться от ведьм Дикого Гона, которые постоянно ходят по лезвию бритвы. Если мы поможем Гарону, то у нас будет два варианта: либо служить Яме, а это значит, опуститься так низко, что ведьмы Дикого Гона признают в нас сестер; либо стать игрушками Ямы. В первом случае, нам придется пройти по Тропе ведьм и посвятить остаток жизни кормежке Ямы заблудшими душами. Во втором... я даже подумать боюсь.

— Каурай не допустит! Он не отдаст вас этой Яме. Надо выбраться отсюда и рассказать ему. Он защитит вас!

— Дурак, — горестно прыснула ведунья. — Каурай — чертов опричник! В его обязанности входит следить за тем, чтобы ведуньи неукоснительно соблюдали Договор и не смели даже думать о том, чтобы соваться на Тропу ведьм. Карать тех, кто переступил черту и отдался на служение Яме. Это тоже часть Договора. Либо живешь как ведунья, колдуешь потихоньку и не высовываешься, либо пускаешься во все тяжкие — отдаешься в услужение

Ямы, а взамен получаешь настоящую силу. Но тогда, рано или поздно, за тобой придет всадник с собачьим черепом. Опричник. Ты же не думаешь, что эта черепушка — просто украшение, не так ли?

— Нет... Я не спрашивал для чего он.

— О, это магический амулет, созданный для того, чтобы собирать души мятежных ведуний... Разве он не рассказывал тебе?

— Нет... — сглотнул Игриш. — Зачем опричникам собирать души ведьм?

— Как наказание, — провела языком Малунья по кровоточащим губам. — Уж не знаю, что опричники делают с душами, но едва ли это похоже на коллекцию бабочек.

— Ты боишься, что Каурай убьет тебя? Тебя?! За то что тебя вынудили помогать себе эти выродки? Под пытками?

— Мир жесток, Гриш. И несправедлив. Неужели ты до сих пор этого не понял? Либо мы выполним желание таборщиков и убьем десятки людей — и тогда станем ничем не лучше ведьм Дикого Гона. Либо Гарон посадит нас обоих на кол или еще чего похуже. Выбор у нас невелик, когда мы доберемся до Валашья.

— Но надо же что-то делать! Бежать!

— Тихо ты! — зашипела Малунья и прислушалась. Старая телега раскачивалась, скрипела и стонала, точно от боли, перекатываясь с одной кочки на другую. — Говори тише, стены любят развешивать уши... Бежать поздно. В таком состоянии мы далеко не убежим.

— Но...

— Единственный выход, — тяжело вздохнула она, прежде чем продолжить, — тебе убить Хлою. А потом и меня. Или наоборот, если желаешь.

— Нет! — ужаснулся Игриш.

— Да! — клацнула зубами Малунья. — Убить! Размозжить мне голову о стены, задушить, перерезать горло! Или ты обречешь нас на участь куда худшую! Стать смазкой для колов, как, говорят, любит выражаться князь Крустник, прежде чем насадить кого-нибудь на острие. Или подчиниться и стать Проклятой. Ни за что, Гриш! Ни за что...

Ее голос осел и сорвался. У Малуньи задрожали губы, она едва не разрыдалась в голос. Слезы скатывались по щекам, капали с подбородка, но она решительно стерла их о колени и посмотрела Игришу прямо в глаза — острым как кинжал взглядом.

— Нет времени на раздумья, Гриш, — сказала она голосом, задыхающимся от слез. — Либо ты станешь убийцей двух дур, либо убийцами станем мы... уничтожим целый город и дорого заплатим за это.

— Я не могу... — залепетал Игриш, пытаясь увернуться от ее взгляда. — Как я могу?... У меня связаны руки... И вообще...

— Надо придумать, — сказала Малунья. Ее глаза лихорадочно забегали по полутемному помещению, пронизанному полосками яркого света. Игриш прикусил язык и с замиранием сердца следил за ней, пока она пыталась найти хоть что-нибудь, что можно использовать как оружие. Он молился Спасителю, чтобы ведьмочка ничего не нашла да так и оставила эту глупую затею, но...

— Ты можешь, — твердо проговорила Малунья и с трудом сглотнула, — откусить мне язык. И ей тоже.

— Что?! — похолодело у Игриша все внутри. Орудием оказался он сам.

— Откусить... язык... — она вновь провела своим алым язычком по губам, словно пробуя это слово на вкус. — Руки у нас связаны. Ногами нам тут тоже не помощники.

Можно, конечно, попробовать выскочить на дорогу с расчетом, что они нас подстрелят, но Хлое явно не провернуть подобное. Да и идея эта провальная изначально. Поймают. На лошадях и с арканами — поймают сразу. И накажут. Сурово. Так что иного исхода нет.

Игриша трясло от одной мысли, что ему придется отгрызть ей язык собственными зубами. Его затошнило и он едва не выbleвал то небольшое, что ему удалось проглотить во время “обеда”.

Он справился со спазмом и энергично закрутил головой.

— Да, Гриш! Да! — повторяла она, стараясь поймать его бегающий взгляд. — Да, я прошу тебя, пожалуйста! Ради всех Святых и Смелых! Сама я не справлюсь... Это.. слишком больно. Не заставляй меня делать все самой. Лучше ты.

— Драко... — искал он ниточку. — Если он узнает, что я сделал...

— Да, — кивнула Малунья. — Он искалечит тебя. Только и всего.

— Только и всего?!

Малунья снисходительно улыбнулась.

— Ты ему нужен. Он бережет тебя, чтобы поймать на удочку Каурая, если он еще жив. И только когда одноглазый появится, твоя жизнь будет в опасности. У тебя будет шанс выжить. У нас с Хлоей его нет. Только худший вариант. Поэтому у нас с тобой разные дороги.

Она замолчала и дала ему примириться с этой чудовищной мыслью. Убить их. Загрызть — и так спасти от участи куда худшей, чем смерть...

Но мальчик упорствовал. Он не мог сотворить такое с ней. Не хотел. Не должен. Это было невозможно. Ему же придется лезть к ней в рот. Касаться ее губами, своим языком, смыкать зубы и... Его снова чуть не вырвало, когда он представил как ее горячая кровь течет ему в горло и заливает подбородок.

Видит Спаситель, он был в ужасе, и ужасно хотел оказаться где угодно, хоть в котле у Сеншеса, лишь бы не смотреть сейчас в эти безумные роковые глаза.

Но Малунья была неумолима:

— Прошу... — проговорила она, часто моргая от слез, которые градом катились у нее по щекам. — Сделай это, Гриш. Это же так просто. Просто сомкни зубы и тяни со всей силы. Я постараюсь не кричать... — всхлипнула она и отвела взгляд. — Или хочешь, я отдамся тебе сначала?..

— Нет!

— Что так?.. Я тебе не нравлюсь?..

— Нет... В смысле нравишься, но ни за что...

— Глупый ты, — ухмыльнулась она сквозь слезы, — раз считаешь, что нам удастся выпутаться без жертв. У нас с Хлоей выбор лишь в том, сколько мы будем мучиться — либо ты поможешь нам уйти сразу, либо об этом позаботятся другие. Но никто не будет нас жалеть. Никто не жалеет ведуний... Даже ты.

— Нет, — упирался Игриш. — И не заставляй меня!

— Придется, Гришик... — грустно фыркнул Малунья и начала ползти к нему.

— Нет! Я буду кричать!

— Иди сюда, трусишка...

Игриш вжался в стену, когда Малунья подобралась вплотную. Ее лицо блестело, уголки губ подрагивали, но в глазах пылала сталь. Она наскочила на него, и оба они повалились на пол.

— Сначала мне, потом ей, — прошептала ему в ухо ведьмочка. — А потом беги... Если

тебе повезет и ты потеряешься в лесу, спасешься. Но сначала... сделай дело.

— Пожалуйста, не надо... — простонал Игриш и зажмурился, когда Малунья прижалась к его губам своими — влажными и трепещущими. Нежно поцеловав его пару раз и не добившись ответа, она проявила настойчивость. Медленно в рот Игришу пролез ее язычок. Поцеловался с его плотью и обреченно лег на нижние зубы. Словно преступник смиренно положивший голову на плаху, ожидая удара топора.

Игриша замутило, он захотел оттолкнуть ведьмочку и накричать на нее, но веревки не позволили. Он замычал, пока ведьмочка покусывала его губы и шептала “прошу” дрожащим, срывающимся шепотом, заливала ему лицо солеными слезами.

— Прошу... прошу... прошу! — молила она, обсыпая лицо мальчика поцелуями, пока он пытался увернуться от ее губ, меж которых розовой стрелой мелькал язычок, капая паутинкой слюны. — Прошу... это займет всего мгновение. Я не хочу! Не хочу... чтобы они возвращались... Пока не зашло солнце, прошу...

— Отойди! — вскричал Игриш и боднул ее головой. Малунья не удержалась и скатилась с него.

— Ты думаешь, о чем ты просишь?! — крикнул Игриш ей в лицо. — Я же потом себе не прошу! Никогда!

Малунья тяжело дышала. По ее вискам катились капельки пота. Стальной взгляд таял на глазах.

— Нет... не стоило, — вздохнула она и принялась отползать от мальчика. — И правильно. Не нужно было тебя просить, это подло. Ведь главное правило ведуньи — ведунья никогда не просит о том, что может сделать сама...

— Что?!

Вжавшись в дальний угол, она плотно сжала губы, выпятила. Зажмурила глаза.

— Постой... Что ты делаешь?!

Но ведьмочка словно не слышала его. Она откинула голову назад и начала смыкать челюсти, сильно вздрагивая при этом. Игриш хотел помешать ей — он перевернулся на живот и принялся ползти, сдирая колени о грубые доски, не в силах оторвать глаз от ее блестящего, бледного лица, которое сковала смертельная мука. Она жмурилась, хмурилась и дергала челюстью, словно пробуя себя на вкус. Игриш подполз к ней вплотную и вцепился зубами ей в ногу, укусил, и ее еще раз! — больно, но ведьмочка только поморщилась. Забилась в угол, плотно зажмурив слезящиеся глаза, и плакала.

— Нет, — простонала она голосом полным обреченности. — О, нет... Я не могу... Хлоя, я не могу...

— Малунья... — раздался страшный хрип, и оба в страхе обернулись.

Хлоя прожигала их двумя бельмами. Напряженная и решительная, как дикая кошка. Слепая, но все еще крайне опасная.

— Хватит заниматься ерундой! — прохрипела она сиплым, свистящим голосом. — Лучше бы вместо того, чтобы сосаться тут среди бела дня, помогли мне вытащить правый глаз. Давай, дорогуша, у тебя бы хорошо получилось — вон какой у тебя язычок длинный.

— Что?.. — пискнули оба в унисон, решив что ведунья напрочь свихнулась.

— Все вопросы потом! — отрезала Хлоя и со стоном начала подниматься. — Вечерет...

Сквозь щели в стенах и вправду пробивались рыжие лучи разгорающегося заката. Когда таборщики придут на место, оно обещало приобрести кровавый оттенок.

Гроб казаки наскоро стянули веревками и привязали к седлам. Скакуньи были отнюдь не в восторге, что их спины отягощает такая ноша, но о телеге можно было только мечтать. Кречет решил дотянуть до ближайшего хутора, а там пара колес и сами отыщутся.

Затянули узлы, и Кречет приказал поскорей сниматься с места, дабы сумерки не застали их в дороге. Первым сорвался Повлюк. По пути толстяк озирался больше всех, пугался всякого шороха и тени, а на гроб с панночкой не смел даже глянуть. Его товарищи были не в пример храбрее, и к гробу мало кто осмеливался подъезжать без причины.

Когда церковь скрылась за деревьями, казаки немного расслабились и натянули поводья, давая отдых и без того уставшим лошадям. Но и после этого все как один постоянно оглядывались в страхе, что древнее строение бросится догонять их компанию. Но позади было тихо. Как в могиле.

Ехали они уже довольно долго. Отряд ломился напрямую через кусты, распугивая тучи воронья и ругаясь на все лады — тропой впереди даже не пахло. Вот-вот деревья должны были расступиться... по крайней мере, так считали поначалу. Однако время шло, а дремучая лесная пучина и не думала редеть. Скоро солнце миновало зенит.

— Э? — остановил лошадь Кречет, на пару с Каураем замыкающий процессию. — Почему опять встали?!

Престарелый казак, восседающий на ослике во главе шествия, почесывал плешивый затылок и бормотал себе под нос:

— Ай, че-то не припомню я таких деревьев... — задумчиво посасывал он седой ус, сбив шапку набекрень...

— Зато я помню! — горячился Рогожа. — Мы уже проезжали мимо этой березы. Ты что же дуришь нас, а, пан Микей? Только не говори нам, что мы ходим по кругу!

— Да не торопи меня, уважаемый Рогожа, етить тебя и так и эдак! Дай подумаю!

— Разве я тебя торопил, когда ты давеча у этой же березы останавливался и чесал свою плешивую макушку?!

Микей только отмахнулся и пришпорил своего ослика. Помрачневшие казаки вынуждены были двигаться следом, костеря забывчивого старика на чем свет стоит. Ехали молча, прислушиваясь к тревожной тишине вокруг и поплеывая на каркуш, которые носились по веткам и голосили вслед мрачнющей ватаге.

Прошло еще немного времени, солнце над их головами понемногу закатывалось к горизонту, а лес, усыпанный вороньем как яблоками, никак не желал уступать.

И снова они натянули поводья, и снова старик чесал свою плешь и дергал себя за усы.

— Во, этот пенек я помню! — злился Рогожа. — Мы уже были здесь, пан Микей. Признайся уже — забыла дорогу твоя седая голова!

— Что ты все торопишь меня?! Не видишь, думаю я... Нет-нет, не та эта береза, другая!

— Как пить дать та! — поддержал Рогожу Воробей. — Вон муравейник тот, на который я облегался. Даже не просох еще!

— Были мы здесь! — кричали казаки. — И этот куст, за который зацепился я рукавом — вон обломанная ветка болтается!

Но упрямый старик все понукал свою лошадь, а уставшие, голодные казаки плелись следом — ничего другого им не оставалось. Солнце клонилось к закату, удлиняющиеся тени

злили казаков и они роптали все громче. Мысль, что им придется ночевать в Рыжем лесу бок о бок с гробом, на который вся нечисть в округе точила зуб, грызла каждого и заставляла бросать грозные взгляды в сгорбленную спину седовласого проводника.

Короткий день понемногу растворялся в сумерках.

— Нету моченьки моей! Да чего ты все чешешь свою плешь, как будто жаждешь клад там выкопать?!

На этот раз старик Микей промолчал. Даже ему стало очевидно, что они едва ли отошли от церкви и на пару сотен шагов.

— Мы уже к полудню должны были выйти к хуторам, — сплюнул Рогожа. — А мы все в этом трижды клятом лесу колупаемся! Где же та тропка, вдоль которой ты малым любил землянику собирать?

— Заросла уже давно крапивой та тропка! Забыл все, старый пень!

— Или Леший нас кругами водит?.. — взлетела в воздух страшная догадка.

И словно в подтверждение этой роковой мысли в лесу резко потемнело, поднялся страшный ветрище и закачались колючие деревья над чубами испуганных, помертвевших от страха казаков. Воронье с криком сорвалось в воздух, мерзко голося и закрывая хмурые небеса черными крыльями.

— Тьфу, не накличь, проклятый! — застучал сразу с десятков зубов.

— Слыхивал я, что ежели Леший по лесу водит, то надобно плюнуть через левое плечо, одежду свою вывернуть наизнанку и идти задом наперед, молитву Спасителю шепча... — заметил Абай.

— Тоже задом наперед?

— Ага. Ты тоже знаешь этот способ?

— Да пропади он пропадом, гроб этот! — воскликнул Рогожа. — Давно гутарили, что дочка воеводина — всамделишная ведьма! А я, дурак, не верил... Вот она нас дураков и водит — со свету сжить пытается.

— Че ты мелешь, кум? — загорелся Кречет. — По шее захотел?

— Точно он гутарит — ведьма эта деду Микею башку затуманила! — поддержали Рогожу казаки. — Заперлась у себя в гробу и издевается. Ну-ка спускай его наземь!

Кречет решительно направил коня наперерез и взмахнул нагайкой. Глаза его горели огнем, усы опасно вздымались:

— Ни шагу дальше, панове! Зашибу!

— Ты так за эту тварь впрягаешься, Кречет, будто она тебе родственница какая! — сжались кулаки и потянулись к рукоятям сабель.

— А что, кум? Закопаем ее прямо здесь, пусть ее Сеншес ищет, если ему ее душонка так спонадобилась, — решительно кивнул Рогожа. — Нам-то за что помирать?!

— А за тем, что она дочь воеводина! Которому ты, кум, присягу давал, забыл?

— Не помню, чтобы я клялся и на том свете их сторожить, — покачал головой Рогожа. — Эй, одноглазый, ты-то чего молчишь?! Поди всю ночь с ней провел, знаешь чего ей надобно?

— Предупреждал же я вас, панове, чтобы вы ее из церкви не выносили, — проговорил Каурай, который стоял несколько поодаль от разъяренной толпы. На всякий случай. Кое у кого изрядно чесались руки — от слова перейти наконец к делу. Пальцы все ближе и ближе подбирались к рукоятям сабель.

— Предупреждал, и что? Прикажешь ее обратно в церкву нести? Ха! Ноги моей не будет

в том проклятом месте!

— Лучше так, чем по лесу рыскать, смерти искать. Они-то пока свое не возьмут — не отпустят.

— Свое это чего же? Душу что ли?!

— Ага. Ее в первую очередь.

— Так ты же говорил, что всех разогнал!

— У Ямы есть еще одна попытка. Пока душа Божены в теле держится...

— Так пусть забирают. Нам-то чего? Айда бросим ее, вон в тот овраг!

— Я тебе брошу! — скрипнул зубами Кречет, поглаживая рукоять сабли. — Гляжу ты шибко смелый стал, кум... Ох, недобрые речи ты ведешь.

— Померла уже твоя панночка, Кречет. И панихиду по ней отец Кондрат уже отстоял, ценой жизни своей. Все! И так слишком много чести ее грешной душонке.

Казаки одобрительно замотали чубами, понемногу понукая своих лошадемок и смыкаясь полукольцом вокруг Кречета.

— А ну стоять! — крикнул он. — Ни шагу дальше!

— Хватит тебе, Кречет, уже комедию ломать, — сплюнул Рогожа. — Сгнила Божена. Еще при жизни сгнила, и ты это знаешь не лучше нас. Только Сеншеса смешишь своей собачьей преданностью воеводе! А сам он ничем не лучше дочурочки своей. И это ты знаешь лучше прочих.

— Что ты сказал? Как говоришь, баюново отродье?!

— Ага-ага, правильно я гутарю, хлопцы? — обвел их взглядом Рогожа.

— Сначала поборами своими замордовал всю округу, — закивали казаки и заговорили наперебой, — а сам в хоромах живет таких, что за стенами света белого не видит. А дочурка его в мехах да в кружевах ходит, да все ей мало, она гляди — в ведьмы подалась, блудница!

— Грехов на самой столько, что в век не отмоешься. А мы ее и после смерти спасай!

— Ведьму!

— Еще и опричника этого нанял — хер его знает, может он с чертями заодно, и сам нас сюда заманил?!

— Нетушки, Кречет, я тут свою голову класть не намерен!

— Да чего тут рассуждать? Сваливайте их с лошадей, хлопцы! Чего слушать? Наслушались с лихвой! — заорали казаки. — Расколотим гроб в щепы! Кол ведьме! Кречета на сук! Накомандовался!

В ответ Кречет молодецки дернул поводья, и конь его, развернувшись кругом, с визгом встал на дыбы, потрясая копытами. В кречетовой руке блестела обнаженная сталь, грозя бунтовщикам погибелью. Те отпрянули, но тут же с рычанием поперли на бывшего голову.

Мгновение одноглазый растерялся — не думалось ему, что авторитет Кречета рассыпится так быстро. Кречет был умелый боец, но ему, несмотря на все умение и опыт, было нипочем не сладить с десятком разъяренных мужиков. Пусть еще далеко не все из братии потеряли голову, однако Кречет мгновенно оказался зажат в кольцо сторонников Рогожи и был в отчаянном положении.

— На кого?.. На кого пасть раззявили, шавки?! — скалился Кречет в лица бывших товарищей и размашисто крестил воздух вокруг себя, пытаясь держать бунтовщиков на расстоянии. — Забыли кто перед вами?!

К нему пытались прорваться верные ему люди, но их уколами и выстрелами в воздух быстро оттеснили в сторону. Следом хищной гадюкой взвился аркан и рухнул на плечи

Кречета. Тот запоздало взмахнул саблей, но петля крепко затянулась на его горле.

Кречет булькнул и покачнулся в седле. Усы его задергались, лицо стало пунцовым.

— Сынки... — запоздало вклинился дед Микей между разъяренными казаками, готовыми сбросить своего пана голову наземь. — Одумайтесь!

Но тут он обреченно вскрикнул и схватился за лоб, иссеченный красным. Не удержавшись на ослике, старик рухнул под копыта взбесившихся лошадей.

Веревка натянулась, и Кречет молча отправился следом за Микеем. Началась свалка.

Каурай мигом определил сколько копий сейчас бросятся пришиливать его к земле и устремился к деревьям. Вслед ему поднялся дикий свист — загрохотали копыта, и пятеро конников, наострили коней ему наперерез. Щелкнули луки, под рокотание ружей засвистели пули.

Не успел Каурай пробежать и пару десятков шагов, как и его зажали с обеих сторон. Одноглазый ударился спиной о древесный ствол, закружился — штык молнией выпрыгнул из ножен и со звоном встретил разящую сталь: клинки звонко ударились, высекая снопы искр. Другой всадник навалился с другой стороны и кольнул — к счастью для одноглазого острие впустую черкнуло наплечник и отскочило.

Их место заняли еще двое с дротиками наперевес. Каурай выругался и с полуоборота метнул штык навстречу одному из верховых. Клинок перевернулся в воздухе пару раз и засел у того в брюхе. Рука казака дрогнула, но копьё ушло в полет. Одноглазый отбил косое древко и тут же бросился в сторону, пропуская смертоносный наконечник над ухом. Стоило ему восстановить равновесие, как вернулся первый всадник — в живот на полном скаку летела новая порция металла. Одноглазый звонко отбил саблю, развернулся и полоснул удаляющегося конника по бедру. Кинулся в другую сторону — блеск металла слепил ему глаз. Клинки встретились, отскочили, встретились вновь, оставляя за собой горячую кровь и привкус металла на губах.

Лошадь мчалась в лес с порожним седлом.

Оставшиеся трое всадников кружили вокруг Каурая — опасаясь приближаться к такому грозному противнику, они разматывали веревки, надеясь опутать его с головы до ног, а потом добить. Каурай завертелся на месте, сверкая металлом штыков, уворачиваясь от одного аркана и разрубая другой напополам. В него кинулись сразу три копьё, и только одно нашло цель. Наконечник ударил одноглазого в бок, но копьё, впустую звякнув по пластинам, отскочило с разочарованным звоном.

Замахнуться во второй раз им не дал Повлюк — он с гиканьем вломился в круг и с размаху рубанул ближайшего конника по шее. Тот вскрикнул и завалился на бок, обливаясь кровью. Копья повернулись в сторону нового противника, и тут лес сотряс выстрел бомбарды. Две лошади с жалобным ржанием едва не повалили своих всадников на землю. Третий конник лежал на земле, под ним расплывалась кровавая лужа, а его скакун во всю прыть несся прочь.

Одноглазый воспользовался заминкой и сунулся к коннику сзади — сиганул на круп, и не успел всадник очухаться, как оба лезвия вошли ему под мышки, напиваясь горячей кровью. С захлебывающимся криком всадник полетел вниз, а Каурай наматывал его поводья на кулак и пытался попасть ногами в раскачивающиеся стремяна. Лошадь под ним истошно визжала от страха и пыталась сбросить всадника, который все никак не мог справиться с одним из стремян — в нем запуталась нога убитого. Каурай краем глаза заметил несущуюся в его сторону смерть с копьём наперевес и полоснул штыком мертвецу по ноге. Резкий удар

решил дело — пятку срезало одним махом.

Решительно заставив лошадь слушаться, он развернул кобылу и увел ее в сторону. Копье пролетело в каком-то ногте от его виска, обдав одноглазого прохладным и одновременно обжигающим ветерком. Всадника достал Повлюк — не успел Каурай моргнуть, как окровавленная голова укатилась в траву, оставляя за собой алую дорожку.

Близость смерти, запах крови, вой, крики и выстрелы пищалей подстегнули Каурая ударить лошадь по бокам и пуститься в самый центр столпотворения; где громче всех звенело железо. Бывшие товарищи рубили друг друга с дикой и самозабвенной яростью, словно они очень давно и сладостно ждали этого часа.

Над их вспотевшими губами порхали пернатые черти.

Был тут и Кречет — он рубился пешим, сверкая яростью в покрасневших глазах на выкате. На его налившейся кровью шее сидела перерубленная удавка, но он словно не замечал ее: сжав аркан зубами, старый казак сек, рубил и колот — и побитые тела устилали ему путь. Направлялся он к гробу панночки, сваленному с лошадей на землю. На нем стоял Рогожа, опалевший от злости и запоздалого страха, и рубил крышку широким бердышом, что щепки летели в разные стороны.

Одноглазый направил коня по касательной и вынул сверкающий штык. Рогожа устремил глаза навстречу темной, страшной тени, которая летела на него, громящая доспехами. Испугался.

Запоздало вскидывая топор, он получил целую локоть стали между ребер. Покачнулся, но не упал на спину — оперся на свой тяжелый топор и еще силился устоять, поскрипывая зубами. Каурай остановил лошадь, чтобы перерубить на корню попытки Рогожи добраться до тела панночки. Но тот держался совсем недолго — казака стошнило кровью, колени его подогнулись, и он повалился прямо на гроб.

Ряды мятежных казаков таяли прямо на глазах — увидев, как тела их павших товарищей безжалостно топчут копытами, оставшаяся в живых тройка бунтовщиков спасалась бегством. В спину им полетели проклятья и быстрые стрелы. Точку поставил чудовищный гром бомбарды — на землю рухнуло отяжелевшее тело, широко расставив руки и уперев глаза в гремучее, чернокрылое небо. Двое других скрылись в чаще. Перестук испуганных копыт, отдавался у одноглазого в висках.

Бой утих. Кречет, пошатываясь и попутно разматывая веревку с шеи, зашагал к гробу и телу Рогожи на нем. Его кум был уже мертв — расколоченный гроб был весь залит черной кровью. Стянув проклятую петлю и облегченно вздохнув, Кречет опустился на корточки, схватил мятежного казака за шкуру и отбросил в сторону словно нашкодившего кошака. Кровь щедро брызгала из развороченной груди — штык Каурая пробил Рогоже сердце.

* * *

Когда они закончили рыть братскую могилу и побросали туда убитых, сумерки взяли свое — тьма и черные крылья сковывали недружелюбный Рыжий лес. Заперли в нем всех, кто еще имел наглость дышать.

Кречет, осунувшийся и разом постаревший на десяток лет, приказал одноглазому ни на шаг не отходить от гроба, который они вернули на спины лошадей, а сам вновь повел отряд через бурелом.

Ни один из его подчиненных не посмел более раскрывать рта — сабли и так не просохли от крови мятежных товарищей, которых кречетовцы порубили не менее десятка. Да и Каурай вызывал у половины из них нешуточную оторопь.

Чуть передохнув и запалив люльки, казаки снялись с места и еще какое-то время пытались вырваться из порочного круга. Шли пешими, ибо лошади начали оступаться от усталости. Отряд таял прямо на глазах — кроме убитых и бежавших после сечи, с каждой остановкой они теряли то одного, то двух казаков. Из трех десятков копий, которых Кречет привел к церкви, в распоряжении головы осталась лишь дюжина, не считая Каурая. Нетрудно было догадаться, куда направили стопы те, кто не погиб от руки кречетовцев.

Тьма сгущалась, а они все вели лошадей за уздцы, трещали кустарником и рыскали по ухабам, пока в очередной раз не пришли к тому самому месту, где им пришлось обнажить сабли и пустить друг другу кровь.

— Да можа это и не это место... — простонал безутешный Повлюк, крепко обнимая не остывшую бомбарду. — Мало ли в лесу таких же берез?..

На его реплику никто не ответил — следов рубки было вдоволь. Казаки уныло поглядели на тусклое небо, затянутое темнеющей поволокой — прямо в глаза хищному воронью, которое не отставало от них ни на шаг. Всем и каждому было очевидно: ежели лес не расступится за следующим поворотом, то ночь им придется провести один на один с птицами.

И хорошо, если из темноты на них будут глядеть только птицы.

Но все тяготы и лишения мигом стали ничем, когда отряд наткнулся на проплешину, где они совсем недавно закопали мятежников.

На месте могилы зияла глубокая рытвина. Совершенно пустая.

— Что за чудо-юдо... — выдохнули казаки, подходя к краю пустовавшей могилы, — ... выгребло все подчистую?..

На дне могилы не нашли ни опметков одежды, ни костей — только комья земли, еще влажные от натекшей крови. Кустарник рядом был страшно поломан и потоптан, словно тут, переваливаясь с одного бока на другой и оставляя за собой широкую просеку, орудовало нечто тяжелое.

“Что же это?..” — повис немой вопрос.

— Все что угодно, — отозвался одноглазый. — Упыри, гули, вурдалаки или любой другой трупоед-паразит. Но я ставлю на гримов. Эти жуткие псы обожают заброшенные кладбища, курганы и церкви, которые притягивают этих шавок словно магнит. А здешние леса, похоже, богаты старой костью. Только вопрос — откуда?

— Мало ли что тут творилось в старину? — скривился Кречет. — Старики гутарют, что по Рыжему лесу и впрямь какие-то курганы раскиданы... Кто тут их насыпал, это уж разные толки ходят. Мол, еще до дедов наших дедов обитал тут какой-то не шибко приветливый народец. И был он на короткой ноге с Сеншесом. Зуб даю — их богатство.

— Знакомо. Подарок из Эпохи цветов.

— Может цветов, может и нет, — махнул рукой голова. — Сталбыть, дурные дела тут творились. Еще дурнее нынешних, я так разумею. Вот и загнали этих выроdkов в леса, где они и сгнули...

— Сгнули ли?..

— А, туда им и дорога!

— Прав был Рогожа, — еле сдерживая рыдания, пробормотал Абай. — Нэ отпустят нас чэрты, пока мы вэдьму им не отдадим. Всэх забэрут, дажэ мертвых нэ отпустят... И за что мы тут все помэреть должны...

Услыхав это, Кречет переложил люльку в другой уголок рта и подошел к казаку.

— Ты, голова, кума своего не пожалэл, так к чему тебе и нас... — слетело с губ Абая за мгновение до того, как сабля Кречета вспорола ему живот и вылезла из спины.

Степняк крикнул и повалился в яму, хватаясь за бритвенно острый клинок, словно за спасительную веревку. Кречет повернулся на каблуках и резко взмахнул саблей, вырывая ее из окровавленных рук — в воздухе закружились алые капли.

Мертвое тело Абая хлопнулось о дно.

— Так будет с каждым, кто только подумает не в ту сторону! — рявкнул он в лица опарашенной братии. — Всем ясно?! Жук? Криш? Повлюк? Воробей?..

Они повинно покивали головами:

— Яснее некуда...

— Ясно, дядько! Так его, труса!

— То-то же! — сплюнул Кречет и вытер саблю о штанину. — Воробей, чего молчишь? Ясно али нет? Воробей?!

Ответа не последовало.

— Где Воробей?! — вскинулись седые брови. — Видел кто племяша негодяя Рогожи?

— Он жеш с нами был, — заозирались казаки, выискивая Воробья за лошадиными крупами.

Но находили только мрачнеющие потемки.

— Кто видел Воробья в последний раз? — голосил Кречет, вглядываясь в лицо каждого из верных ему казаков. — Не порубили ли его в драке ненароком?

— А Сеншес его знает... — бормотали казаки осматриваясь. — Помнится, он из церкви с нами выехал, а вот потом...

— Он еще с дедом Микеем ругался, точно гутарю! Брань я помню наверно!

— А не Рогожа ли то был?..

— И он ругался, токма Воробей не отставал от дядьки. А вот когда закипела рубка, тут уж не упомнить. Можа и вправду задавили и не заметили...

Покружив еще немного по округе и в очередной раз наткнувшись на ту же злосчастную березу, Кречет объявил привал и глубоко задумался.

Каурай подозревал к какому выводу клонилась его мысль. Как и все.

— Бесполезно, — устало выдохнул Кречет порцию дыма, сиюсь рассмотреть хоть что-нибудь в опускающейся тьме. — Вертаем назад, хлопцы!

— Куда?.. — задохнулся от страха Повлюк.

— А то не знаешь? — зыркнул на него голова, попыхивая люлькой. — В церкву. Твоя взяла, пан Каурай! Эх, поздно спохватились...

— В церкву?! — отпали челюсти у всей неполной дюжины. — На съедение чертям?!

— Чертям нас и здесь пощелкать сподручнее, — покачал нахмуренным лбом Кречет. — А там хоть окопаться можно, на колокольне. Всяко лучше, чем тута под березой куковать.

Одноглазый мог торжествовать. Они поворотили коней и, стараясь обогнать настигающую их ночь, направились обратно к церкви.

Когда сквозь мрак проступили древние стены, за спинами кречетовцев заволновалась земля. И лошади ощутили эти толчки первыми — стоило только освободить седла, скакуньи как взбесились, сиюсь умчаться подальше от проклятого места.

Толчки слышали все. Словно нечто огромное шевелилось под ногами — упрямо долбилося о крышку земной тверди и глухо выло, пытаясь вырваться на свободу.

Мрачные тучи под кроваво-алым небом стягивались к острогу, привлекая к себе сотни головорезов со всей округи. Колядники, таборщики Гарона и еще невесть чьи люди оцетинились копьями, громыхали сапогами и поднимали копытами дорожную пыль — окружали черную громаду острога, которая гигантским неприступным утесом возвышалась словно пуп земли над миром.

Кругом острога палили костры, лязгало железо, а со стен огрызались пищальным огнем. Им в ответ летели стрелы с лихими призывами резать глотку Шкуродеру и открывать ворота перед новыми хозяевами Валашья.

Все двигалось, ревело и грохотало, живя лишь ожиданием предстоящего кровопролития. Было холодно и зябко.

Неспокойный ветер гулял в волосах Игриша, когда они с ведуньями покинули фургон и вдохнули прохладный вечерний воздух, вместе с ним заглотив запах гари, которым разила бушующая округа. Хлоя едва держалась на ногах, и Игриш с Малуньей помогали ей не рухнуть в грязь, не споткнуться о тела убитых казаков и атаманцев, которые попадались им на пути.

Чем ближе они с Драко во главе подбирались к острогу, тем больше обезображенных трупов им попадалось.

Тут и там носились одичавшие кони, выли полуголые дети и рыскали пешие воины, не обращая ни капли внимания на Игриша, Малунью и Хлою, которые казались лишними на этом празднике меча и огня. Колядники бродили от одной хаты до другой и выносили наружу все, что подвернется под руку. Но чаще всего их руки обагряла свежая кровь.

Изнутри хат раздавался испуганный крик, вслед хлестала отборная брань. Звуки борьбы быстро сменялись грохотом, нечто хлопало и стены затихали мертвым тревожным сном. Где-то словно от ужаса вскрикивала одинокая птица.

Игришу казалось, что проще некуда зайти за угол и затеряться среди этих выбеленных домиков, чернеющих от огня и ярости атаманцев, но их спины подпирал Драко, держа под рукой грозный Куроук и раскаленную плеть нагайки. Юноша гнал пленников вперед, а они шагали, дрожащие и потерянные в этом кипящем лабиринте, а острог рос перед ними — испепеляюще черная, угловатая, остроносая гряда, подмявшая под себя все, что они не видели вокруг.

Со стен раздался громогласный свист. Следом в небо бросились сотни каркающих теней, накрывших половину неба. Бахнул залп десятков, а то и сотен пищалей.

На полпути ко рву Драко остановил пленников. Здесь в строю вооруженных таборщиков, облаченный в кольчугу и остроконечный шлем, возвышался Гарон, хмурился и дергал себя за седой ус. Отсюда из конца в конец просматривались и частокол, затянутый поволокой дыма, и лысеющие от огня предместья. По обе стороны от башен кружили всадники, пытаясь взять осажденных в кольцо и непрерывно осыпая зубцы стрелами.

Ближе полета стрелы к частоколу подходить не рисковал ни один — благо, им мешал широкий ров, пресекающий подходы к валу. У осаждающих оставался единственный путь под стены. Вплоть до самых ворот тянулась узкая каменистая дорога, утыканная стрелами, заваленными телами лошадей и убитых всадников. Петляя, бурая от крови, она змейкой взбиралась на вал, переходила в широкий мосток и обрывалась в крутую пропасть —

подвесная часть моста была высоко и горделиво поднята. Ворота напротив стояли нараспашку, словно насмехаясь над напрасными усилиями осаждающих.

Гарон обернулся, когда Драко с пленниками вышли к ним.

— А вот и ты, легок на помине! — проворчал новоявленный барон. — Давай этих стерв сюда. А этот мелкий тебе на кой ляд?

— Одноглазого ловить на живца! — ухмыльнулся Драко и толкнул ведуний в руки таборщиков. Игриш хотел было последовать за ними, но его удержал юный таборщик.

— Тебе с ними не надо, — дернул он мальчика за волосы. — Или ты за минувший день колдовать выучился?

Игришу на это было нечего ответить.

— Ну что, ведьмы? — окинул Гарон Хлою с Малуньей взглядом полным презрения. — Подумали над моим предложением? Каков будет ваш ответ?

Хлоя глядела барону прямо в лицо со стойким выражением, где не было ни капли покорности. Но все же склонила голову и коротко кивнула.

— Правильный выбор, — хмыкнул Гарон и повернулся к башням острога. — Выбить пару бревен из стены — это самое меньшее, что я прошу. Еще лучше, ежели вы займете людей Серго каким-нибудь колдовством, чтобы они хоть ненадолго перестали осыпать моих людей стрелами. Но я не расстроюсь, если вы вовсе сравняете эту шкуродерню с землей. Жаль, конечно, такое мощное укрепление, нам бы оно самим пригодились. Но это небольшая цена за мир и покой на Пограничье.

— Я бы предпочел оставить острог, — заявил Драко. — Больно хочется поглядеть в глаза Шкуродеру, когда будем сажать его на кол!

— И то верно, — кивнул Гарон. — Но я и так положил достаточно людей, пробиваясь сюда, чтобы разглядывать зубы дареному коню. Они нас ждали. Стоило нам только сунуться, как из углов повылазили шкурники с Чербыном во главе. Их мы, конечно, перебили, но и чарбынцы попили у нас кровушки с лихвой. Еще немного к той, что впитали эти башни за пару столетий. Проклятое место. Не удивлюсь, если оно стоит на валу из трупов! Нечего его жалеть! Ведьма, чего ты молчишь? Будешь нам помогать или тебе самой хочется посидеть на колу?

— Нам нужны руки, — проговорила Малунья дрожащим от страха голосом. — Руки, только и всего.

— Руки, говоришь? Рук у меня много! — засмеялся Гарон. — На любой вкус и размер. Выбирай любую!

Таборщики охотно захохотали баронской шутке, пока ведуний освобождали от веревок. Наконец тугие узлы разошлись, веревки упали на землю. Обе ведуньи с облегченным вздохом принялись растирать затекшие запястья, покусывая губы и прикрыв глаза от облегчения. Игриш им страшно завидовал — его и не думали спасать от пут.

— Только попробуйте выкинуть что-нибудь! — погрозил им пальцем Гарон. — Ежели я решу, что вы колдуете как-то не так, мигом спущу шкуру и пикнуть не успеете. Быстро, раскатайте острог в щепки!

Толкаясь, таборщики торопливо разошлись перед ведуньями, открывая им дорогу на острог. Малунья молча схватила Хлою за руку и потянула подругу за собой — навстречу гремучему стоглавному демону, затаившегося на вершине вала. Стоило им сделать пару шагов, как со стены пророкотала цепь выстрелов.

Одна железная оса свистнула Малунье над ухом и всколыхнула прядку ее пепельных

волос, но ведьмочка только встряхнула головой, словно отмахиваясь от докучливой букашки. Ведуньи, поддерживая одна другую, осторожно вышагивали босыми ногами вдоль дороги, мокрой от крови и теплившейся от жара раскаленных пуль.

— Куда?! — крикнул Гарон им в спину. Вслед ведуньям поднялись несколько арбалетов. — Куда направились, суки? Колдуйте отсюда!

Ведуньи раскинули руки в стороны, но не сбавили шага — продолжили идти на острог, гордо выпятив грудь, терзаемые внезапно поднявшимся ветром. Их изорванные платья взметнулись, обнажив разбитые колени. Ведуньи шли, а ветрище гнало на них запах удушливый пороха.

Острог вновь разразился волною стали, но с такого расстояния даже кучная стрельба едва могла дотянуться до них. Пули если и секли кого наповал, то лишь случайно. Игриш не раз и не два вздрагивал, когда нечто маленькое со свистом проносились рядом, обдувая его колючим холодком.

Ведуньи начали слегка покачиваться из стороны в сторону, словно пританцовывая в такт только им слышимой музыке. За ними грязно ругаясь, последовал Гарон со своими людьми — скоро они нагнали ведуний и взяли обеих в полукольцо, наставив на них арбалеты.

Ведуньи раскачивались все сильнее, пока не взмахнули волосами и не закружились на месте, сцепившись ладонями словно уличные танцовщицы. Их лица были бледны, напряжены и сосредоточены — они крутились на месте, поддерживая одна другую за талию, словно обе и вправду решили потанцевать на сцене. Только зрителями служил десяток взведенных арбалетов, а цветами туча смертоносных пуль.

Таборщики посвистывали и ухмылялись при виде того, как порхали ведуньи, размахивая ногами в широких пируэтах. Танец ускорялся, постепенно приобретая все более устрашающую форму — ведуньи тряслись и метались, словно пытаясь вырваться из связки собственных рук. Разжав пальцы, обе бросились прочь, но отпрыгнув на пару шагов, снова схватились за руки и, слившись в объятиях, кружились внутри ускоряющегося вихря.

Один Гарон мрачнел с каждым ударом сердца; до белых костяшек сжимал рукоять кинжала, который то вытаскивал, то бросал обратно в ножны. Со стен острога безумных танцовщиц уже заметили — над частоколом поднялся веселый свист и призывы Гарону присоединиться к задорным пляскам.

Ведуньи и не думали останавливаться — кружились каруселью, напрочь позабыв о смерти, которая подстерегала их каждый шаг и прыжок. Их гибкие, ловкие тела изгибались под причудливыми углами, юбки раздувались обнажая ноги выше колен. Пыль поднималась из-под быстрых стоп, понукаемая ветром и силой неустанно работающих мышц.

Не выдержав издевательства, Гарон попытался схватить разгоряченную Малунью за кисть, но та ловко извернулась и отскочила в сторону, вновь оказавшись в руках своей подруги.

— Ну хватит комедию ломать, суки! — гаркнул он, выхватив кинжал, и кивнул своим людям, мол, покуражились ведьмы — пора и честь знать.

Тут Хлоя резко замерла на месте, закутавшись в свои длинные русые волосы, и вынула изо рта белый, стеклянный шарик. Он мигом скатился с ее ладони и разбился под ногами у опеших таборщиков. Стекло оглушительно хлопнуло — шарик взорвался молочно-белым шипящим дымом. Ведуньи опроретью кинулись на землю и с головой пропали в дыму. Мгновением позже арбалеты плюнули в них сталью. Болты впустую пролетели у ведуний

над головами, лишь чудом не задев стоящих напротив.

Звякнуло обнаженное железо, когда рычащие таборщики бросились в плотные клубы, сиюсь достать обманщиц. Дымовая завеса проглотила и их, и Игриша с Драко, стоящих несколько поодаль.

Оказавшись в центре этого белого водоворота, мальчик оцепенел и закружился на месте. Единственным, что он видел перед собой, был Драко, держащий его под локоть и пытавшийся найти выход из западни. Тут и там метались тени, боролись, топтали одна другую, ревели от боли и злобы.

Неожиданно на Игриша бросился призрак — с протянутой рукой и смертельно бледным лицом Малуньи.

При виде ведьмочки, пытавшейся схватить Игриша за рукав, Драко резко потянул пленника на себя, выхватил кинжал и полоснул ведунью по пальцам. Она звонко вскрикнула и растворилась в бледном мареве. Держа Игриша за шкуру и выставив кинжал перед собой как жало, Драко отходил назад — прочь из смертельной ловушки.

Они вырвались из клубов как раз вовремя — дым вихрем закрутился вокруг невидимого центра, а в следующее мгновение его втянуло в комок, он сжался, заледенел, и с громким хлопком льдинки разметало ударной волной. На землю полетел десяток таборщиков, которым не повезло попасть под град осколков.

Вскоре дымку как языком слизало, обнажив картину отвратительной резни. Пятеро таборщиков барахтались на земле с выпущенными потрохами, а еще шестеро, в числе которых был и Гарон, потрепанными куклами покачивались из стороны в сторону, хлопали глазами и сжимали окровавленные клинки.

А Хлои с Малуньей и след простыл.

Пока таборщики разгуливали вокруг того места, где в последний раз видели ведуний, со стен острога оглушительно хохотали и потешались над “развеселым представлением с плясками и фокусами”. Гарон в бессильной ярости полоснул тесаком по воздуху и едва не упал, чем вызвал новую волну смеха. Следом казаки со стен подняли ружья и дали залп. Пули хлынули на таборщиков как стая саранчи и вынудили тех убраться ни с чем.

* * *

— Куда... они... делись?! — рычал барон Игришу в лицо, приподняв его за грудки. Его подлатник был мокрым от крови — пара льдинок все-таки умудрились просочиться сквозь кольчугу. Но Гарон как будто не замечал ран.

— Я не знаю... — пытался вырваться мальчик, но только впустую болтал ногами в воздухе.

До чертиков взбешенный Гарон брызгал слюной, тряс Игриша как тряпичную куклу. Не добившись ничего путного, он ударил Игриша под дых и бросил на землю. От боли Игриш едва не выплюнул свой желудок. В голове звенело, перед глазами плясали алые точки.

— Стой, дядька! — бросился Драко на Гарона, когда тот потащил саблю из ножен. — Не трогай его! За ним обязательно придет тот горбатый хмырь, и мы отомстим за отца!

— Тот горбатый хмырь наверняка уже на том свете! — рывкнул Гарон, однако бросил клинок обратно. — Только зря силы тратишь, бегая с этим дерьмом на поводке.

— Эй, Гарон! — кричали им с башен. — Чегой-то вы там перестали плясать? Подойдите поближе, мы хотим еще поглядеть, как вы ножками дрыгаете. Свинца отсыпем, не пожалеем! У нас его много — на всю вашу ватагу хватит!

Крикуна поддержали сотни гогочущих глоток на пару с новым дружным залпом.

Перепуганные неудачей таборщики отошли от стен, подальше от вездесущих пуль. Ответная стрельба ушла в молоко — стрелы с болтами едва долетали до острога, впустую втыкались в частокол, находя куда меньше целей, чем дружная пальба с башен.

Громче всех хохотал тот, кого Игриш ожидал увидеть на стенах осажденного острога в последнюю очередь. Мальчик поморгал на всякий случай: может быть, из-за удара о землю у него поехала крыша? Однако над частоколом и в самом деле мелькала знакомая, чумазая мордашка.

— Коляда, Гарон, где вы там, трусы? — голосил во все горло широко ухмыляющийся Бесенок, выглядывая из-под ведьминой шляпы. — У меня тоже есть для вас зрелище!

Мальчишка забрался повыше и под улюлюканье спустил портки. Окружающие его казаки от хохота чуть не попадали в ров, когда над частоколом яркой звездой зажглась белая задница и принялась светить в лица посрамленной армии Гарона.

— Как вам это? Хотите кусочек, мудаки?! — раззадорился Милош, звонко шлепая себя по голой жопе. — Подойдите и возьмите! Ой, кто это там? Неужто сам Коляда явился на праздник? Давай иди сюда, Коляда, знаем мы, как ты любишь е...ть малолеток!

Грохот копыт и залиvistый свист Игриш услышал раньше, чем сам атаман показался на глаза. Шум нарастал, поднималась туча пыли, и вот колядники выехали к ним, тяжело громахая амуницией. Коляду сопровождало больше сотни всадников. Пьяные от крови, они потрясали копьями, саблями и трофейными пищалями.

— С-сучий выродок! — скрипнул зубами Коляда, придерживая коня недалеко от места, где окапывались таборщики. На его шее раскачивалось тяжелое ожерелье из десятка поблескивающих заточенным металлом подвесок. — Золотой тому, кто возьмет этого мелкого живьем и доставит ко мне!

— Нахер тебе сдалась эта сопля?! Сразу с него шкуру надо было спускать. А не тащить в лагерь, чтобы он сосал вашу горилку и считал ваших людей, — сплюнул Гарон и вздохнул: — Теперь понятно, откуда Серго узнал, что мы идем. И почему приказал жечь мосты.

— Хочешь сказать, это я виноват?!

— Не я же притащил этого засранца в лагерь! — хмуро проговорил Гарон, доставая люльку и кисет. — Теперь не хнычь, Коляда, а думай, как нам взять острог. Я тоже обделался: затея с ведьмами полностью провалилась.

Таборщикам с колядниками предстояло много работы. Они как могли работали лопатами и сооружали насыпь. Комья земли летели во все стороны. Вдоль дороги укладывали что, что удавалось выволочь из домов: кровати, стулья, столы, лавки, иконы и сундуки — все шло в ход, чтобы сформировать хоть какое-то подобие щитов. Несмотря на расстояние, пули ураганили повсюду как взбесившиеся мухи. До Игриша постоянно доносились глухие стуки о стены, свистело над ухом и поднимались вопли, когда острог из раза в раз взрывался дымом и пицальным огнем.

Ослу было понятно, что планы колядников пошли прахом. Осада обещала затянуться.

Гроб не стали возвращать на покосившийся стол, решили вместе с ним укрыться на колокольне. Дураку было понятно, что как только нечисть вновь хлынет из всех щелей, нет внутри более уязвимого места, чем притвор со срединной частью. Запалили остатки свечей и принялись быстро, как только могли, поднимать гроб по предательски скрипучим ступеням.

Не успели они преодолеть лестничный пролет, как порыв ветра с вершины колокольни едва не опрокинул казаков вниз. Следом Рыжий лес разразился воем — одна глотка за другой присоединялась к общему пению, пока от прежней ночной тиши не осталось и следа.

На смену пугающим звукам пришло перемигивание огней. Каурой с остальными, лишь выглянув наружу через узкое оконце, увидели, как к церкви движется вал существ. Десятки неторопливых светлячков перемигивались сквозь переплетение ветвей. Через подлесок ломилось нечто круглое и очень большое.

Одноглазый с Повлюком и еще двумя казаками бросились заколачивать двери, пока остальная компания волокла упрямо застревающий гроб все выше. Изрядно покоцанные двери едва держались на петлях, и их пришлось подпирать досками, вырванными из полов, и гнилыми балками. Они сделали все, что могли, но ни один не сомневался, что держаться такая конструкция едва ли будет дольше пары крепких ударов.

Чем отчетливей доносился скрип невидимого колеса, тем сильнее Повлюка била дрожь. Но он, как и любой казак, упрямо не выпускал скворчащей люльки изо рта, пока таскал балки и подпирал ими двери.

Заперев ворота толстенным дрыном, Каурой пометил полы всем Эсселумом, что у него был — а было, право, немного. И тут они ясно увидели сквозь щель в створках как сторукое нечто показалось из кустов и, набирая обороты, покатило к паперти. Вместе с треском ломаемых костей оно принесло с собой тошнотворный запах гнили.

Бах! — мощный удар сотряс церковь, и море чернокрылых бесов вспорхнули с ветвей. Ворота скрипнули, зашатались на ржавых петлях, но выдюжили. Колесо отшатнулось и загремело с паперти, откатываясь подальше для нового наскока.

Каурой с казаками отходили вглубь притвора и, стараясь не слететь под полы, заняли позицию ближе к иконостасу. Казаки сыпали порох в пищали, Повлюк закатывал ядро в свою верную бомбарду, Каурой натягивал тетиву арбалета, нащупывая болт в колчане. Он рассчитывал израсходовать весь запас, прежде чем браться за штыки. Под плащом у одноглазого оставался осколок сабли, но он пустит его в ход, когда твари повалят к алтарю.

Вновь ударили в ворота, и треснувшая воротина обнажила поляну, держась на честном слове. Не стоило сомневаться, что следующий удар превратит первое препятствие в щепки. Одноглазого успокаивало лишь то, что после того, как эта жуткая тварь снесет ворота, ей придется прорваться через Эсселум, а потом преодолеть гигантскую яму в полу, которую нахрапом точно не возьмешь. Казаки и сами едва не попадали вниз, пока перескакивали на ту сторону. Дальше казакам придется отходить вверх — на колокольню, и там как-то держаться остаток ночи.

Глянув в глаза сторукому клубку из десятков истерзанных тел, Каурой признал остекленевший взгляд пана Рогожи, мысленно послал ему воздушный поцелуй и поднял арбалет. Пролетев дыру в воротах, болт ударился об ободранный почерневший лоб, но не остановил вращение колеса. Створки дрогнули, когда клубок вновь навалился на них всей

массой десятка сплетенных тел. Каурой послал новую стрелу, но и она, подобно старой, по оперение угодила в раскрытый бледный глаз, ничуть не помешав клубку набрать чудовищную скорость. Десятки упрямых рук и ног оттолкнулись от каменистой земли — клубок подпрыгнул, заходя на разгон, и гроыхнул по створкам, снеся ворота напроочь.

Грохот выбитых воротин прошелся под купол, и тогда подала голос бомбарда. Повлюк бахнул огнем прямо в сердце сторукой твари, оставив за собой громадную дыру. Следом заговорили пищали, сделав еще пару дырок поменьше.

И тут колесо начало разваливаться на десяток частей — и каждая из них торопливо вползала в притвор, щелкая челюстями и ревя во всю глотку.

Теперь за дело взялся Эсселум — яркая вспышка, и упырей безжалостно раскидало по притвору, втоптав в стены их изодранные тела. С десятков лап еще дергались, когда Каурой принялся прицельно забивать болты в их головы, стоило упырям только попытаться встать на четвереньки. Вновь бахнуло огнем, пули прорезали черную плоть.

Перезарядив арбалет в пятый раз, одноглазый мельком глянул во двор и выругался — из леса нескончаемым потоком лезли скрюченные шестилапые псы, заросшие длинной игольчатой шерстью с лап до приплюснутой клыкастой морды. Каурой хотел ошибаться, но, к сожалению, он не ошибся. Гончие Сеншеса. Гримы.

Стоило бестиям только показаться под ярко горевшей луной, как с крыши на них посыпался ливень стали. Снова зажглись фитили пищалей, грохот выстрелов прокатился по лесу. Гримы сразу же свернулись клубками, и подобно банде здоровенных ежей покатались к церкви.

Следом тяжело ударил подземный колокол, и стены церкви надрывно затрещали, словно изнутри их пытались расцарапать когтями.

Каурой разряжал арбалет в чудовищ и без конца хватался за рычаг — натягивал тетиву и укладывал болт, чтобы вновь поразить рычащую цель. Гримы упрямо рвались на паперть под градом пуль и стрел, но стоило им только переступить порог, как жаркое пламя Эсселума расшвыривало их в разные стороны, обращая обожженными воющими кусками плоти. Они лезли через окна, и там получали заряд свинца. Дырявые, дымящиеся туши падали на пол, а на их место вползали новые твари, их секли свинцом пищали и неумолимые ядра Повлюка. Бомбарда редко подавала голос, но с каждым выстрелом одна, а то и пара разорванных шавок падали наземь, разбрызгивая черную кровь.

Эсселум действовал безотказно, но поток гримов был слишком велик, чтобы их удалось бы сдержать будь у одноглазого целая алхимическая лаборатория в кармане. Вскоре притвор наполнился топотом десятков лап и скрежетом когтей. Первый десяток разорванных шкур благополучно полетел в бездну, другие заскреблись по стенам, пытаясь добраться до Каурая с казаками.

Они стояли спина к спине, огрызались стрелами, штыками и огнем. Сменив раскаленную от усилий бомбарду, в руке Повлюка взвилась обнаженная сабля. Толстяк напополам разрубил, прыгнувшего на него пса, столкнул воющую бестию в пропасть, и сходу пронзил еще одного грима. Отбросил охладевший труп, поймал морду следующей шавки и разорвал ей морду одним махом. Кречетовцы усиленно работали копьями, пронзая одну тварь за другой, сталкивая их в пропасть и сбивая их со стен пулями. Одноглазый не отставал — штыки в его руках принимали чудищ в полете, рвали на части, заставляя кровавыми визжащими кусками мяса валиться в темноту. Самых наглых, которые пытались подобраться к ним по стенам, он угостил парой бомбочек. Два взрыва прогремели один за

другим, и сразу десять тварей снесло со стен — и прямо в пасть бездонной яме.

Скоро и кречетовцам пришлось понести потери. Улучив момент, увертливый грим впился в плечо зазевавшегося казака. Тот взвыл и вспорол колючую шкуру кинжалом. Ему на подмогу спешил Повлюк, однако грим не думал отпускать жертву и только сильнее сжал челюсти, лишая казака воли. Запоздало хлопнуло огнем, когда озверевшая от крови бестия рухнула в темноту, унося с собой и несчастного казака. Его место заняла следующая шавка с опаленной шкурой — возникнув словно из-под земли, она перекусила шею второму казаку и вспорола когтями ему грудь. Но не успела псина насладиться хлынувшей кровью, как Повлюк проломили ей череп пудовой пушкой и сбросил воющее чудище в яму.

Оставшись вдвоем Каурай с Повлюком отходили все дальше к воротам в алтарь, прикрывая спину друг другу. Но и позади они почуяли недоброе.

Повинуясь колокольному бою, иконы вновь начали преображаться, и нечто черное, склизкое закапало со стен на пол. При виде этой грязной, вонючей массы Повлюк испуганно вскинул поспешно заряженную бомбарду и впустую бахнул в самую жирную часть. Алтарь трубно загудел, когда нечто за воротами словно проснулось из многолетней спячки. Пара неуверенных шагов, и оно обрушилось на ворота. Со второго удара их сорвало с петель.

Повлюк завопил только раз глянув на то, что выползло из алтаря и едва не упустил бесполезную бомбарду. Каурай вспорол брюхо очередному гриму и обернулся, готовясь встретиться с самим Сеншесом.

— Проказа... — скрипнул он зубами, когда в неверном свете десятка еще горящих свечей грязно-серая безразмерная плоть, ошетилившаяся жгутиками и щупальцами, выглянула наружу, раскрыла шипящую дыру и поприветствовала обоих сногшибающим смрадом.

Самым страшным был даже не ее облик. А то, что Каурай не знал, что это за существо.

А вот бестии за их спинами знали. С обреченным воем гримы посыпались в яму как яблоки, когда иконостас начал трескаться и извергать из себя это чудовищное отродье Ямы — все больше и больше напоминающее гигантский, вытянутый гриб с щупальцами и гигантским зубастым ртом. Отростки со жгутиками лезли из всех щелей, пытаясь обрушиться на людей неподъемной массой и стереть их в порошок.

Каурай толкнул оцепеневшего Повлюка в сторону лестницы, а сам выхватил две оставшиеся Морции и швырнул их чудищу в глотку. Слякоти пропали в колышущемся нутре, но существо даже не заметило, что только что проглотило самую ядовитую дрянь, которую породил человеческий разум. Разобрало алтарь по бревнышку, оно ввалилось в помещение, и тут внутренности монстра болезненно заурчали.

Одноглазый подозревал, что последует за этим, и потому прикрывшись плащом и поспешил убраться подальше, как только ядреный кислотный дух ворвался в ноздри.

Следом чудовище задрожало и во все стороны пыхнуло изумрудными частицами.

Кожа вмиг загорелась ядовитой болью, поры Морции закружились в воздухе. Перескакивая через две ступеньки одноглазый с толстяком понеслись вверх — их встречали крики и гром выстрелов. Чудовище за их спинами гудело, выхаркивало кровавую слизь, распуская вокруг себя ядовитую пыль, и нещадно потрясало щупальцами. Остатки полов дрожали и лопались, проваливаясь под тяжестью исполинского тела.

Едва Каурай с Повлюком преодолели первый пролет, как основание лестницы снесло под натиском грибовидных отростков — они крушили, разрывали и хватили всякого до кого могли дотянуться. В первую очередь жертвами ярости безымянного монстра стали гримы, в

отчаянии пытавшиеся прорваться на крышу вслед за одноглазым с толстяком. Но уйти дальше притвора им было не суждено.

Внизу все сплелось в единый клубок из когтей, зубов, игл и трепещущей плоти, разъедаемой изумрудной пылью. Чудовищный вой, рык, гул и безумный колокольный бой вразнобой грохотал над бурлящим котлом. Наконец прогнувшиеся полы не выдержали безумия и с треском обрушились, увлекая за собой многорукое существо. Ядовитые поры взметнулись под потолок.

Каурай с Повлюком были уже далеко — лестница увела их под крышу, где они натолкнулись на кровь, заливающую ступени. У выхода на колокольню распростер руки растерзанный казак, поглядывая на обоих остекленевшими глазами. На его развороченной груди уместился целый выводок пернатых хищников с окровавленными клювами. Штык одноглазого пронзил ворона и пришил его к стене, остальная тройка каркуш с испуганным карканьем разлетелась кто куда. Каурай хладнокровно перешагнул через обезображенное тело, вырвал штык из тушки, и они с Повлюком оказались на колокольне, окруженной сотней, а может и тысячью крылатых созданий.

Вой и противное карканье поднималось к ясным, пылающим небесам, подсвеченным заревом далеких пожаров. Пахло гнилью, горелым мясом и порохом. Нечто громыхнуло в отдалении, словно по горизонту прошелся одинокий раскат. Однако ни молнии, ни грозových туч на горизонте не видел никто.

Продуваемые всеми ветрами, казаки сгрудились на крохотной башенке под защитой покато́й крыши и пары деревянных подпорок, из последних сил отбиваясь от агрессивной стаи заточенной сталью и пальбой из пищалей.

— И где их столько уродилось, тварей? — шипел Кречет, сбивая на лету то одну, то другую пернатую уродину бритвенно острыми клинками в обеих руках.

Гроб с панночкой, обвязанный веревками, лежал посередке и мешался под ногами. Крыша была завалена рассеченными птичьими трупиками, а на фоне ярко горевшей полной луны металась громадные крылья и обсыпали колокольню длинными перьями, поблескивающими металлом.

Кречет упер пыхтящую люльку навстречу Каураю с Повлюком:

— Чего, паны, там совсем не можно?

— Плохо дело, пан голова, — забормотал Повлюк, смахивая капли пота со лба и боязливо косясь на лестницу, откуда доносились пугающие звуки и валила ядовитая пыль. — Птички це еще цветочки... Там такое!

— Какое такое?! — глянул на него Кречет и едва не упустил здорового ворона, наметившегося клюнуть его в темечко, но старый казак росчерком сабли располовинил птицу прямо в воздухе.

— Жуткое! — крикнул Повлюк. — Такое вот!.. Факт!

Не успел он договорить, как с яростным клекотом к ним спикировала пара пернатых созданий, размахом крыльев способных обнять половину башенного барабана. Этих остроносых уродин, прозванных гарпиями, Каурай знал прекрасно, и потому очень не обрадовался, когда они, сверкая единственным глазом на приплюснутой птичьей голове, разом бросились на казаков и вцепились в одного когтями. Тот вскрикнул, рубанул саблей и отсек гарпии лапу, но вторая тварь бросившись на него сбоку, клюнула в глаз и увлекла за собой в пропасть. Стрела полетела вслед наглой крылатой бестии, но она только отмахнулась острыми перьями и подняла барахтающееся тело в воздух. Не сумев подняться

повыше, бестия уронила жертву наземь, сраженная выстрелом. Крик настиг казака лишь перед самым ударом о землю, и добрая половина воронья сразу же бросилась терзать еще живое тело.

На крышу лезли гримы, цепляясь о ветхие стены когтями — колючих шавок одного за другим сбрасывали стрелы да пинки казацких каблуков. Снова с неба на колокольню бросились гарпии, и вновь один из казаков, зазевавшись отпугиванием ворон, поплыл в воздух, терзаемый железными когтями.

Их осталось всего четверо, когда под крышей нечто оглушительно грохнуло, раздались сильные толчки и постройка просела. Когда полы колокольни начали уходить у них из-под ног, хватило всем. Стоявший у края казак мигом сиганул в пропасть и угодил прямо в лапы голодных теней. Кречета спасло лишь то, что он успел вцепиться в порожнюю балку, на которой когда-то висел колокол. Каурай же в последний момент ухватился за несущий столб и только это спасло его от свободного полета с покосившейся башенки. Повлюку повезло меньше — его тяжелая туша перевалилась через край и тяжело приземлилась на крышу. Только случай и цепкость пальцев помогли толстяку не соскользнуть по наклонным дырявым доскам и не разделить участь своего менее везучего товарища.

Толчки не прекращались — церковь безбожно потряхивало и кренило то в одну сторону, то в другую. Черное небо гуляло перед глазами, стены трещали так, что казалось постройка сейчас разлетится в щепы. Ядовитые поры Морции валили из всех щелей, снизу все громче звучал жуткий гул, словно сама земля вопила от боли, ненависти и унижения. В один момент дребезжащую церковь резко дернуло и она начала медленно подниматься, точно у нее выросли ноги, мало-помалу накреньясь одним боком, потом другим.

И как они с Кречетом удержались на колокольне, пока церковь покачивала куполом, одноглазый мог объяснить только вмешательством Спасителя.

— Держись, пан Повлюк, держись, так тебя и растак! — кричал ему Кречет, свесившись вниз и одновременно отмахиваясь от кровожадных воронов, которых поведение церкви ничуть не смутило. К Повлюку стягивались бесстрашные гримы. Они ползали по стенам как насекомые, но и им было нелегко удержаться на крыше взбесившейся церквушки, которую мотало как пьяную.

Глянув ниже, Каурай решил, что свихнулся — даже спустил повязку, чтобы увидеть случившееся обоими глазами. Из стен церкви торчали те самые грибовидные щупальца и упирались в землю, словно гигантские паучие лапы. По разные стороны их было уже более полудюжины, и с каждым ударом из стен вылизала очередная лапа.

Еще один удар — нечто огромное уперлось в потолок, едва не пробив крышу. Со следующим толчком стонущая от напряжения и жара церковь поднялась еще немного над землей, сошла с фундамента, и, покачиваясь, маленькими, нервными шажками двинулась к лесу.

Пока Каурай с замиранием сердца наблюдал за приближением боязливо шелестящих деревьев, внизу Повлюк отчаянно отбивался одновременно и от воронья, и от тройки гримов, которые, едва удерживаясь на прыгающей крыше, не оставляли попыток цапнуть его за ногу. Кречет, до хруста сжимая люльку зубами, одной рукой обнимал колонну, шептал воззвания к Спасителю, перемежая текст молитвы грязной бранью, а другой рукой пытался нацелить ствол пищали на самую наглую шестилапую псину, которая почти добралась до глотки Повлюка. Шарахнул выстрел — грим покатился по крыше и с воем пропал вниз. Чудища рыкнули на Кречета, но поумерили свой пыл.

— Погодите, твари, вы еще не знаете пана Кречета! — крикнул голова, поспешно пытаясь перезарядить пищаль и не рухнуть в распростертые лапищи.

На колокольню спикировали пернатые тени. Проигнорировав Каурая с Кречетом, гарпии нагло похватили веревки, которыми был обмотан гроб как паутиной, и потащили к краю. Одноглазый бросился было наперерез, но крылатая тварь с радостью черкнула когтями по броне и полезла искать сочленения. Штык вспорол гарпии живот, выпуская внутренности наружу. Тварь взвизгнула, попытавшись столкнуть Каурая с крыши, и тогда второй клинок прошел ей глазище и застрял в черепе. Новая гарпия свалилась как снег на голову — полоснула одноглазого по спине и по несчастью задела неприкрытое бедро. Одноглазый зарычал, вырвал штык и с разворота рубанул крылатую по шее. Захлебываясь кровью, бестия завалилась назад, а одноглазый бросился на тех двоих, что волокли гроб.

Одно мгновение, другое, и гроб завис над пропастью. Каурай ничего не успел сделать — только сам вцепился в веревку и потянул с запоздавшим осознанием, что это равносильно самоубийству. Ударили крылья, гарпии рванулись вверх, увлекая вращающийся гроб за собой, а следом и одноглазого, у которого не было сил держаться на башне.

Когда он завис над пропастью, лихо раскачиваясь в воздухе и в последнем усилии сжимая скользкую веревку, церковь сотряс страшный удар. Она проломила стену вековых деревьев и принялась закапываться в лесной массив, расшвыривая стволы на своем пути и громогласно гудя на всю округу.

Над головой Каурая тяжело хлопали две пары испуганных крыльев. В непомерном усилии стараясь удержать в воздухе тяжеленный гроб и одноглазого, который ни в какую не желал уступать. Вокруг истерично металось каркающее воронье, на лету отскакивая от его пластин и норовя расцарапать лицо когтями. Полуослепший Каурай как мог отмахивался штыком, но это мало помогало — от того, чтобы подлететь поближе и распороть одноглазому живот, воронов удерживал слой крепкой брони.

Гарпии перемалывали холодный воздух, рывками несли гроб выше, под небо. И земля, и прорывающаяся через лес ходячая церковь, окруженная ненасытными тварями, удалялись, постепенно сливаясь в черное, гремящее покрывало.

— А они пороха не жалеют, сволочи! — заметил один из колядников, кутаясь в клубы табачного дыма. — Щедро воюют!

— У Шкуродера на такой случай закрома имеются, — покачал забинтованной головой его товарищ. — Подорвать бы проклятуший острог к Сеншесу. Чтоб за одну искру — и в труху, а не сидеть под стенами и не ждать, когда тебя в жопу ужалит.

— То есть мы оба в дерьме! — от души расхохотался Коляда, когда услышал историю с ведуньями.

С ним покатались со смеху и вся ватага колядников. За их спинами зарево от пожаров подсвечивало небо на сотни миль вокруг, ошестинившись жирными пальцами дымных столбов. Людям Коляды и море было по колено — пока таборщики с немногими пришлыми дезертирами жались к стенам и ползали туда-сюда, силясь окопаться и взять острог под постоянный обстрел, колядники держались в седлах чуть ли не по-рыцарски и со всей мочи свистели, сунув оба пальца в рот. Со стен свист подхватывали, не забыв бахнуть из пищалей, стоило кому-то из всадников подъехать к острогу поближе.

— По уши, — вынужден был признаться Гарон. — Теперь покумекаем, как нам из этого дерьма выбираться.

— А этот прыщ вам зачем? — ткнул пальцем Коляда в Игриша. — Заложник что ли?

— Угу, — мельком глянул на мальчика Гарон. — Я бы давно спустил с него шкуру, но Драко бережет его, чтобы выманить опричника.

— Тот горбун, который убил твоего брата? Это его подстилка что ли?

— Именно, — ухмыльнулся Гарон. — Опричник выскользнул из моих рук, но теперь не уйдет. Я обещал, что перееду его колесами, и видит Спаситель, исполню свое обещание. Кстати, об обещаниях... Берс уже подошел?

— Нет. Ждем. Говорят, застрял на переправах.

— С ним есть кто из наших?

— Я приставил к нему парочку, чтобы не взбрыкнул ненароком. Не доверяешь ему?

— Ни капли. Не удивлюсь, если он вообще повернет в другую сторону и решит попытать счастья, сговорившись с кем-нибудь на востоке, с шатранцами, например. Или вообще уйдет в Фебор, на поклон к Крустнику. Стоило вообще прирезать его вместе с Рюком, и дело с концом! Эх, смалодушничал я...

— Тогда вместе с ним надо было убить и сотню верных ему людей, — покачал головой Коляда. — Я-то не против, но лишние копыя не помешают.

— Я бы предпочел, чтобы больше людей боялось меня, нежели ждали повода всадить нож мне в спину.

— Не бойсь! Наши друзья проследят, чтобы Берс не заартачился. А если заартачиться, то разделит участь Рюка. Уверен, совсем скоро мы услышим их поступь.

— Надеюсь, что это “скоро” произойдет раньше, чем взойдет солнце...

— Ты куда-то спешишь?

— Я пришел штурмовать острог, а не возиться в осаде, — скрипнул зубами Гарон. — Да и Кречета не видать за стенами, оборону возглавляет воевода лично. А значит, старый лис рыскает где-то неподалеку. Херово будет, если он ударит нам в подбрюшье, пока мы тут препираемся. Ни его головы, ни головы Чарбына я так в своих руках не держал...

— Не горюй, барон, скоро и в твоём таборе запахнет медом. Глянь, что у нас есть!

Попыхивая люлькой, Гарон неохотно повернулся в сторону, куда указывал Коляда, и от удивления едва не выпустил мундштук изо рта. Таборщики тут же заохали и одобрительно засвистели, приветствуя здоровенную осадную бомбарду, которая, тяжело вращая тележными колесами, взбиралась на насыпь силами троих крепких колядников.

— И где ты эдакую раскрасавицу достал, Коляда?! — радостно хлопнул ладонями по коленям Гарон, подходя к бомбарде, которую с огромным трудом укладывали на вкопанный лафет.

Драко потянул Игриша за собой и тоже бросился рассматривать толстую желтоватую трубу, сжатую железными обручами, которая больше напоминала вытянутый, пузатый колокол, нежели здоровенную пищаль. Прочно закрепив ее на лафете и прикрыв двумя деревянными щитами, двое колядников бросились подтаскивать ядра, а третий пытался закатить на насыпь бочонок с порохом.

— Такой люлькой можно с пару заходов весь острог смести! — широко ухмыляющийся Гарон водил ладонью по шероховатому стволу, словно по колену любимой женщины, и сверкал горящими от нетерпения глазами на пока еще прочные стены.

— Мы тут маленько куролесили по предместьям и наткнулись на хатенку нашего молчуна, которого ты хорошо знаешь. И среди его вещичек откопали эту кралю. Хозяин решил с нами поспорить, но мои ребятки мигом настроили его на мирный лад.

— Ах, Горюн?!

— А вот и он, легок на помине! — кивнул Коляда на двух всадников с копьями, которые вели на привязи окровавленного великана. Он помнился Игришу еще по мосту через речку Смородинку. Выглядел кузнец ужасно — весь изодранный и избитый, с петлей на шее, он хромал, сильно подволакивая ногу, но держался прямо, пусть и шагал, понуро склонив голову. Один из колядников тоже встречался Игришу — по правую руку Горюна с нагайкой и копьём наперевес ехал долговязый казак Воробей.

— Горюн, сколько лет, сколько зим! — всплеснул руками барон, встречая кузнеца, в которого с боков упирались два копья. — Твоя люлька? Не хочешь помочь нам свалить тиранию Шкуродера?

Кузнец окинул равнодушным взглядом собравшуюся компанию головорезов и сплюнул себе под ноги.

— Х...й вам! — разошлись разбитые губы, обнажая парочку свежих дыр меж зубами.

Воробей словно ждал этих слов — нагайка в его руке взметнулась и прочертила по спине кузнеца кровавую черту. Горюн дернулся, но другой колядник резко натянул веревку и слегка кольнул его в бедро.

— Ну, брат, — подошел к кузнецу Коляда с обнаженным кинжалом в руке. — Так дела не делаются, сам знаешь. Сколько ты сам пробыл под началом Баюна, латая для него кольчуги? Пару лет, уж точно, не ошибся? И надеешься, что мы тут забывчивые сильно стали? Или думаешь, раз Шкуродер простил тебе все грехи и позволил штопать кольчуги ему, то и мы такие же добренькие?

С этими словами он ударил кузнеца рукоятью кинжала в печень. Горюн скривился от боли, но быстро распрямился, не проронив ни звука.

— Силен! — кивнул Коляда, вращая кинжал в пальцах. — А если другим концом? Ты не думай, что мы не справимся с пушкой. Твое участие — моя прихоть. Сначала предал одних, а теперь предашь других — любо-дорого поглядеть! А то бы давно жарился в собственном

горне, собака!

— Пусть его, Коляда, — махнул рукой Гарон, не в силах оторвать влюбленный взгляд от пушки. — Я сам не дурак зарядить такую дуру, а этот молчун пусть стоит и смотрит, как мы будем стрелять по острогу. Может быть, в его пустой голове что-то да и звякнет, когда мы обрушим стену.

Коляда тем временем обратил внимание на Воробья, который играл своей нагайкой, не спуская глаз с кузнеца.

— А ты кто такой будешь? — сощурился Коляда. — Не признаю тебя среди моих людей.

— Кличут меня Воробьем, но звать меня Яш, — слегка поклонился казак. — Был в ватаге Кречета, пока его панское благородье совсем не прогнило в черепашке.

— Воробей? — заинтересовался Драко. — А не тот ли это Яш Воробей, который приходится родственником Рогоже?

— Именно я, — кивнул тот несколько настороженно. Взгляды, которыми обменялись Драко с Колядой отдавали холодком. — Дядька он мой.

— И что же заставило тебя покинуть радушные объятия Шкуродера? Совесть замучила?

— Да я повода искал... — смутился Воробей. — Давно уж раздумывал плюнуть на этих мразей. Что Кречет, что дядька мой — одного поля ягоды.

— И что, нашел, повод-то? — хохотнул Коляда, хитро поглядывая на перебежчика.

— Ага, — кивнул тот и быстро заговорил, тараторя и коверкая некоторые слова. — Кречет совсем с катушек съехал. Сначала воевода рассудком помутился — решил подохшую свою ведьму в церкви отпевать, и для этого нанял опричника, чтобы тот по ней службы в церкви стоял!

— Врешь?! — округлились глаза у Гарона.

— Вот те Пламень, ежели вру, — осенил себя знаменем Воробей. — О том весь хутор два вечера гутарил, когда еще прошлой ночью та самая острожья церквушка, где опричника с попом Кондратом на ночь заперли, вспыхнула и до основания сгорела, словно ее скипидаром обрызгали или еще чем горючим. Думали, отмучились с ведьмой этой — вот так ее и черта этого одноглазого Спаситель покарал вместе с попом Кондратом, тоже надо сказать знатным мракобесом, требником ушибленным. Пока церквушка горела, та старая колокольня, которая в лесу с незапамятных времен стоит, трезвонила на всю округу, словно пыталась нас прикончить звоном этим. Как угольки разобрали, отрядил Шкуродер Кречета снять тот бесовской колокол и выдрать того черта, который в церкви той окопался. Плутали мы в лесу бес знает сколько, пока дед Микей дорогу туда из своей плешивой черепашки рожал. Но в церкви мы не нашли ни черта, ни колокола, зато отыскали гроб с ведьмой да опричника при нем, живого и здорового, пусть и потрепанного чутка.

— Неужто? — зажглись глаза недоверием. — Уж не сочиняешь ли ты сказки, Воробей?

— Да самому вспыхнуть мне на этом месте, раз брещу, — снова осенил себя знаменем Воробей и продолжил: — И Кречет так помутился рассудком, что вместо того, чтобы вбить кол ведьме в сердце, приказал хватать этот проклятый гроб на плечи и бежать обратно в острог.

— Ой, Кречет! — рассмеялся Коляда. — Совсем с ума скатился, вылизывая панские подошвы...

— Все, значица, бесовское воинство сорвалось с места за этим гробом и давай нас вертеть-крутить по лесу, чтобы мы от этой проклятой церкви далеко не ушли. Ну тут у дядьки моего немного в голове прояснилось, и они на Кречета с удавкой!

— И что ж?! — загорелись глаза у Коляды. — Убили?

— Эхх... — махнул рукой Воробей. — Нет, верные ему псы с опричником этим опрокинули нас, а дядьку моего жизни лишили за то, что он посмел на ведьмин гроб с топором броситься. Жизни себя спасти и всех, кто воеводе верой и правдой служил, а Кречет вон как старому Рогоже отплатил! Ему, проклятому, со Шкуродером этим, людские жизни ничего не стоят, а труп панночки, от грехов сгнивший, превыше будет!

— А ты что же? — спросил Гарон.

— А я насилу убог, — вздохнул Воробей.

— И дядьку своего нечистым силам на поругание бросил? Эхх...

— Так убили дядьку моего — кречетов опричник и убил своим длинным ножом!

— А ты что же за дядьку своего родного не отомстил?! Поджилки затряслись, овечья твоя душонка!

— Так их больше было...

— Да и хер с ними, Гарон, — сплюнул Коляда. — Пусть Кречет с этой нечистью трахается до посинения. Может ведьма с опричником его на тот свет спровадят. Одной бедой меньше.

Но Гарон не стал мириться с трусостью Воробья — не спеша подошел к нему и схватил за отворот зипуна.

— Значит, первым на штурм пойдешь, чтоб свой позор кровью смыть, — процедил он сквозь зубы в лицо побледневшему Воробью. — Посмотрим, как ты за нас биться будешь.

Воробей надул желваки и с трудом протолкнул в горло вязкий комок. Явно не такого приема он ждал от вольнолюбивых атаманцев.

Следом до них донесся далекий колокольный бой, тревожно и торжественно разносящийся по всей округе. Услышав его, атаманцы встрепенулись и осенили себя Пламенным знаком. У Игриша засосало под ложечкой, и он мысленно повторил за ними священный жест.

— Вот и колокол ваш, — хмыкнул Коляда. — Вся нечисть проснулась! Сюда просится, на пир над костями Шкуродера.

— Или его защищать летит... Ой, не зря Кречета отрядили в старую церковь именно сейчас!

— Сплюнь, — цокнул Коляда на трусливого товарища. — Накличешь еще, дурак. Еще скажи, что Шкуродер специально у нечистого заступничества ищет?

— А что? Дочку свою на закланье принес. Теперь обратной услуги требует...

Колокол звучал все громче, и пока шел разговор, двое колядников скрутили бомбарде казенную часть, подхватили тяжеленное каменное ядро и, смешно переставляя короткие ноги, потащили его к орудию. Навалившись всем телом, они не без труда, но закатали его в бомбарду и засыпали порох.

— Скажи, кузнец, а на кой х...й тебе была нужна эта штука в хозяйстве? — со смешком спросил Горюна Драко, который во все глаза следил за процессом заряжания орудия. — Ты чего думал таким хером бабу какую впечатлить?

Вопрос вызвал целую бурю веселья у столпившихся вокруг колядников — все мигом забыли про таинственный колокол. Сам Горюн оставил насмешку Драко без ответа, наконец заметив Игриша, который застыл рядом с юным таборщиком. Взгляд кузнеца мальчику совсем не понравился.

Закрутив потуже задницу бомбарды, колядники принялись наводить ее прямехонько на

ворота, где осажденные уже заметили новую участницу представления — поднялся крик и суета. Стена вновь взорвалась выстрелами — туча свинца полетела в сторону насыпи. По деревянным щитам защелкали шальные пули и колядники поспешили пригнать головы.

— Сейчас мы им дадим прикурить! — разогнулся Коляда, когда выстрелы утихли. — Сделаешь первый запал?

— Еще бы! — кивнул барон, схватил древко с фитилем на конце и разжег его угольками из собственной люльки. — Грех от такого отказываться.

Фитиль занялся, и не успел Гарон повернуться к бомбарде, как остался совсем один. Остальные от греха отбежали подальше от страшного орудия, пригнувшись к земле на всякий случай.

— Вы чего это?.. — обернулся к ним взволнованный барон, не донеся фитиля до бомбарды.

— А Сеншес ее знает, дуру эту... — с сомнением почесал подбородок Коляда. — Горюн, ты из нее стрелял когда?

Кузнец по своему обыкновению промолчал.

— Такая и вправду взорваться может, — кивнул им один из пришлых дезертиров с молочно белыми усами. — Видал я такую, когда службу нес. Там, в Пхеи, нынче у всех голова гудит — такой от них грохот стоит! Бывало, что раз бомбарда выстрелит, да и сама рванет от души. Весь расчет в клочья! Сам видел. Ноги, руки... страсть!

Это несколько остудило пыл барона.

— Да ты не робей, дружок, — махнул рукой дезертир. — Тут главное с порохом не переборщить, не ссать и голову беречь! Ты как запал подожжешь, так беги что есть мочи, а потом прыгай — головой от пушки. Она ежели и рванет, то тебе только ноги попортит, а голова целенькой останется! Ее надо было песком засыпать, так, глядишь, и ничего.

— Ну, я тебе это припомню, Коляда... — пробормотал Гарон, закусил губу и, отойдя на пару шагов от бомбарды, осторожно вытянул руку с древком и поднес тлеющий конец к запалу.

— А сколько надо было пороху сыпать? — спросил заинтригованный Коляда шепотом, чтобы Гарон не услышал.

— Это на глазок! — кивнул любознательный дезертир. — Не слишком много, но не слишком ма...

Его речь прервал чудовищный грохот, от которого у Игриша мгновенно заложило уши. Когда дым немного рассеялся, он разглядел, что бомбарду сильно встряхнуло отдачей и развернуло вбок, но она к счастью для Гарона, осталась целой. Сам барон лежал в пыли, прикрыв голову руками, как и советовал седоусый дезертир. Эхо от выстрела разнесло по округе, наверное, на десятки миль, и Игриш был уверен, что этот грохот слышали даже на небесах.

Колядники с веселым свистом тут же повскакивали с земли и полезли на насыпь, смотреть куда улетел снаряд. Про Игриша забыл даже Драко, но у того не возникло даже мысли, воспользоваться мальчишеской беспечностью и попытаться удрать. Он побежал на насыпь вместе со всеми и увидел, что ни в какие ворота ядро не попало. Зато в одной из башен острога сквозила здоровенная дыра размером с бочку. Едва ли колядники могли рассчитывать на лучший результат.

Со стен по ним сразу же полилась беспорядочная пальба, но даже ранения и пара убитых, не могли сдержать разухабистого веселья колядников. Не успев унять звон в ушах,

они принялись закатывать в ствол новое ядро и щедро сыпать пороху.

Всецело поглощенные обрушением стен, никто кроме Игриша и не обратил внимание, что с каждым выстрелом бомбарды колокольный звон, который упорно давил мальчику на виски, звучал все ближе и ближе.

Как Каурай не старался держаться, задубевшие руки все равно соскальзывали. По счастью он уперся в узел, а то его давно бы снесло ветром, который на эдакой высоте дул с лютым остервенением. Штык одноглазый сжимал зубами, надеясь, что все же успеет пустить его в ход и заберет хоть одну гарпию, прежде чем сам рухнет в объятья земли, когда силы совсем оставят его.

Утешало лишь то, что несущим его гарпиям было не слаще. Пусть они и находились в своей стихии, но ноша бестиям была явно не по зубам. Отдав всю силу собственных крыльев на то, чтобы сорваться с крыши и подняться к облакам, они очень быстро выбились из сил и сейчас, мерзостно вереща на весь свет и впустую щелкая клювами, спускались все ниже.

Но все равно слишком медленно, чтобы одноглазый чувствовал себя победителем. Им еще предстоит спуститься к деревьям и дать упрямому человечку разок протаранить пару ветвей — так этот банный лист сам отлепится от них. Каурай не мог позволить себе умереть так глупо, поэтому, немного передохнув, поднапряг мышцы и начал взбираться по веревке, рассчитывая немного подсобить гарпиям с “мягкой” посадкой.

Пусть ему было совершенно не ко времени разглядывать пейзажи, но одноглазый не мог не отметить, что этой ночью на Пограничье творится нечто очень плохое. На месте многих хуторов глаз встречали столбы дыма и яркие языки пламени, а вокруг острога, ясно вырисовывающегося из темноты всполохами пищального огня, кипела непримиримая схватка. И те раскаты невидимого грома, которые они с казаками слышали на колокольне, были отнюдь не случайны. Так грохочет поистине гигантское орудие, которое изрядно накормили порохом. И такую тварь даже Повлюку не взвалить на плечо.

Он был благодарен только искусству кречетовцев навязывать узлы, иначе ему нипочем не продержаться в воздухе так долго. Перехватив веревку, он наконец-то приблизился к гробу, который мотался в воздухе из стороны в сторону, как огромный, деревянный колокол. Вцепившись в дыру, оставленную в нем бердышом покойного пана Рогожи — спасибо и ему за старание — одноглазый обхватил гроб руками и прижался к его гладкой, отполированной поверхности. Под ногами зашелестела листва — гарпии спускались к верхним ветвям, задевая кроны торцом гроба. Еще чуть-чуть ниже и гроб окунется в это бурлящее море.

Больше терпеть эту поездку у одноглазого не было никакого желания. Повиснув на одной руке, он выпустил штык из зубов и метнул его, целясь в крыло гарпии. Промаяхнуться было почти невозможно, и клинок, несколько раз провернувшись в воздухе, проделал в гадине здоровенную дыру.

Тварь противно завизжала от боли и забила в воздухе раненой конечностью. Весь вес лег на плечи ее подруги, но, как та не молотила крыльями, их тандем не продержался в воздухе и десятка ударов сердца. Гроб накрыла листва.

Одноглазый еще пытался держаться сколько хватало сил. Но вскоре веревки запутались в ветвях, и гроб со всего маху налетел на крону огромного дуба. Гарпий дернуло в воздухе, и обе твари врезались одна в другую, полностью потеряв ориентацию. Каураю повезло чуть больше — он сумел съехать по веревке и лишь чудом не столкнулся с гробом, который мотался в воздухе как маятник, наталкиваясь на все, что попадалось на пути, ломая дубу ветви, взбивая тучу листвы.

Спаситель хранил одноглазого, но от болезненного столкновения с дубом его не

уберегли даже высшие силы. Ветка боднула его в бок и с треском поломалась, но смогла-таки сбросить упрянца. Вселенная вертелась волчком, пока он падал, безвольно раскинув руки и забыв заорать во все горло. Когда земля приняла его, дух разом бросился вон из тела, и Каурай ненадолго отключился.

Когда удалось собрать силы в кучу и проморгаться, гул и звон стоял на весь лес. Каурай лежал на спине, чувствуя себя отвратительно — не мог пошевелить даже пальцем, не мог вздохнуть и припомнить, что он здесь делает. О том, чтобы подняться не могло быть и речи. Но он все равно поднялся.

Сильно покореженный, но еще целый гроб одноглазый отыскал неподалеку. Впрочем его сложно было не заметить — он свисал на веревках с могучих дубовых ветвей, слегка покачиваясь подобно странному праздничному украшению. Другим украшением служила тварь с перебитым крылом — ее насадило на ветку, и из ее брюха на землю стекали черные, вязкие потроха.

Каурай устало прислонился спиной к стволу дуба, прикрыл глаза, пытаясь собраться. Голова беспощадно гудела, резкая боль во всем теле скрутила его узлом. Одноглазый боялся подумать, что ему предстоит как-то спустить гроб на землю. А потом тащиться с ним через весь лес.

Из раздумий его вырвал еще один жуткий грохот. Кто бы ни были те ребята, что решили провести ночку за штурмом острога — они сил явно не жалели. Так долбить могла только очень большая пушка.

Лазанья по веткам он точно не выдюжит, так что одноглазый извлек штык — последний, что остался в ножнах — и бросил в ветку, на которую намотало одну из веревок. Узел разъехался, гроб полетел вниз. Вторая веревка со скрипом натянулась, и гроб закачался на ветвях. Влетев в ствол, он встал на попа, накренился и рухнул на землю.

Подхватив упавший штык, Каурай подошел к гробу, но смог лишь устало опуститься на побитую крышку. Усталость припечатала его к земле железным сапогом и не давала поднять голову. Гроб был неподъемным — воевода не поспешил на последний подарок своей дочурке. Тащить такую дуру в одиночку нечего было и думать.

Придется панночке вылезать на свет божий.

После знакомства с дубом крышка отошла, так что вскрыть гроб не стало большой проблемой. Одноглазый почти справился, но тут ушей коснулся треск ломаемых веток, и он наудачу бросился в сторону. Тварь накинута на него с разбега, но в последний момент сменила направление, и оба противника покатались по траве сцепившимся клубком. Клюв щелкнул у него перед носом и едва не оставил без глаза — тварь верещала во всю глотку, пытаясь разодрать пластины когтями. Каурай налег на штык и вонзил клинок бестии в пузо по самую крестовину. Черная кровь зашипела под его рукой.

Гарпия яростно забилась, пытаясь побить клювом одноглазому череп. Каурай в ответ ударил ее кулаком, вывернулся из когтей и покатился вбок, лихорадочно соображая, как ему сладить с этой безумной тварью. Штык торчал из пернатого брюшка, гарпия истошно визжала, размахивая парой длинных языков, но не оставляла попыток напиться кровью врага. Каурай подхватил с земли тяжелую ветку и со всей силы огрел ею бестию по башке.

Щепки полетели в разные стороны, оглушенная гарпия раскрыла клюв и замотала разбитой головой. Не теряя времени, одноглазый с разбега ударил его сапогом, повалив на землю, и прыгнул на штык. Кровь брызнула фонтаном.

Тварь кричала недолго — визг оборвался, когда одноглазый уперся коленом в голову и

разорвал клюв надвое. Ее туша еще какое-то время хлопала крыльями по траве, но вскоре затихла.

Каурай выдрал штык из затихшего тела и покачнулся. Ночь и не думала кончаться, а он уже отдал все силы. Отдыхать было не время — он бросился обратно к гробу и, едва взглянув на него, споткнулся.

Из приоткрытой крышки выглядывала белая, тонкая рука. Она двигалась.

Не торопясь подходить ближе, он на всякий случай протер уставший глаз и сбросил повязку. Может, он излишне сильно ударился головой, когда падал?

Тьма рассеялась, но не наваждение — рука продолжала двигаться и, мелко дрожа, пыталась откинуть крышку.

Крепко сжимая штык, Каурай медленно обошел гроб. Прислушался — тишину нарушали только еле слышные всхлипы и глухой скрежет — и резко вцепился в крышку. Одним движением сорвал ее с гроба, готовясь ударить штыком.

Рука вскинулась ему навстречу. Обе, бледные дрожащие руки. Но не для того, чтобы вцепиться в глаза или в горло. Только показать что не опасны.

— Стой! Не надо! — она задохнулась от испуга и закрылась руками.

— Ты кто? — было первым, что пришло одноглазому в голову.

— Божена, — выдохнула она еле слышно. — Дочь воеводы Серго.

— Почему-то я не удивлен, — хмыкнул Каурай, пряча штык. Хотя в голове и мелькнула соблазнительная идея продырявить ведьмочку. На всякий случай.

Выглядела она по-настоящему страшно.

Когда Каурай видел ее бездыханное тело в доме воеводы, он не почувствовал ничего. Но сейчас его затошнило при виде разошедшейся кожи и кучи длинных, тонких порезов и небольших отверстий, которые покрывали ее лысую голову, лицо, шею и часть груди словно татуировка. С такими ранами к числу живых панночку причислить было сложновато. Но и на мертвую она была совсем не похожа. Мертвые не дышат, а эта дышала и еще как, и не потеют, а она вся блестела от пота. Грудь часто вздымалась, дрожала, словно в горячке или того хуже. Липкая кровь была везде. Темно-алым залило даже подушку и часть обивки. Не ее была эта кровь — иначе панночка давным-давно ушла бы в мир иной.

Единственным по-настоящему живым в ее облике были глаза. Редкого лазурного оттенка. Как у отца.

— Только не говори, что это была неудачная шутка.

— Еще чего! А ты кто?

— Каурай.

— Это имя?

— Призвание. А так я скромный опричник.

— Ах, — помрачнела Божена. — Понятно. Значит, это все проделки Малуньи...

— Малунья, как я погляжу, на всем Пограничье успела наследить, — проворчал Каурай. — Чую, не просто так из закровов Хель пропала пара бутылочек с зельем Дигрит. А, чертовка? Когда ты пришла в сознание?

— В церкви, — буркнула она. — Вы с Кондратом так громко ругались, что даже мертвый бы вскочил. Когда появились эти твари, я запечатала гроб изнутри, чтобы им пришлось бы попотеть, выковыривая меня. Если бы ты не смог... Спасибо.

— Вылезти сможешь? Уходить надо.

— Не уверена, — шумно вздохнула она, хватаясь за края гроба. Отверстия в шее

придавали каждому вздоху свой особый свистящий звук, словно воздух гулял через отверстия во флейте.

Ее попытки не увенчались успехом. Тогда Каурай выругался, присел на корточки и взял хрупкую ведьмочку на руки — она едва ли была тяжелее ребенка и слаба как новорожденный котенок.

— Спасибо, — выдохнула она ему в ухо, обхватив шею тонкими руками. — Ты отнесешь мне обратно в Валашьё?

— Думаешь, отец будет прыгать от радости, когда узнает, что его дочурка восстала из мертвых? — хмыкнул одноглазый. — Полагаю у него сейчас дела поважней.

Словно в подтверждении его слов, нечто вновь шарахнуло вдалеке, распугав всех окрестных птиц.

— Моего отца уже ничего не спасет, — проговорила Божена свистящим шепотом, когда эхо от выстрела затихло. — Он давно обречен. А вот всех этих дураков еще можно...

— В смысле? Собралась драться с ватагой Баюна?

— Ватага Баюна — меньшая из проблем, которые ожидают Пограничье, если ты не отнесешь меня в Валашьё! Прошу.

— Я бы предпочел для начала дожждаться, когда утихнет та пушка, — покачал головой одноглазый. — И тебе в таком состоянии тоже не стоит совать туда нос.

— Нет, ты не понимаешь, — вспыхнула она.

— Ты все еще боишься за свою жизнь?

— Не только за свою... Но и за жизни тех, кто подвернутся им под руку, когда они вырвутся на свободу.

— Кто, нежить? Полчищам Ямы нужна твоя душа.

— Им моя душа без надобности. Они захватят душ в сто крат больше. Им нужна шкатулка.

— Шкатулка? Какая еще к Сеншесу...

Не успел он договорить, как они оба услышали, что сзади грохочет земля. Ломаются кусты, трещит валежник. Все ближе и ближе. Этого еще не хватало...

— Проказа! — зарычал Каурай, опуская Божену за землю. Она отчаянно запротестовала, когда он схватил гроб и перевернул его, накрывая ведьму с головой. Не слишком надежная защита, но от пары ударов когтистой лапы ее точно оборонит.

Кто-то ломится через кусты. И не один. Одноглазому оставалось понадеяться, что к ним спешит тот, кто предпочтет сначала поговорить, а уж потом обнажать клыки. Так шансов станет на один больше.

Штык крутанулся в пальцах, когда под ветви дуба вышла группа вооруженных всадников и наставила на одноглазого копьа.

— Ты тот самый опричник, я полагаю? — настороженно спросил коренастый казак со старым сабельным шрамом, пересекающим переносицу и разделяющим левую бровь надвое. Он правил конем одной рукой, вторая у него отсутствовала. Взамен потерянному предплечью на цепи раскачивалось шипастое железное яблоко.

— Возможно, — кивнул Каурай, пытаясь высмотреть хоть одно знакомое лицо. Напрасно. Тогда он принялся раздумывать в кого первым швырять штык, если хоть один попробует пырнуть его копьем. — Хотя, признаю, я не единственный опричник в природе...

— Тута ползает один единственный опричник, — ухмыльнулся однорукий, — который спелся со Шкуродером и помогает ему грабить народ. Сказывают, такое одноглазое,

горбатое пугало со здоровенным мечом. Не ты ли это?!

— У меня множество грехов на душе, — отозвался Каурай, готовясь подороже продать свою жизнь. — Но пока грабеж не входил в их число.

Из-за деревьев показывалось все больше верховых с саблями, луками и пращами.

И ни одного знакомого лица.

Хуже того — все их бритвенно острое богатство было не прочь понаделать в нем дырок. Задние медленно тянули стрелы из колчанов. Все хуже и хуже. Он мечтал о том, чтобы гарпии вернулись.

Одного штыка явно маловато на такую ораву.

— А нам кажется, что ты тот самый урод, — обогнул Каурая однорукий всадник, рассматривая его с головы до пят. — Много тут про тебя разговоров ходит. Одни гутарют, что Шкуродер на тебя душу выменял, чтобы ты помог ему сладить с народным гневом и наслал на Пограничье еще большие беды. Другие, чтобы ты его проклятую дочку из пекла вытащил. Это не она там в гробу прячется?

— Едва ли, — покачал головой одноглазый. — Всем известно, что дочка воеводы Божена была зверски убита разбойниками Баюна. Вы случаем не из этого рода-племени?

— Обижает, — хохотнул однорукий всадник. — А ведь мы только познакомились. Еще мы слышали, что ты знатно наших ребят перебил на пару с Кречетом пару деньков назад. Тоже враки?

— Когда меня пытаются ударить ножом в спину, я бью первым, — не остался в долгу Каурай. — Если ты умеешь не только болтать, то не пугай меня своим норомом. Слезай с коня и покажи на что способен. А я обещаю не обижать инвалида и дам тебе преимущество — возьму штык в зубы.

— Снова хамишь? Думаешь, я куплюсь на эту уловку, колдун? Как насчет того, чтобы увернуться от парочки стрел?

Пока он говорил, Каурай бросал косые взгляды — то в одну сторону, то в другую. С боков заходили всадники и натягивали тетивы. И все были напряжены до предела. Пусть их и была целая банда против одного, но в глазах разбойников плавали облачка страха.

Так и надо. Страх — его единственное спасение.

— Видали мы, как лихо ты летел, одноглазый! — послышался пугающе знакомый смешок из-за широких спин, и все как один обернулись, одергивая коней, чтобы освободить дорогу еще одному всаднику.

Тот мчался к ним во весь опор, расслабленно развалившись в седле, словно спешил на веселое представление. Черные кудри металась за его плечами, во рту горела белоснежная ухмылка, рубаха была растегнута на груди навстречу ветру. Кобылу он осадил одним мастерским движением, и не успела та вспороть копытами землю, как всадник лихо соскочил на землю, звонко бряцнув шпорами.

Поднятые копыта и натянутые луки он обошел своим вниманием. Оно принадлежало одному Каураю.

— Неважно, переживешь ты эту ночь или нет, — склонил он кудрявую голову. — Истории про тебя будут ходить в этих землях еще очень долго, одноглазый! Помяни мое слово. И позволь поблагодарить тебя за свет Пламени. Оно уберегло меня во тьме.

— А я думал, ты умер, — поприветствовал Каурай своего доброго знакомого, с которым у них оставалось незаконченное дело. Красотка тоже была рада поприветствовать хозяина, попытавшись укусить одноглазого в плечо, но схватила лишь воздух.

— Меня так просто не убьешь, — развел руками Ранко, как бы извиняясь за беспокойство. — Ты же не думал, что атамана Баюна можно так просто заморить в порубе, не так ли?

Бомбарда голосила без продыху.

Игриш уже сбился со счета, сколько раз за эту ночь ее жерло извергало языки пламени, а раскаленный ствол вздрагивал от очередного выстрела. Ядра летели в острог, и только каждое второе попадало в цель — остальные уносило то выше частокола, то они глухо ударялись в вал. Каждый раз, когда очередной снаряд уходил в “молоко”, к Воробью и еще парочке колядников, которых отрядили распорядиться стрельбой, подбегал разозленный Гарон и осыпал их жесткой бранью.

Но это ничуть не помогало. Сначала колядники взаправду пытались целиться, но скоро осознали, что бомбарда плюется ядрами как бог на душу положит. Как они не пытались навести ее на ворота, ни одно из ядер так и не улетело в нужную сторону. С каждым промахом настроение Гарона все больше клонилось к бешенству, и барон уже величал бомбарду не красавицей, как перед первым выстрелом, а исключительно “старой косою бл..ю”.

Однако каждому было очевидно, что это ненадолго. Рано или поздно атаманцам повезет. Но вечно сидеть и ждать за стенами острога воевода тоже не станет, и очень скоро выведет людей за стены, чтобы те разломали проклятое орудие.

Вот Коляда на это очень надеялся, и вся его ватага ждала лишь одного — возможности сразиться с казаками воеводы в открытом поле. И лучше бы им сорваться в дерзкую вылазку раньше, чем у осаждающих закончатся ядра и порох. Так рассудил скучающий Игриш.

Оглашая окрестности диким свистом, Коляда унесся со своими людьми подальше и спрятался за пригорком, рассчитывая, что этим маневром он выманит осажденных за ворота. Напрасно. Воеводины казаки как сидели, так и продолжали сидеть за стенами, постреливая по атаманцам и осыпая их бранью и насмешками.

— Вот мазила! — морщился Драко, когда очередное ядро уносилось под частокол и зарывалось в землю. Они с Игришем и еще парочкой атаманцев сидели под насыпью, пускали дым из люлек, слушали как кряхтят уставшие бедолаги, закатывая очередное ядро в ствол, вздрагивали от каждого нового выстрела и ждали неизвестно чего.

— Я бы на месте воеводы тоже не сильно бы спешил совать нос за стены, — рассуждал тот самый седоусый дезертир, попыхивая дымком. — Всяко долго эта комедия не продлится. Сколько там осталось ядер?

— Много-много осталось! — махали на него руками атаманцы. — Не жужжи ты, пан, не жужжи понапрасну.

— А я не жужжу, я токма рассуждаю, — вслед отмахивался он от них люлькой. — Много это пока много. А скоро станет мало. А потом совсем не останется. Я барону говорил, чтоб он дал нашей красавице чуть подостыть, прежде чем снова шмалять из нее почем зря. А он вон как вы — только рукой на меня! Бомбарда это ж чисто женщина. За ней уход нужен, терпение и чуть-чуть удачи. А тут ни первого, ни второго, да откуда взяться третьему?! Попомните мои слова — обидится она, зараза, обидится, так и знайте! Вон, — поднял он палец, когда земля дрогнула от очередного выстрела, — ишь как крякнула. Это уж не к добру такой ее кряк.

— Попал?

— Эх, куда там!

Драко не слушал их болтовню. Он возился со шкатулкой, отвернувшись ото всех и даже от Игриша. Казалось, про своего пленника он забыл напрочь. Его занимала только шкатулка.

Щелк! — неожиданно механизм дернулся, выпал из его рук и начал как-то странно жужжать. Вдобавок части шкатулки принялись вращаться без всякого участия Драко, словно мастерски сделанная заводная игрушка.

— Ишь, какая хитрая штука! — покачал головой седоусый дезертир, единственный из атаманцев, заметивший чудесное преобразование шкатулки.

Наконец грани замерли, прозвучал новый щелчок. Пару мгновений со шкатулкой ничего не происходило, и тут нечто внутри снова щелкнуло, и шкатулка резко раскрылась, словно бутон.

— Ох... — растерялся Драко, с величайшей осторожностью приподняв шкатулку с земли, словно боялся, что та может опять схлопнуться и ему придется начинать все сначала.

Игриш чуть не свернул себе шею, пока пытался понять, что именно с такой тщательностью скрывал механизм. Драко долго подсвечивал себе спичкой и хмурил лоб, всматриваясь в нечто длинное и тонкое, сверкающее меж двух его пальцев.

Иголка?

Лицо Драко посерело от разочарования. Всего лишь простая костяная игла с широким ушком?! И ради этого он сутки напролет пытался вскрыть эту строптивую вещь? Которая оказалась всего лишь искусно сделанной швейной шкатулкой... — читалось в его потухших глазах.

И Игриш хмыкнул, глядя на поникшую голову недруга. Зачем? — он сам не знал, но отчего-то ему очень захотелось.

Драко обратил на него глаза, которые в мгновение ока заполнились тупым бешенством.

— Ты чего это хмыкаешь, червяк? — прошипел он, сжимая иголку в побелевших пальцах. — Смеешься? Надо мной что ли?!

Игриш попытался было сделать вид, что просто закашлялся, но Драко вырос над ним и больно пнул его колено.

— Твоя что ли? Твоя, спрашиваю?! — совал он иголку Игришу прямо в нос. — Отвечай!

— Ой, отвали! — попытался мальчик оттолкнуть его, но Драко разозлился не на шутку. Схватил Игриша за волосы и повалил на землю.

— Эй, ты чего? — взвизгнул он, когда Драко вдавил ему коленом грудь.

Кончик иглы замер прямо напротив его глаза.

— Твои проделки, придурок? — не отставал Драко. — Ты думал это смешно, заставляя меня день напролет еб...ся с этой херней, когда ты прекрасно знал, что это пустышка? Смешно, да? А?

— Нет, — сглотнул Игриш, жмурясь. — Ничего я не знал...

— Врешь, мразь, — выплюнул Драко и дал мальчику пощечину. — Такие проделки самое оно для такого клопа как ты. Раз это твое, то сделаем так, что ты больше не терял эту иголку.

Не успел Игриш опомниться, как Драко схватил его за лицо, оттянул кожу и проткнул иголкой щеку — в двух местах, словно собирался сделать стежок. Мальчик бессильно завопил от боли, чем спровоцировал еще один удар — на этот раз в нос.

Больно было до слез. Больно и страшно обидно за свою беспомощность.

Драко слез с него и еще раз наподдал по ребрам. Игриш застонал — лицо горело огнем. Кровь была везде.

— Шутник х...ев, — сплюнул Драко и ушел.

Игриш немного полежал лицом в траве, заталкивая подступающие рыдания глубоко в себя. Отчаяние грызло его. Он не хотел лежать так. Хотел встать, но связанные руки мешали. Тогда мальчик, заворочился, хлопнул носом и начал неловко подниматься, краем глаза замечая какие-то движущиеся тени. Поднял голову и встрепенулся.

Мимо них под конвоем атаманцев двигалась цепочка каких-то безоружных людей в изорванной одежде. Женщины, старики и пара ребятишек — человек десять, не меньше — испуганно переговаривались, рыдали, озирались, сбиваясь с шага, но колядники подгоняли их пинками и тычками древков копий. По их следам неторопливой походкой шагал Коляда.

Стоило им появиться, как выстрелы тут же стихли, уступив место тревожной, звенящей тишине, нарушаемой лишь звуком закатывающихся ядер. Игриш подумал, что пленников поведут к нему, но мрачная процессия миновала их компанию и начала взбираться на открытую всем ветрам насыпь, словно на театральную сцену.

Все затаили дыхание, не понимая зачем Коляда привел сюда этих грязных, истерзанных людей.

Коляда забрался вслед за ними на насыпь и схватил за руку женщину, которая стояла ближе всех. Она вскрикнула, когда он принялся тащить ее к дымящейся пушке, а следом и к краю насыпи, за которой земля уходила под уклон и срывалась в ров. В его руке хищной остротой сверкал кинжал.

— Эй, Серго! — во все горло заорал Коляда, когда оба они оказались перед глазами сотен людей, замерших в недоумении по обе стороны рва. — Где же ты, трус?! Где ты прячешься, пока эти люди умирают за тебя?

Ему ответили грязной бранью, предлагая подойти поближе, но Коляда только поднял кинжал и приставил его к горлу рыдающей в голос женщины.

— Или Серго давно нет за этими стенами? Он давно бросил вас охранять свое добро, как сторожевых псов, а вы покорно умираете за его грехи?! Позор на ваши головы, сыны Вольного Пограничья! Эта кровь тоже на руках Шкуродера!

С этими словами он полоснул женщину по горлу. Со стен страшно завопили, когда Коляда пинком сбросил хрипящую жертву с насыпи — ее тело изломанным комом покатило по уклону, безвольно размахивая конечностями, пока не сорвалось в ров и не ушло под воду. Тут же частокол разразился одиночными выстрелами, а в руках Коляды завывала старуха, от страха еле держащаяся на ногах. Лезвие снова окрасилось алым, старая женщина забулькала, хватаясь за рассеченное горло, и полетела вниз, а Коляда уже волок за собой еще одного несчастного, которого постигла та же судьба.

Наконец осознав, что их привели на бойню, пленники попытались вырваться из кольца копий, но колядники начали бить их нагайками и толкать к краю насыпи. Из их рядов вышли двое и с остервенением сами пустились резать людей, словно овец — протыкать им животы, резать плотки и сталкивать окровавленные тела с насыпи, заполняя трупами ров, который уже окрашивался алым. Игриш с ужасом осознал, что одним из колядников, охотно принявшим участие в резне, оказался Драко. Парень волок за собой за ногу воющую от ужаса десятилетнюю девочку, держа в другой руке обнаженный, плачущий Куроук. Что он с ней сделал, осталось для Игриша тайной — его выворачивало наизнанку. Безумный визг стрелой пронзил уши и оборвался на высокой ноте.

Частокол выл от ненависти, разражаясь свинцовым огнем, а тела все падали вниз, оставляя за собой кровавый след. Пара пуль пометили Коляде плечо и вспороли плоть на

ноге, но он даже бровью не повел — остался стоять рядом с бомбардой, вокруг которой без передышки возились атаманцы. Он сжимал окровавленный клинок и ухмылялся в усы. Драко примостился рядом — страшный, алчущий крови меч он упер в землю и по-волчьи выл на округлившись диск ледяной равнодушной луны.

— Выходите, трусы! — кричал Коляда размахивая кинжалом. — Выходите и сражайтесь, или я заполню этот ров трупами по самые колья! Если Шкуродеру мало крови, то я с удовольствием сделаю так, что он в ней захлебнется!

А к ним все шагала колонна отчаявшихся пленных — колядники пронзали людей копьями и сбрасывали несчастных в ров, в объятия бушующих волн. Среди них сразу трое колядников с дубинками заталкивали на насыпь Горюна, затянув ему веревку на шею и осыпая кузнеца ударами.

Тут кто-то остервенело вцепился Игришу в загривок, втолкнув и его в общую кучу, обреченных, покорных овец. Людей выдергивали из толпы, пускали кровь и бросали вниз, снова хватались за отворот зипуна, за руку, за ногу, за порванную юбку, рвали плоть сталью и отправляли пропадать во рву.

Горюн бился как разъяренный медведь, но скоро и он упал на колени, схватившись за окровавленную голову. Тогда атаманцы вцепились в него с новой силой, подвели кузнеца к скату, мокрому и скользкому от натекшей крови, и оставили перед Колядой, взгляд которого затуманился от стойкого запаха смерти. Тот рассек горло очередному беспомощно хрипевшему старику, толкнул его с насыпи и обратил свой взор на Горюна и Игриша, которого тоже повалили в пыль рядом с непокорным кузнецом.

— Не надейся уйти отсюда с чистыми ручонками, Горюн, — покачал головой Коляда, когда кузнец со стоном начал подниматься на ноги. — Ты сделал свой выбор очень давно и тебе от него не отвертеться. Я жесток, но милостив. Даю тебе шанс.

Его рука коброй вцепилась Игришу в волосы и подняла его на ноги, причинив тому жуткую боль. Горюну в руку вложили липкую от крови рукоять кинжала. Следом обоих толкнули навстречу друг к другу.

— Нет! — запротестовал Драко. — Это мой пленник! Ты не можешь...

— Заткнись, — бросил юному таборщику Коляда, даже не удостоив того мимолетного взгляда. — Твоего одноглазого мы и так располосуем, если он еще жив. Не нужен тебе этот червяк.

От ужаса Игриш не смог даже завопить, когда ледяное лезвие кинжала оцарапало ему кожу на шее. Горюн возвышался над ним, вполонину закрывая ветряное небо и молчал. В ушах стоял грохот выстрелов и стоны захлебывающихся людей, которые барахтались во рву. Пахло гарью, кровью и потом.

Горюн тяжело занес кинжал над головой...

И резко выбросил вперед. Клинок крутанулся в воздухе и впился Коляде в плечо. Разбойник охнул, но удержался на ногах, когда кузнец развернулся — впечатал тяжелый кулачище в скулу Драко, стоявшему ближе всех, сграбастал Игриша за грудки и вместе с ним, уворачиваясь от летящих в него копий, сиганул вниз — в черную, невидимую круговерть, где пропадали тела убитых.

Мир завращался перед глазами Игриша — провернулся раз, другой и сделал еще бесконечное количество витков. Мальчик не понимал, почему все вращается, и зачем этот здоровый бык обхватил его руками и с какой целью вращается вместе с ним. А потом в бок пришелся сильный удар и воздух разом покинул легкие мальчика. Их развернуло и

подбросило в воздух, а потом они снова ударились о землю — и покатались дальше, взрывая землю ногами, пока сзади вопили от ярости.

Один болезненный удар сменялся другим. Игриш зажмурился, молясь, чтобы это побыстрее закончилось, но тут во все стороны плеснуло ледяной водой, и они с Горюном начали тонуть. Игриш попытался закричать, но мутная вода охотно кинулась ему в рот, и он только беспомощно забулькал, барахтаясь изо всех сил — только бы остаться на поверхности. Но чья-то сильная рука ухватила его покрепче, встряхнула и потащила куда-то, на глубину.

Остатки света померкли, хлопки выстрелов, крики и ругань притихли, рассеялись, превратились в едва поднятое бормотание. Вокруг стало черным-черно — он мог разглядеть лишь, как нечто быстрое взрывало черноту с дикой скоростью, оставляя за собой шлейф из пузырей. Его кидало, мотало и вращало, словно изломанную игрушку. Постоянно влекло куда-то вниз — туда, где света не было и в помине. Один лишь холод и тьма. Почти такие же, что и в давно ожидающем его колодце.

Игриш не сопротивлялся. Он не мог разобрать где верх, а где низ, боялся даже вздохнуть. Холодная тяжесть заливала ему желудок и легкие.

Тьма и сырость ждали его. Он знал это очень давно.

— О, нет! Мы опоздали! — еле слышно ахнула Божена, когда они выехали из леса и увидели предместья, объятые пламенем, и острог, взятый в клещи осаждающими. Повсюду, куда не ступали копыта лошадей, валялись тела, порубленные и исколотые сталью. Ветер приносил с собой горькие запахи дыма, от которых лошади чихали не реже, чем люди. Грохотала бомбарда, ей со стены отвечали пищали. Пыль, рокот, крики и смерть были везде.

— Коляда постарался на славу, — сплюнул Берс, приподнимаясь на стременах и вглядываясь вдаль, затянутую пеленой порохового дыма и смога от пожарищ. — Нужно поспешить, батько. Чую, к утру от Валашья камня на камне не останется.

— Думаешь, этот пожар можно остановить? Так просто? — вопросительно поглядел на него Ранко-Баюн. — Даже я, что раздул этот огонь, рискую растянуться на земле с проколотым брюхом.

— Они тебя послушают...

— Послушают “что”? — поднял бровь Ранко. — Сложить оружие? Отступить? С какой целью?

— Зачем впустую терять людей? Мы можем...

— Снова вернуться в леса и бить их по одному? — хмыкнул Ранко и покачал головой. — Поздно. Еще с самого начала это было ошибочной тактикой. Серго жесток, коварен, но он отнюдь не дурак. Оттого я и попытался подобраться к нему поближе, чтобы однажды перерезать тому горло во сне, но даже в этом я не преуспел, поддавшись... эмоциям. — Он украдкой сжал руку Божены, которая сидела в седле за ним, крепко обхватив талию молодого атамана. — Теперь исход один...

Ранко развернул коня и оглядел своих людей. Их было немного — едва ли хватило бы даже на то, чтобы разогнать людей Коляды и Гарона. Не то, что взять острог воеводы, а потом удержать его, когда к его стенам снова придут люди Крустника, требуя новую грабительскую порцию дани.

— Мы пойдем с тобой, батько! — крикнули атаманцы, ударяя себя в грудь. — Пойдем на приступ и свергнем Шкуродера, или погибнем!

Ранко-Баюн ухмыльнулся в усы.

— Знаю, смелости вам не занимать. Как и отчаянной преданности даже после того, как я подвел вас...

— Неправда, батько! Это Коляда, проклятый мерзавец! — крикнули из-за спин, но Ранко только отмахнулся.

— Оставьте! За тот ад, что творится сейчас на всеми нами любимом Пограничье, несет ответственность не только негодяй Коляда, но и я самолично. Особенно после того, как я покинул вас так надолго, не добившись ничего, кроме новых шрамов и сожалений. И нет того числа слов благодарности, которым я могу одарить ваши уши, за то, что вы все равно готовы ринуться в бой вместе со мной. Благодарю вас от всей души...

Ранко медленно поклонился им. Атаманцы в ответ разразились приветственными криками, прославляя своего славного батьку, за которым они, похоже, готовы были прыгнуть в огонь.

Но среди них были и те, кто хоть и присоединился к общему ликованию, но сделал это неохотно, не спуская презрительного взгляда с крохотной фигурки Божены, которая

пряталась за широкой спиной Ранко. Особенно много косых взглядов доставалось и одноглазому. Пока они пересекали лес, Каурай спиной чувствовал напряжение, вставшее стеной после того, как выяснилось, что их славный Баюн-атаман спутался с ведьмой, да и еще спас от справедливого возмездия воеводиного опричника. Если бы они еще признали в этой хрупкой девушке дочь воеводы, страшно было даже представить, к чему бы это привело.

Хватило и того, что свою попутчицу Ранко вытащил не откуда-нибудь, а из гроба. А тот незадолго перед тем, у всех на глазах тащила по небу упряжка разъяренных гарпий, пытаясь сбросить наземь прилипчивого опричника, с которым у атаманцев были свои счеты. Хотя некоторых сей факт даже рассмешил. “Ай да наш Баюн-атаман! Чували мы, что с нечистым он знается!” — посмеивались атаманцы, покуривая люльки и сплевывая табак под копыта. Однако вид изможденной, со свистом дышащей Божены вызывал в рядах атаманцев оторопь. Стоило только ее лазуревым глазам ярко блеснуть из-под низко надвинутого капюшона, как с десятков атаманцев плевали через левое плечо и чертили воздух Пламенным знаком.

Как бы там ни было, Каурай старался не слишком отставать от главы отряда и всегда держать руку на рукояти сабли, которой одарил его Ранко со словами: “если выживешь, одноглазый — скрестишь этот клинок с моим, и посмотрим, чья возьмет!” В ответ Каурай лишь ухмыльнулся, но принял подарок, молча понадеявшись, что на этот раз у железки нет никакой истории за плечами.

Из раздумий его вырвал очередной грохот. Бомбарда огрызнулась огнем и под небеса тяжело пророкотало громом. Лошади заволновались, люди тоже.

— И откуда у них эта дура? — почесал затылок Берс. — Не помню, чтобы таборщики говорили о бомбарде в своих телегах.

— Горюнова работа, как пить дать, — отозвался Ранко. — Когда-то я просил его сварганить такую красотку. Денег не пожалел на работу. Горюн тогда, помнится мне, повозился было, но бросил, сказав, что пушку в простой деревенской кузне и в век не скуешь. Выходит соврал, стервец.

Тут Божена дернула его за рукав и шепнула атаману на ухо несколько слов. Ранко только покачал головой и произнес:

— Больше никогда. Держись крепче.

Он пришпорил коня, и весь отряд из сотни копий рысью устремился в направлении острога, грозной тенью возвышающегося над морем огня и дыма. Одноглазый пришпорил взволнованную Красотку и понесся следом, обуреваемый тяжелыми мыслями о казаках, сгинувших в той кровавой сече, о Грише, которого он, казалось бы, потерял навсегда, и о ведуньях, которых тоже могло намотать на колесо народного гнева. Но всего больше его волновал колокольный бой, который он слышал краем уха. В темноте, за стеной мрачных деревьев Рыжего леса, который высился по правую руку.

Ему хотелось верить, что проклятая церковь развалилась на части, пока билась о деревья. И он даже почти поверил, что ее невидимый колокол затих навсегда. Однако, когда одноглазый взгромоздился в седло и последовал за атаманцами Ранко, колокол вновь коснулся его ушей. Далекий, гулкий, тревожный перезвон, который звучал все ближе — медленно, но верно нарастая с каждым ударом сердца. Топот лошадиных копыт заглушал большую часть звуков в округе, но одноглазому непрерывно слышалась и тяжелая поступь здоровенных щупалец, которые прорываются сквозь густые деревья где-то во мраке бескрайнего Рыжего леса.

Чем ближе они подъезжали к острогу, тем больше разрушений и затоптанных,

обезображенных тел встречалось на их пути. Трудно было поверить, что еще при свете дня этот край кипел жизнью и почти ничего не предвещало то, что всего за одну ночь его предадут мечу и огню.

У сгрудившихся впереди белеющих хат показались какие-то люди. Ранко поднял кулак вверх, приказывая отряду сдержать коней. Вперед было отправился один из атаманцев — его встретили ружейным выстрелом в воздух, и он натянул поводья перепуганного коня, не покрыв и сотни шагов.

— Кто такие?! — донесся до них одинокий выкрик. Каурай видел, как меж хатенок мелькают крохотные искорки тлеющих фитилей. Он насчитал их числом пятнадцать штук, и все из них буравили им лбы. Одна пицаль не была большой бедой — с такого расстояния пуля угодит в цель лишь чудом. Но когда в грудь смотрит под два десятка стволов, не считая арбалетов и луков...

Одна искра, и их беседа окончится большой кровью.

— Не узнаете что ли? — вывел Ранко вперед своего коня, ухмыляясь в лицо напряженной темноте. — Эй, Зяблик, не бойся, тут свои все.

— Ранко?..

— Он самый, — еще шире ухмыльнулся Ранко, подводя коня еще ближе. — Ты тут какими судьбами? Острог охраняешь или, наоборот, осаждаешь? Ты за тех или за этих? За наших или за ихних?

— Ааа... Сеншес их разберет! Вроде с утра был за наших. Пана Чарбына колядники ужокошили, вот значить мы тут с Молчуном и окопались с хлопцами. Оборону держим вроде бы... Мало нас, чтоб за Чарбына мстить и разбойников ото рва отогнать. Видал у них какая чертовка на всю округу гроыхает? Дюже страшно, как бы они ее в нашу сторону не поворотили. А вы тут откудава?.. На подмогу пришли?!

— Можно и так сказать, — склонил голову Ранко, давая знак всем, чтобы пришпорили коней.

— А ну-ка постой...

— Чего испугался?

— А эти кто такие с тобой?.. Чего-то я таких не вспомню...

— Можно подумать ты тут каждую собаку знаешь, Зяблик!

— Еще бы! Всяко помню каждое лицо, которое мне доводилось видеть в жизнь мою. Вон пана Каурая помню, хоть он пришлая душонка. Хотя... А вот, и пана Берса помню! И пана Хроповца, и пана Шлопца, и...

— Вот. А ты говоришь незнакомцы!

— Знакомцы-то знакомцы! Токма как так, паны, — вы же, рассказывают, в разбойники к Баюну в услужение подались еще в прошлом годе? А ты пан Берс вообще Сеншес знает сколько лет по лесам с Колядой и прочей гнусной мразью ползаешь!

— Брехня, Зяблик, наслушался ты всякой дряни и поверил, — крикнул в темноту Берс, потрясая своим цепом. — Я же в Перемшлев уезжал, к сестрице моей. Взяла там меня зараза, вот я и провалялся в холодном поту, а потом дел было невпроворот, вылез оттуда только третьего дня. Чего ты такой подозрительный, Зяблик?

— Спрашиваешь?! — хохотнул тот. — У нас тут весь отряд положили за милую душу, а ты спрашиваешь, чего это я подозрительный такой! Неет, чего-то ты крутишь, пан. Тебе вот эту руку, на которую ты цепочку навязал, рассказывают, Кречет и отсек во время ваших вылазок. Я это знаю наверно. Скажешь, нет? Ранко! Ты кого это сюда привел, под стены

острога?!

— Опустит уже этот клятый пугач, дурень! Это же я, Ранко! Помнишь, как мы с тобой и Молчуном хату Перепелихину чуть не пожгли?

— Помню, — хихикнул Зяблик. — Веселая тогда пирушка у нас вышла!

— Ну вот...

— Только тогда ты со всякой швалью разбойничьей не знался! — выплюнул Зяблик. — Объясни, почему у тебя за спиной эти рожи трутся, один висельник лучше другого, и тогда...

Каурай знал, чем это закончится. Тем оно и закончилось — пальбой.

Место, где засели казаки во главе с Зябликом, заискрилось и взорвалось пламенем. Ранко с остальными согнулись в седлах, пытаясь сдержать перепуганных коней, но те словно взбесились от стрекотни пищальных выстрелов. Атаманцы пальнули в ответ, и на пару мгновений, одноглазый вообще перестал понимать где свои, а где чужие. Вернее, где те, кто пытается его убить, а кто все еще раздумывает, не сунуть ли ему в бок немного стали.

Под свист пуль, стрел и ржание лошадей он подстегнул Красотку галопом прорываться сквозь дымную пелену, на скаку выхватывая саблю. Однако не добежав до казаков пары десятков шагов, Красотка взвилась на дыбы, когда перед ней хлопнул еще один выстрел, и сбросила одноглазого на землю, под копыта атакующей атаманской сотни. Каурай больно ударился о землю, сгруппировался и откатился в сторону, на какой-то палец разминувшись с копытом, готовящимся разmozжить ему череп. В следующее мгновение его незадачливая скакунья словила болт и рухнула на бок, по счастью не раздавив своего наездника. Несколько лошадей пронеслись мимо, окатив одноглазого ледяной волной, и вся ватага врезалась в группу казаков, которые пытались вяло отстреливаться из арбалетов. К счастью большая часть отряда не стала нестись в общую кучу, а принялась обходить опасный участок, надеясь ударить по казакам с боков. Все смешалось, взвился лязг стали, перемежаясь криками и грохотом.

Схватка кончилась так же скоро, как и началась, и к тому моменту, когда ругающийся Каурай с раненой Красоткой на поводу добрал до места стычки, сопротивление людей Зяблика было подавлено. Сам рябой казак лежал в кровавой луже, с рассеченной до основания шеей. Его соратники пытались отбиваться, но и их скоро загнали в угол и быстро перестреляли из луков. Последним, кто рухнул на землю со стрелами, торчащими из груди, был Молчун. Умирая, он так и не проронил ни словечка.

Ранко с Боженой сидели в седле и молча наблюдали за резней со стороны. По рукаву атамана растекалось мокрое багровое пятно. Когда одноглазый подошел к ним, Божена торопливо распарывала ткань рубахи и что-то горячо шептала над раной. Ранко не мешал ей, а слегка морщась от боли, наблюдал за ее работой с какой-то участливой теплотой.

Одноглазого он поприветствовал кивком головы:

— Херово вышло... Я хотел заставить их сдаться. Живой?

— Более чем, — пробурчал Каурай, поглаживая отбитый бок. Эх, была бы тут Хель или кто другой из ведуний... — Только лошадь едва не сгубил.

— Возьми себе другую. Вон их сколько бегают. А эта твоя уж больно впечатлительная особа.

— Нет, спасибо. Мы уже набегались.

— Серьезно? Не хочешь поучаствовать в веселье?

— Очень хочу, но боюсь твоих людей я смущаю. Видел какими глазами они на меня смотрят?

— А ты чего ожидал? Взаимной влюбленности?

— Я привык к косым взглядам. А вот твой авторитет страдает. К тому же, в последний раз стычка с таборщиками не закончилась ничем хорошим. Что они, что люди коляды жаждут моей крови.

— Когда мы возьмем острог, все будет по-другому, — уверенно проговорил Ранко. — Плевать мне на авторитет, плевать на законы таборщиков! Пан или пропал. А ты, одноглазый, поедешь со мной! У нас есть дело, забыл? У твоей кобылы только легкий испуг и заноза в боку, переживет! Взбирайся в седло и хватит разговоров. Нам повезло — люди Коляды уже знают, что мы здесь. Пока мы мило болтали с Зябликом, они ударили его людям в спину, оттого они и начали палить почем зря.

— Ага. Все еще надеешься возглавить штурм?

— Зачем же еще я приехал сюда? — сверкнул зубами Ранко и поморщился, когда Божена оставила его рану. На месте рассеченной пулей плоти осталось скромное темное пятно. — Взять острог и забрать голову Шкуродера. Нет. Две головы. Его и Коляды.

— Это действительно так важно для тебя? Если отбросить казацкую удаль и жажду... свободы.

— Непременно. Меня со Шкуродером связывает один неоплаченный должок. И этой ночью я собираюсь добиться оплаты.

Атаманцы наскоро перевязали раны и взгромоздились на лошадей. До лагеря колядников доехали без приключений, но и приятного было мало. Подступы к крепости были завалены телами, выжжены огнем и утыканы стрелами, словно ковром. Вокруг трупов уже носились полчища мух, грязно бряхались собаки, несло падалью. Гнилью. Каурай выругался — скоро тут будет не продохнуть от падальщиков. А если повезет, то пожалуют и его старые знакомые.

Но к такой встрече он был явно не готов.

Краем глаза Каурай завидел цепочки вооруженных колядников, раздетых в свои обычные вылинявшие шубы и рогатые шлемы. Поежился и поглубже натянул капюшон — не хватало еще, чтобы они узнали его. По крайней мере сразу.

Два союзных отряда сошлись, но между ними не было и следа приязни. Одни были еще свежими, пытели люльками и отпускали задорные остроты. Другие, изрешеченные, погрызенные и поломанные бесконечными схватками, напоминали гвардию, только что вернувшуюся из преисподней.

Колядники разошлись, и навстречу Ранко, сверкая потной лысиной, вышел здоровый малый с рогатым шлемом под мышкой. Плечо его кровоточило, наскоро перетянутое тканью, запавшие, покрасневшие глаза блуждали по рядам людей Берса, пока не остановились на Ранко с Боженой. Судя по его ошалевшему виду все предприятие шло наперекосяк — люди таяли на глазах, порох кончался, все были вымотаны, изранены и озлоблены, а штурм не продвинулся ни на йоту с того времени, как колядники подступили к стенам Валашья.

Одноглазому было даже несколько жаль этого оборванца.

— Здоровья тебе, Коляда! — бросил ему Ранко, придерживая лошадь, но и не думая вылезать из седла, чтобы заключить его в братские объятия. — Я гляжу, без меня вы время даром не теряли?

— Батько?! — скрипнул зубами разбойник, поприветствовав бывшего атамана хмурым и недовольным видом. — Какими судьбами?

— Да пришел поглядеть, как вы тут устроились без меня, — оглядел Баюн грязный и смурной сброд за спиной Коляды. — Слыхал, что ты высоко поднялся?

— Не смейся, батько, — отозвался разбойник. — Мочи не было сидеть и ждать, пока небо само распогодится, — он стрельнул ненавидящим взглядом в сторону Берса. Тот тоже ответил ему взаимностью, но смолчал. — И я решил взять все в свои руки. Пора бы уж побалакать со шкурами по душам. А то наши тебя заждались.

— Вернее, вы с Гароном? — поднял бровь Ранко. — Где, кстати, наш новоявленный барон?

— Занимается пушкарским ремеслом, — зубасто ухмыльнулся Коляда, и тут за его спиной тяжело ударила бомбарда, раззадорив и без того перепуганных лошадей.

Разбойник даже не поморщился:

— Рушит твердыню Шкуродера! Еще пара метких выстрелов, и Валашье падет. Хочешь присоединиться? Так уж и быть, добычу поделим пополам.

— Ох, нет, друг, я приехал сюда не за добычей. А за головой Шкуродера.

— Так вот же он, — махнул рукой разбойник в сторону острога. — Только руку протяни. Свалить эту проклятую стену — вопрос времени. Но, раз уж ты здесь, может и не стоит впустую тратить силы? Поговаривают, ты в остроге своим стал?

После этих слов по рядам атаманцев прошел недовольный ропот, но Ранко даже и бровью не повел:

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Рюк, — развел руками Коляда. — До того, как я располосовал ему глотку. Да и Берс, разумею, уши наострил, и тоже знал, куда бегают наш Баюн-атаман, когда ему наскучит свои косточки по лесам морозить...

— Что ты мелешь? — сузил глаза Ранко.

— Всем присутствующим ведомо, как Рюк перед смертью признание сделал, что ты, батько, уже почти год как ошиваешься по панским закромам, пока мы в лесу кукуем как белки. Эта девчоночка, судя по тряпкам, видать шибко видная, а? Воевода подарил, чтоб ты не баловал особо, а?

Он довольно обвел глазами всех присутствующих, потешно пожимая плечами.

— Раз уж ты такой важный стал, батько, так может зря мы тут сидим кровинушку льем почем зря? Подойди к воротцам, постучись и попроси своего друга воеводу Серго створочку-то приоткрыть. Он, может, и послушает. По старой дружбе...

— Я не намерен стоять тут и слушать клевету от тебя, Коляда. Ты явно повредился рассудком, пока осаждал эти стены, — выкрикнул Ранко. — Пора тебя сменить!

Однако колядники не спешили вставать на сторону прежнего атамана. Они выстроились за спиной Коляды подобно молчаливым истуканам и сверлили Ранко мрачными, настороженными глазами, не обещающими ничего доброго. Ладони многих не отлипали от рукоятей сабель и кинжалов. Обещало запахнуть жареным.

— Э, нет, Баюн, я полностью в своем уме! — наставил Коляда палец в грудь Ранко. — Пока мы здесь умираем, ты с ведьмой на лошаденке гарцуешь! Берс, и ты еще терпишь такое к нам отношение?!

— Закрой рот, грязный выродок! — скрипнул зубами Берс, выезжая вперед. — Атаман был в порубе у Шкуродера и только чудом вырвался к нам. Ты, сволочь, должен ему шрамы лизать, которые оставили на его спине плети Кречета.

— Я не верю в чудеса, Берс, — гордо выпятил подбородок Коляда. — Те, кто сидят в

порубе у воеводы, живыми не возвращаются. Ежели и так, то выпустил Баюна из поруба тот, кто его туда и засадил...

Лица мрачнели с каждым промолвленным словом. С каждой брошенной фразой. Выстрелы еще звучали со стен, но как-то неохотно, приглушенно и глухо, слово острог напряженно прислушивался к тому, что будет сказано под его стенами. В уши снова просился колокольный бой, который звучал все ощутимее, тяжелее и страшнее. Шаги грохали где-то, отдаваясь в желудке, заставляя кончики пальцев в сапогах поджиматься от страха. Каурай обернулся, обливаясь холодным потом, боясь подумать, что та жуткая тварь, которая слилась с церковью воедино, решила направить свои стопы именно в их сторону. В Валашье, где и так не продохнуть от запаха смерти, гнили и вражды.

Колокол бил — настойчиво, раскатисто и угрожающе. Но почти никто из атаманцев не страшился того, что обещало выйти из темноты Рыжего леса. Они были слишком заняты склокой.

Его слышали лишь двое. Каурай и Божена, которая тоже бросала быстрые взгляды себе за спину, но как и одноглазый, находила только плотное кольцо дыма, разносящееся на лиги вокруг. Тьму и больше ничего. Их взгляды встретились — в ее глазах застыл ужас понимания, что Оно и не думало отступать. Оно возвращается.

— Глупец! — в остервенении все кричал Берс. — Ты всех нас погубишь своей глупостью. Сколько людей ты тут положил, мразь?!

— Кто ты такой, чтобы я держал перед тобой ответ?.. — сплюнул себе под ноги Коляда и начал медленно пятиться, ближе к своим людям, которые только теснее смыкали ряды, один за другим обнажая клинки и поднимая копья. — Один бл...ет с ведьмой и кормится за столом у Шкуродера, а другой в это время кормит нас сказками, сидя на жопе и ловя мух. Не пора бы раскрыть глаза, что вся эта история с самого начал была липой?! Что с самого начала атаман Баюн был всего лишь подсадным дураком, набитым золотом и сказками Шкуродера! Хочешь служить этому старому мудаку? Так иди — вперед! Врата острога для тебя ВСЕГДА открыты, шкура!

Его слова потонули в страшном грохоте, который отчего-то оказался куда громче предыдущего и как следует всколыхнул землю под ногами атаманцев. Яркая вспышка на мгновение ослепила всех, кто стоял лицом к острогу, а прогремевший взрыв прошелся по ушам, сменившись длинным протяжным звоном. Все взгляды мигом устремились к тому месту, где недавно бомбарда грозила стенам неприступного острога.

На ее месте поднимался густой столб пыли. Медленно оседая на землю, он открыл страшную картину. Бомбарду разорвало в клочья и осколками разбросало по кругу, а рядом с покореженными шматами металла раскидало несколько обезображенных тел, которые еще недавно носились вокруг орудия, катали бочки с порохом и подтаскивали ядра.

— А я ведь говорил, нужно было песком засыпать! — выкрикнули из-за спин колядников.

Но ответом ему была тишина. Она на мгновение настигла осаждающих, сковала им рты, связала по рукам и ногам, прежде чем оборваться новым звуком, от которого у каждого затряслись поджилки.

Колокол бил. Совсем близко. На этот раз топот исполинских ног слышали все до одного. И устрашились.

К ним, ворочая комья земли, оглушительно скрипя деревом, и грузно выдыхая вековую тяжесть, шагало нечто огромное, тяжелое и зверски злое. Защитники Валашья

уже видели эту скособоченную, землянисто-черную гору, поэтому стоило ей только показаться с противоположной стороны острога, как они посыпались со стен словно яблоки, не страшась ни высоты, ни гибельного рва. Ворота вынесли изнутри и, не успев подвесной мост опуститься, как обезумевшая толпа повалила наружу — прямо на шашки и копья осаждающих, не различая своих и чужих.

Прочь их гнал звериный ужас.

...гигантская, черная, покачивающаяся фигура, обрамленная остатками деревянных стен и пиком едва держащейся колокольни, нависла над стенами острога. Моргнула черным блестящим глазом, размером с озеро, распростерла исполинские щупальца и всей своей чудовищной массой обрушилась на Валашье.

Бездна ждала его.

Игриш не сопротивлялся. Тьма обволакивала его, пеленала, как младенца, втягивала в себя и душила. Он скоро привык к холоду, который пронзал иглами кожу, грыз ему кости. Ведь какой смысл барахтаться, если все в любом случае закончится могильным холодом?

Здесь не было запахов. Почти не было звуков. Единственное, что он слышал было бешеным стуком неумоимого сердца, шумом бушующей крови и дрожью его замирающих легких, из последних сил пытающихся вытолкнуть тяжелую воду. Бесплезно.

Он не сопротивлялся. Очень давно, еще с самого детства, он знал, что здесь его место, а те, кто живет на самом дне, дороже ему самых близких друзей.

Тут, во тьме колодца, у которого не было дна. Его ждал зверь.

* * *

Из тьмы его выбросило резкой оплеухой. Он сложился пополам и начал отхаркивать воду.

Это было тяжело, очень больно — Игриш подумал, что его сейчас разорвет, он лопнет как мыльный пузырь. Нечто грубое обхватило его живот и рывками давило под грудью, словно мальчик был полупустым бурдюком. Вода без конца выливалась у него изо рта, причиняя такие мучения, от которых хотелось залезть на стену. Стену, которую он не видел, темнота была непроглядная.

Когда перед глазами заплясали алые пятна, Горюн остановился и осторожно поставил Ириша на ноги — вернее, опустил в воду, которая была мальчику по колени. Он оперся о невидимую стену и едва не поскользнулся, пытаясь отхаркнуть последнее, что еще оставалось в легких. Его ужасно трясло. Здесь было страсть как холодно. Как в колодце.

Пока Игриш булькал, кузнец пытался распутать узлы, которые Драко наворотел на запястьях. Это было непросто, но в конце концов он справился.

— Живой? — спросил Горюн сиплым голосом, когда последний узел поддался и веревки упали в воду.

— Ага... Спасибо... — выдавил Игриш, пытаясь удержаться на трясущихся ногах. Гомон, стоящий у него в голове, сложно было описать словами. Руки были как две сосиски — распухшие, чужие, он едва мог сжать ладони.

— Тогда пошли, — проигнорировал кузнец благодарность и побрел куда-то сквозь воду. Дрожащему, еле живому Игришу ничего не оставалось как последовать за ним, ориентируясь только по звукам. Вода плескалась, когда он осторожно шагал по сырой темноте, касаясь мокрой стены плечом, растирая запястья и вздрагивая от каждого звука. С потолка постоянно капала вода, всплеск сопровождался гулким эхом. Идти было непросто — ноги постоянно норовили разъехаться на гладких камнях, которые постоянно подворачивались под ступню.

Впереди забрезжил слабый лучик света, и Игриш увидел очертания широкой спины Горюна, который буквально пробирался по тесному лазу, едва не задевая грубые каменные стены плечами.

— Где мы?.. — выдохнул Игриш, тут же Горюн обернулся и шикнул на него. Он прикусил язык.

— В остроге, — прошептал кузнец неохотно. — Вернее под ним. Уж думал, задохнусь,

пока найду лаз. Ты еще...

— Прости, — поджал губы Игриш, подбираясь к нему. Но Горюн, казалось, уже забыл про него, выбравшись к тому месту, где в потолке зияла круглая дыра, и пытался разглядеть нечто вверху, щурясь и вслушиваясь в каждый шорох. Рядом с потолка спускалась какая-то веревка.

Неожиданно тяжело бахнула бомбарда, и Игриш со страху зажмурился — ее громоподобный голос было слышно даже здесь. Когда рокот от выстрела затих, мальчик наострил уши — сверху смутно слышались какие-то голоса, раздавался топот и крики. Осторожно, стараясь не слишком шуметь, он подошел к кузнецу и наткнулся на ведро, которое лежало прямо в воде. К его концу была привязана веревка, уходящая прямо под потолок — в круглую дыру.

Мальчик похолодел, пронзенный страшной догадкой, и задрал голову.

Когда он увидел маленький кусочек неба, заброшенного звездами как пылью, далеко-далеко наверху, он начал задыхаться. От запоздалого шока от осознания, ГДЕ они оказались.

— Ты чего это? Еще не отошел что ли?.. — озабоченно взглянул на него кузнец.

Игриш оперся о холодную, влажную стену и ничего не ответил. Он пытался справиться с собой, успокоиться и выдохнуть, но все тщетно. Ему казалось он проваливается, становилось тесно. Он чуть не завыл в голос, но заткнул рот ладонью и сжал кожу зубами, не почувствовав ничего, кроме вкуса крови на зубах. Зажмурился, пытаясь взять себя в руки и отрешиться от страшного осознания, что они попали в...

В колодце! Они в колодце... На самом дне.

Кузнец шикнул на него, выпрямился и пощупал каменные стены.

— Пошли, — буркнул Горюн, схватившись за веревку. — Забирайся мне на спину и держись, дурья твоя башка, если хочешь жить.

Игриш вытер подступившие слезы и обхватил кузнеца за шею.

— Только не придуши меня! — процедил Горюн сквозь стиснутые зубы, зарычал и подтянулся. Уперся ногой в камень, нащупав в нем выемку, напоминающую ступеньку. В стенке колодца череда выемок поднимались до самого верха, словно их выбивали в камне специально. Так оно и было, судя по тому, как быстро Горюн нащупывал очередное углубление, поднимаясь все выше. Два раза он с еле слышным ругательством едва не сорвался вниз, поскользнувшись на влажном камне. Перепугавшийся Игриш зажмурился, представив, что в следующее мгновение они рванут вниз. Но нет — Горюн перехватил веревку и подтянулся еще выше.

Так, мало-помалу, они забрались на самый верх, где шевелюру Игриша принялся обдывать ветерок. Кто-то говорил, слышались выстрелы, ругань и резкие команды.

Добравшись до вершины, Горюн не стал спешить. Медленно-медленно подтянулся, вцепился пальцами в край колодца и выглянул наружу. Удостоверившись, что у колодца никого не было, он перевалился через край, и подождал, пока Игриш не спрыгнет на землю, а уже потом выбрался сам.

Их окружило пламя мятущихся факелов, темнеющие постройки и высокая стена частокола, по которой туда-сюда носились люди с пищалями и арбалетами, задыхаясь бранью и пороховым дымом. На двух новичков, появившихся неизвестно откуда, никто даже не обернулся — казаки были слишком заняты конниками, которые носились вокруг стен и поливали частокол стрелами. То один, то другой казак вскрикивал от боли и хлопался о землю, пронзенный стрелой. В ответ вспыхивали фитили. Раздавался залп. Потом кто-то

кричал уже за стенами.

В очередной раз шарахнула бомбарда, и кусок бревенчатого частокола разметало в щепы. Огромное ядро на этом не успокоилось и впечаталось в сруб, совсем рядом с тем местом, где вылезли Игриш с Горюном. Пыль накрыла их с головой.

— Хорошо еб...ла, проклятая! Все живы? — прокричали со стен и принялись опустошать колчаны, пуская одну стрелу за другой.

Горюну происходящее вокруг было до фонаря, на ядро он даже не взглянул. Сев рядом с колодцем, кузнец стащил с себя рваную рубаху с портками и принялся выжимать воду. Выглядел кузнец ужасно. Казалось, на его лице не было живого места, прилипшая к телу рубаха больше напоминала половую тряпку. Из рваных ран на голове, спине и плечах понемногу сочилась кровь.

Отойдя немного подальше и от колодца, и от места, куда влетел дымящийся снаряд, Игриш тоже разделся и попытался выжать воду, хоть его и било как в горячке.

— Что теперь?.. — спросил Игриш, когда они натянули на себя мокрые тряпки. По-хорошему их следовало бы высушить, но ни у одного на это не было ни времени, ни желания, ни возможности.

Горюн только пожал плечами и тяжело потопал куда-то. Игриш припустил за ним. Никаких иных идей ему в голову не приходило.

Они выползли на открытое пространство и натолкнулись на вал прогоревших досок, которые лежали неприбранными в центре острога. Судя по остаткам стен и здоровенному куполу, расщепленная половина которого лежала на боку, это могла быть только церковь, основательно пожеванная недавним пожаром. Вокруг лихо носились ругающиеся казаки и словно бы не замечали такого святотатства. Сквозь почерневшие доски на Игриша с осуждением в пылающем взгляде поглядывали чудом уцелевшие лики Святых и Смелых.

Пока мальчик рассматривал остатки погибшего строения, некто цепко вцепился ему в рукав со словами:

— Гриш? — ахнули в самое ухо. — Ты что ли? Как?..

От неожиданности мальчик вжал голову в плечи и наткнулся на удивленное личико Бесенка.

— Милош?.. — узнал его Игриш, не зная радоваться ему или спастись бегством.

— А кто же? — ухмыльнулся Бесенок. — Ты чего все это время тоже?.. — осекся он, наконец заметив Горюна.

— Где воевода? — с места в карьер напрыгнул на Милоша кузнец. На мальчишку он смотрел словно тот был крысой.

— У себя в хате, где же еще?.. — проговорил Бесенок и махнул рукой в сторону красивой трехэтажной громадины неподалеку от сгоревшей церкви. Отсюда было хорошо видно, что под самой крышей одиноко горело окошко.

— Дай сюда, — сунулся Горюн к поясу Милоша, на котором висел кинжал.

— Эй, это мое! — запротестовал Бесенок, но Горюн отмахнулся от него как от назойливой мухи.

Сорвав с него пояс, он вынул клинок из ножен. Сталь заблестела в свете огней, зажглась красными отблесками, словно предвкушая грядущее кровопролитие. На лбу кузнеца рвом пролегла глубокая складка, обратив Горюна в потрескавшуюся статую древнего божка. Он молча бросил пояс с ножнами в пыль и направился напрямик к дому воеводы, спрятав обнаженный кинжал за спиной. По пути он нагнулся к земле, забрал с собой немного песка,

перемешанного с пеплом, и пошел к крыльцу.

На ступенях перед входом в воеводины хоромы застыли двое казаков с саблями, покуривая люльки и напряженно наблюдая за происходящим на стене. Кровавопролитная схватка и не думала утихать, пусть противников и разделяла неприступная громадина частокола — казаки и колядники без устали обменивались смертельными выстрелами.

Окровавленного кузнеца стражи заметили в тот момент, когда его грозная фигура ступила в круг света, и едва не попадали со страху. Горюн воспользовался замешательством с лихвой — одному швырнул в лицо горсть песка, а другому вогнал кинжал под подбородок. Вырвав клинок, он схватил ослепшего казака за горло и продырявил ему грудь. Тот пытался кричать, но только впустую барахтался в горюновых объятьях, пока не перестал дергаться. Его товарищ сполз вниз по стене, поливая живот темной жидкостью. Успокоив обоих, Горюн торопливо поднимался по ступеням крыльца — следы метила кроваво-красная полоса.

Двери приоткрылись и наружу вылезла побледневшая женщина. Стоило ей только натолкнуться глазами на великана, залитого кровью до пупа, с кинжалом в бычьей хватке, как она с писком юркнула обратно, не позаботившись даже запереть за собой.

Когда рыжая шевелюра скрылась в доме, Бесенок опрометью кинулся следом. Игриш проводил его круглыми глазами, не смея двинуться с места, но стоило только Милошу приблизиться к крыльцу, на ступенях которого распластались два трупа, он тоже пустился вдогонку. На убитых он старался не глядеть.

Когда оба мальчугана оказались перед входом в хоромы воеводы, закоулки которого одевались пугающими шорохами и топотом, со стены заметили неладное — раздались взволнованные голоса, некто кликнул мальчишек. Но они уже пропали во тьме мрачного лабиринта, где что-то постоянно скрипело, стонало, хлюпало и возилось по углам, подобно стае мышей, решивших пожить, пока кошки нет рядом. Половицы под тяжелыми шагами Горюна трещали в такт их торопливому сердцебиению, топот раздавался на лестнице, перешел на второй этаж, а за ним и на третий, сменился удивленным вскриком, шаги звучали все громче и неотвратимей, пока мальчишки взбирались по ступеням как по крутому склону, торопясь, дергая друг друга за рукава, натыкаясь на стены, оступаясь и сталкиваясь как два камешка в бурной реке.

Шаги резко затихли.

Одна комната сменялась другой, тьму прорезали отблески факелов со двора, но мальчишки довольно быстро отыскали спальню воеводы, а вместе с ней и самого кузнеца. Он огромной скалой замер на самом пороге, не смея шагнуть на пушистые ковры.

Не успели мальчишки перевести дух, как великан зашатался, резко развернулся на пятках и с разочарованным стоном рванулся обратно, ничего перед собой не замечая. Игриш с Милошем едва успели отскочить — Горюн спускался по лестнице с такой скоростью, как будто за ним гналась стая чертей.

Спальню воеводы освещала одна крохотная лампада, стоящая у иконостаса в святом углу. Под ним встала огромная кровать, слегка прикрытая занавесью от посторонних глаз. Однако молодую женщину на мятых простынях мальчишки увидели тотчас, как ступили за порог.

Она лежала ногами к иконам и слепо глядела остекленевшим взором прямо в “черный” угол, где не стояло ничего, кроме метлы. Шея была круто свернута набок, голова клонилась к полу, подметая ковры золотистыми волосами. Ни Игриш, ни Милош не издали ни звука,

пока смотрели в оба ее широко раскрытых глаза, кротко поблескивающие в темноте словно две крохотные бусинки.

Из оцепенения обоих вырвали громкие звуки с первого этажа — топот ног, ругань, а потом протяжный женский визг. Бесенок первый сорвался вон из комнаты, увлекая за собою и Игриша. Они кинулись было к лестнице, но коридор внизу уже барабанили сапогами, отрезая им путь к отступлению. Кубарем они покатались в соседнюю комнату, на ходу закрывая дверь, когда первая тень показалась в лестничном пролете. Темно было хоть глаз выколи, но окно во двор они нашли в один миг — пока Игриш подпирал дверь сундуком, Милош пытался взломать ставни. Крякнула задвижка, и окно с грохотом распахнулось. Бесенок, не тратя времени понапрасну, сразу же сиганул вниз. Игриш бросился к окну за мгновение до того, как в дверь начали долбиться. О том, что падать придется с третьего этажа он и не думал — страх попасться было куда выше, опасность сломать ногу. Он перевалился через подоконник, свесился на руках и неловко спрыгнул вниз. Земля встретила его недружелюбно. Мальчик сильно приложился бедром, но сразу же подскочил и, прихрамывая, побежал вслед за Милошем, который со всех ног мчался к частоколу.

Спину жег пожар вспыхнувшего переполоха. Отыскав убитую, казаки выносили одну дверь за другой — ругань звучала на весь острог.

Игриш буквально влетел по приставной лестнице и взобрался на стену, где мелькнула быстрая тень Бесенка. Сзади кричали и кричали, но люди на стенах еще не понимали, что случилось в хоромах воеводы. Еще меньше понимал сам Игриш — он вообще не собирался вникать в происходящее. Главным было сбежать как можно дальше.

Бесенок взобрался на боевой ход и устремился на башню к лучникам. Игриш припустил за ним, стараясь не задерживаться у бойниц. Снова лестница, ступени, снова больная нога дает о себе знать — и вот он на башне, где угнезвился Милош, с опаской поглядывающий на хоромы воеводы. Двери стояли нараспашку — люди носились туда-сюда, чуть ли не сбивая друг друга. С каждым ударом сердца крик поднимался все выше, заражая смятением все больше людей.

— Сбег ваш обожаемый воевода, голубки, — хмыкнул Бесенок и отвернулся. — Теперь сами с усами.

— Плохо дело, — сглотнул Игриш, выглядывая из-за бревенчатой опоры. Он очень надеялся, что им не придется прятаться еще и от взбешенных казаков.

Милош быстро потерял интерес к волнению во дворе, и вместе с лучниками высматривал нечто по другую сторону бойниц. Нечто в темноте, разрываемой пятнами горящих хат и пышущих жаром костров. Нечто скрытое за полосой островерхого леса.

Неожиданно Игриш поймал себя на мысли, что уже довольно давно слышит какой-то странный звук, несущийся откуда-то извне, из-за стен острога — далекий, раскатистый звон, который может издавать только колокол. Из-за сумятицы по обе стороны частокола не получалось осознать, что именно стучится ему в голову. Но оказавшись на стене, он расслышал и еще одно — нечто тяжело топало в ночи. Оно трещало, гремело и шуршало с таким упорством, словно оттуда, из темных и ветряных лесов к ним прорывается нечто огромное, недоброе...

— Что за черт?.. — процедил лучник, вглядываясь во тьму, когда оно топнуло сильнее, чем прежде.

У Игриша волосы зашевелились на макушке — он расслышал этот звук ясно и четко. С каждым новым шагом призрак колокольного боя ощущался все отчетливей, все громче, все

ближе, словно колокольня, на вершине которой раскачивался таинственный колокол... двигалась.

Двигалась к ним.

Они оцепенели, когда одно из деревьев покачнулось, как если бы по нему со всей силы ударили исполинским топором, накренилось и потонуло в темной массе собратьев. Потом другие деревья с тяжелым кряхтением последовали за ним, и в лесу начала образовываться широкая просека, по которой шагало нечто скрытое тенями. Пару раз оно поднялось выше кромки деревьев, мелькнуло длинной, вытянутой головой на фоне неба, а потом снова укрылось мраком, но топот продолжал звучать в ушах Игриша. Как и жуткое карканье, несущееся ему вослед. Скоро они увидели крылатые тени, порхающие над мохнатыми макушками. Казалось, все воронье Пограничья слетелось на обещанный пир.

Поначалу Игриш решил, что зрение обманывает его, но взглянув в посеревшие лица лучников и Милоша, которому было вовсе не свойственно бояться до трясучки во всем теле, и сам покрылся ворохом мурашек и прирос к месту. Продрав в отчаянии глаза, он снова заглянул в лицо мраку, где они в последний раз видели гигантскую раскачивающуюся гору, но вновь столкнулся с непроглядной теменью, которая разрождалась пугающими звуками.

Крики во дворе, угрозы, ругательства, проклятия — переполох затерялся где-то там, за порогом другой жизни. Люди на стенах напрочь забыли про схватку с осаждающими и один за другим устремляли взоры только в одну сторону, откуда к ним приближалась могучая, звенящая гора, которая с каждым тяжелым шагом становилась все выше. Она окончательно покинула пределы леса и только быстрее вышагивала по полю, обрастая деталями, сбрасывая с себя невидимую пелену.

Земля дрожала в такт ее шагам. Скоро гора преодолела половину расстояния, отделяющего лес от острога, и защитники Валашья смогли разглядеть гигантские ногипальца, на которые она опиралась, неловко переваливаясь с одного бока другой. Еще ближе, и еще тяжелее бахали лапищи о землю. Выше поднималась высокая башня колокольни, которая выростала из бесформенного черного тела, обросшего каким-то желтоватым заплесневелым гнильем, отдаленно напоминая полуразвалившуюся церковь. Вокруг вихрем вилось беснующееся воронье, а по деревьяшкам ползали твари, напоминающие помесь ежей с собаками.

Игриш готов был поверить, что он видит дурной сон, стоило ему заглянуть в необъятный, застывший в самом брюхе глазище, устремленный в одну сторону — прямо в душу к каждому, кто сталкивался с ним взглядом.

Казачи чертыхались, осеняли себя Пламенными знаками, даже пытались пускать в нее стрелы, но гора медленно и неумолимо приближалась к дрожащим от ее поступи стенам.

— Откуда... откуда вылезла эта тварь?! — простонал лучник, выпустил лук и с руганью бросился вон с башни. Его товарищ продержался чуть дольше. Но пустив пару стрел в глаз, который даже не шелохнулся, когда обе влетели ему в вытянутый зрачок, устремился следом.

С каждым шагом горы бревна башни дрожали все сильнее. На других башнях и вдоль боевого хода давно заметили приближение нового противника и повернули в его сторону стволы пищалей. Загрохотали выстрелы, но когда дым рассеялся, массив гигантской ходячей горы только приблизился к частоколу. Повсюду раздавались срывающиеся команды перезаряжать пищали и не жалеть стрел, но лучники один за другим бросали свои посты и слепо спасались бегством.

Мальчишки тоже не стали ждать от моря погоды. Оба съехали по лестнице на землю и

что есть сил помчались через двор, повинувшись общему безумию. На чудовищный грохот, который раздался с другой стороны частокола, как будто проклятую бомбарду до отвала накормили порохом, а потом подорвали вместе со всем лагерем, за общим ревом никто не обратил внимания.

Скрип дерева, грохот и страшное, захлебывающееся дыхание — люди сигналы со стен, бежали сломя голову, снова забирались на стены, перелезали через частокол, который недавно так отчаянно защищали. Крики, вой, толкотня, истерическое ржание лошадей только придавало мальчикам прыти. Но в сердце свалки, которая сразу образовалась перед воротами, они побоялись соваться, вовремя прижавшись к частоколу, и пропустив мимо общий поток.

Через пару мгновений вся воющая куча баб, детей и стариков надела на ворота, подпираемая сзади озверевшими от страха защитниками Валашья. Масса перепуганного люда навалилась на створки и, мешая друг другу, долго пыталась вынести их, совершенно не удосужившись сперва убрать запор и разобрать подпорки. Но и когда деревяшки отбросили в сторону, наплыв людей только помешал справиться с воротами, которые открывались только внутрь.

Когда громада нависла над стенами, в остроге творилось что-то неопишное. Стрельба велась уже не по врагам за стенами и не по жуткой твари, которую разбудило чудовищное кровопролитие, а по беснующейся толпе в напрасной попытке расчистить дорогу и спасти свои жизни.

Мальчишки вырвались из столпотворения, не попав под град пуль каким-то чудом. Оба понеслись прочь от ворот, спотыкаясь и стараясь не попадаться под горячую руку. Взбираться на стены и сигать на острые камни, рассчитывая на помощь Спасителя времени не оставалось. Громадная тень окутала острог, готовясь похоронить всех заживо под своей бесформенной плотью.

И тогда Игриш схватил Бесенка за рукав и чуть ли не волоком потащил его к единственному месту в остроге, которое могло спасти обоих. Милош, едва живой от страха, дрожащей тенью последовал за ним, и мальчишки подбежали к колодцу, к которому Игриш никогда и близко не подошел бы по своей воле. Думать, бояться и гадать он себе запретил. Он всегда знал, что все кончится этим.

Ухватившись за веревку, уходящую в жуткой зев колодца тонким длинным языком, один за другим они съехали в холодную и сырую темноту, за мгновение до того, как печально известный острог Валашья и всех его пленников стерли с лица земли.

Ранко выхватил саблю и бросился громить ряды колядников. Они схлестнулись.

За ним, не помня себя, хлынули остальные. Ряды смешались, поднялся дикий свист, рев и звон стали. Рубились они нещадно, отчаянно и с явным наслаждением. Словно давно ждали возможность обнажить сабли. Всадники обменивались ударами, пускались наперерез, отсекая руки, пронзая кольчуги, пуская кровь и выбивая из седла на скаку. Над головами сражающихся летало воронье, пьяно раскачиваясь на ветру, влекомые пряным запахом кровопролития.

Но свалка не могла длиться вечно, и вскоре цепи колядников начали трещать одна за одной. Поднялся гвалт, засвистели стрелы, конница возглавляемая Ранко на крыльях внезапно взметнувшегося ветра пронеслась сквозь строй, сея смерть и сумятицу в рядах Коляды. Одноглазый был среди них — его сабля гуляла по головам направо и налево, разила наповал, окропляла землю свежей кровушкой.

Следом колядникам в спину ударили их бывшие товарищи, для которых славное имя батьки Баюна не было пустым звуком. Коляда, будучи в большинстве, оказался зажат с двух сторон, теснимый двумя рядами копий. Цеп Берса разбивал противникам черепа, дробил кости и бил щиты, а сабля в здоровой руке доделывала остальное, так что колядники на пути его резвого коня разлетались как листья на ветру. Еще немного, и отряд Коляды разбили надвое, с каждым ударом сердца увеличивая разрыв.

Каурай не без труда вырвался из толкучки боя, отмахиваясь от колядников саблями, и послал Красотку вслед Ранко со товарищи, которые уносились подальше, чтобы развернуться, набрать скорость и вновь свалиться на голову Коляде и его оборванцам, у которых дела с каждым ударом сердца шли все хуже и хуже. Удержать инициативу и перебить колядников как зайцев им не дали внезапно вспыхнувшие фитили на крышах домов. Колядники дали залп, и на головы людей Ранко хлынул свинцовый дождь, заставив молодого атамана отступить.

Одноглазый почти лежал в седле, подгоняя Красотку под свистящими пулями, когда за ним увязалась парочка таборщиков, рассчитывая пронзить его копьями. Одно острие он отбил, ловко развернувшись в седле, другое прошило воздух впереди и звякнуло об наплечник. Каурай размахнулся и ударил колядника в висок, сбивая шлем набекрень и оборвав готовящийся укол копья. Всадник сбился с ритма, опасно закачался, но удержался в седле. Его товарищ норовил поразить Красотку, но та резко ударилась боком о его скакуна, выводя животное из равновесия. Каурай с радостью полоснул атаманца по руке, а затем пронзил кольчугу. Захлебываясь кровью, колядник рухнул в пыль, где барахтались пешие воины, которым не повезло оказаться на пути волны всадников Ранко.

Не успел одноглазый перевести дух, как на них с Красоткой в яростном порыве навалились с двух сторон, блестя вскинутыми саблями. Он дернул поводья, пропустил колядников перед собой и прочертил у одного на спине кровавую черту. Упал на землю тот без единого звука. Второй всадник потянул коня за удила, кинулся в атаку, и они пронеслись один против другого, одновременно взмахнув саблями. Оглушительно бряцнула сталь, отзываясь в ушах свистом, но ни тот, ни другой не скатились наземь. Каурай подстегнул Красотку, с ходу рубанул какого-то рогатого недотепу, раскроив тому череп, и навалился еще на тройку таборщиков, лихо свесившись с седла. Сабля валила их одного за другим. Снова он

ударил Красотку по бокам и схватился с всадником, который решил пойти на таран. Сабля одноглазого оказалась длиннее, и располосовала коляднику ногу. Тот из последних сил пытался не выпасть из седла, но в следующий миг его снесло валом пуль, которые вновь засвистели в воздухе, разя всадников десятками, не разбирая кто свой, а кто чужой.

Это был последний залп — носящиеся вокруг конные лучники подошли вплотную и пощелкали их с крыш одного за другим. Тех, кто попытался спастись бегством растоптал вернувшийся клин Ранко. На поле боя воцарились всадники, нещадно рубя и топча каждого, кто попадался им под руку.

Огрызаясь сталью, колядники отходили все дальше ко рву, красному от крови. Над стенами острога бушевали гигантские щупальца, вырывающие одно бревно частокола за другим. Вывалившихся из ворот казаков вперемешку с бабами и детьми засевшие у дороги таборщики начали отстреливать еще на подходе. Но ужас валащев был так силен, что казаки добежали до лагеря осаждающих, утыканные стрелами как ежи, и на последнем издыхании кинулись на врагов. Следом за ними, прямо по головам, полезли остальные.

Каурай прекрасно видел резню, кипевшую перед воротами, и око жуткой твари, которая бушевала в остроге, насыщаясь плотью тех, кто не успел покинуть пределы Валашья. Всюду носились всадники — то ли враги, то ли друзья — и он вступал в схватку с каждым, кто подходил к нему с оружием в руках. Убив очередного колядника, одноглазый гнал Красотку навстречу врагу, несущимся во весь опор, и поражал его в самое сердце отточенной сталью. Звон резал уши, когда он без устали разил врагов одного за другим. Лилась кровь вперемешку с горячим потом, и они бились, пока колядник, таборщик или еще черт знает кто, решивший в горячке боя отправить опричника к праотцам, не вылетал из седла визжащим куском окровавленного мяса. Жуткое представление гремело на все лады, не утихая ни на мгновение, чтобы дать участникам хотя бы смахнуть пот с бровей.

Красотка выбивалась из сил, но хозяин и не думал давать ей спуска. Стоило ему только подумать о том, чтобы дать лошаденке немного передохнуть, как сбоку гремели копыта и снова очередная сабля грозила ему из седла. Каурай бросался навстречу, звенела сталь, брызгали кровавые ручьи. Забрав очередную жизнь, он скакал дальше.

Краем глаза Каурай заметил очередную сшибку — всадники неслись один на другого. Сверкнула обнаженная сталь, и проигравшего с диким визгом рассекло надвое, а победитель, не сбавляя хода, накинута на очередного врага и без труда отсек ему руку, сжимающую бесполезное копьё. С новым ударом атаманца подбросило в воздух и со страшной силой ударило оземь.

Каурай поудобнее перехватил саблю, присматриваясь к смуглому юноше, в котором за слоями копоти, крови и грязи, покрывающей его изуродованное злобой лицо, с трудом узнавал Драко. На плече у него покоился двуручный меч, зловещий плачущий Куроук. Страшное орудие наконец-то отыскало нового хозяина.

Одноглазый выругался. Плохо дело.

Юный таборщик тоже заметил старого знакомца — оскалил белые зубы и вогнал шпоры в бока коню. Плащ взметнулся за его плечами, обращая Драко кровожадным бесом, жаждущим крови и отмщения. Комья земли полетели из-под копыт, когда Драко вне себя от слепой ненависти понесся на своего смертельного врага, потрясая страшным мечом.

Каурай болезненно сощурился, когда блеск темного металла в руках юноши ударил его по глазам, но принял вызов — помчался навстречу, активно придавая взмыленной кобыле прыти. Сабля хищным клювом нацелилась злобному мальчишке в лоб, но, увы, по сравнению

с громадой Куроука, которым неистовый Драко орудовал словно тростью, лихо вращая над головой, она казалась детской игрушкой. Яростная тварь, занявшая тело юного таборщика, заревела и отвела клинок в сторону, готовясь нанести один единственный удар, который располовинит ненавистного опричника и повергнет его обезображенное тело в пыль.

Удар, который невозможно отвести в сторону или заблокировать, как ни пытайся. Сам одноглазый уже нанес несчетное число таких ударов.

Перед самым столкновением двух клинков, Каурай резко вогнал шпоры в бока Красотки и рванул ее вбок, направляя кобылу наперерез лошади Драко, рискуя столкнуть обеих разгоряченных животных. Следом он перебросил клинок в другую руку.

Лошади едва разминулись, когда кривое лезвие вспороло воздух. Мгновение, и кровавые брызги оросили ристалище.

Когда Каураю удалось сдержать пыл Красотки и повернуть ее обратно к месту сшибки, Драко был далеко — перепуганная скакунья протащила мальчишку еще пару сотен шагов, пока его нога не оторвалась от стремени. Он не двигался.

Куроук зарылся в землю чуть ли не по рукоять, но одноглазому не составило труда отыскать клинок. Отсеченная рука Драко еще сжимала рукоять двуручного меча, словно пытаясь нанести новый удар. Каурай освободил стиснутые судорогой пальцы, вытащил подрагивающего монстра из земли и едва не полетел на землю — он и забыл тяжесть, которая лавиной обрушилась на плечи, обволакивая душу ненавистью. Запах крови тут же стал для него сладостнее любого нектара, он захотел слизать ее остатки с клинка, которым за этот вечер убили, наверное, сотню человек, и самому погулять на дьявольском пиру. Забрать еще больше жизней — рубить, сечь и колоть до тех пор, пока сердце не затихнет в груди.

Но Каурай сбросил наваждение, взял себя в руки — к вящему неудовольствию клинка. Куроук отчаянно завибрировал, когда вместо того, чтобы взобраться в седло и пуститься на поиски новых жертв, старый хозяин поспешил к бесполезному телу Драко, на спине которого висели ножны. Единственное, что способно было сдержать ярость и неодолимую жажду крови Куроука.

Когда одноглазый добрался до тела юноши и навис над ним огромным темным столбом с двуручником на плече, Драко приподнял веки и застонал. В его глазах плавал туман, на губах багровой печатью лежала кровавая корка.

Жаль было этого глупого разбившегося воробья. Жаль, что Куроук в очередной раз попал не в те руки.

Пока Каурай снимал с него ножны, отчаянно мычащий Драко пытался неловко оттолкнуть его и потянулся к кинжалу на бедре. Увы, он поздно осознал свою ошибку — рабочая рука юноши лежала в сотне шагов от него и была бесполезным куском мяса. Драко беспомощно завыл.

Справившись с задачей, одноглазый налег на рукоять и протолкнул клинок в ножны. В одиночку ему пришлось попотеть — Куроуку очень не хотелось отправляться на покой, когда вокруг столько бьющихся сердец — но, в конце концов, Каурай сдюжил, пусть и лишка перенапрягся.

— Хорошего понемножку, — с этими словами он поставил запор и повесил меч Красотке на седло. Куроук еще подергался, но сдался, смирившись со своей судьбой. На время.

Грохот битвы стихал, хоть кровь и продолжала хлестать потоком. Общая сеча разбилась

на десятки отдельных схваток — никто не хотел уступать, но исход кровопролития был предрешен. Большая часть колядников разбежалась, стоило Ранко пару раз пройти сквозь строй, сметая на своем пути всех, кто бежал недостаточно быстро. Самых рьяных прижали ко рву и теснили со склона в воду, где колядники барахтались какое-то время, пока не ушли ко дну под тяжестью кольчуг. К н и г о е д . н е т

Но одноглазого занимали не колядники, а та гигантская тварь, которая шевелилась за покосившимися стенами острога. Грешным делом он понадеялся, что свалившись с такой высоты на острую крышу Замка, чудовище подохнет под массой собственной туши. Но чем дольше он смотрел на гигантскую тучу пыли и воронья, которая заволокла вал, и слушал жуткий рев вперемешку с непрекращающимся грохотом, тем очевиднее был печальный факт. Чудовище живее всех живых.

Когда Каурай взбирался в седло, безутешный Драко стонал в полный голос, по его грязным щекам ручьем текли горькие слезы. Он был полностью сломлен. Раздавленная, порванная игрушка.

Одноглазый понимал и жалел его. Самому когда-то приходилось изрядно побарахтаться в грязи, собирая себя по частям, работая ниткой на живую. До сих пор не было точной уверенности, что он все сделал правильно.

— Ненавижу... — шипел Драко, яростно вращая глазами. Оставшиеся пять пальцев нащупали кинжал и с силой вырвали его из ножен.

Юноша тяжело перевернулся на живот и, несмотря на страшную рану, пополз к одноглазому. Падая с лошади, он сломал ногу, и та впустую волочилась за ним, вывернутая в другую сторону. Вся тяжесть легла на руку со стиснутым кинжалом, которым Драко подтягивался словно скалолаз.

— Не упрямясь, — бросил ему Каурай. — Только силы потеряешь. Они тебе еще понадобятся.

— Ненавижу! — не успокаивался Драко, шипел, рычал, кусал окровавленные губы. — Еще не все... Постой! Твой мальчишка... Как его?

— Гриш? — нахмурился одноглазый. — Ты видел его?

— Ага, — ухмыльнулся Драко, подползая все ближе. — Он был с нами. Он и ведьма.

— Ведьма?

— Ага, Малунья. Знакомая?

— Более чем, — свесился к нему Каурай. — Где они сейчас?

— Сука сбежала... Бросила твоего Гриша и сбежала.

— А Гриш?

— Твой Гриш давно плавает во рву кверху брюхом! — выпалил Драко, и тут же завопил, когда одноглазый прыгнул к нему, придавив сапогом кулак с кинжалом.

Юноша попытался вырвать ушибленную руку, но Каурай схватил его за шиворот, рывком поднял на ноги и врезал кулаком по скуле. Драко выпустил бесполезный кинжал и кубарем покатился по земле. Еще пыль не улеглась, как Каурай коршуном напрыгнул на него, едва не вонзив лезвие штыка парню в кадык, но вовремя остановился.

— Врешь же, сопляк! — процедил одноглазый. Поднял Драко за шиворот и встряхнул словно тряпичную куклу.

— Еще чего, — скрипнул он зубами. — Мы резали шкур как свиней! И твой красавчик тоже попался Коляде под руку. Ищи его во рву вместе со шкурами!

— Эй, одноглазый! — раздался крик со стороны. — Пусти его!

Каурай повернулся на голос. Неподалеку, шагах в ста от них, в седле низкорослой кобылы застыл его недруг из табора — Гарон, который, судя по разговорам, успел сделаться новым бароном всех таборщиков Пограничья.

Он был один, и только это было хорошо.

Следом за кобыльим крупом семенил бедолага Гриш. Стоило мальчику поравняться с лошастью, как аркан натянулся на его тонкой шее, и он задыхаясь повалился на землю, сляясь хоть немного ослабить веревку. Гарон был уже на ногах — подтягивал аркан и поднимал пленника на ноги.

— Пусти его, или я вырежу твоему выкормышу улыбку до ушей! — пригрозил он, уперев Гришу в подбородок острие кинжала.

Каурай исполнил его просьбу — разжал пальцы, и Драко шлепнулся к его ногам бездыханной грудой костей. Потом переступил через юного таборщика, который едва ли доживет до утра, и пошел напрямик на Гарона.

— Твоего брата убил я, а не этот жалкий мальчишка, — сказал он, не сбавляя шага. — Можешь зарезать его в отместку, но тебя это едва ли спасет.

За спиной Гарона задрожала земля. Он обернулся и со злости едва не располосовал Гришу горло. К ним скакали люди Ранко. Сам Баюн-атаман мчался во главе отряда, как всегда. Похоже, схватка с колядниками закончилась быстрее, чем думалось одноглазому.

— Отпустишь его, и я не скажу, что видел тебя, — предложил ему Каурай, останавливаясь за десять шагов от Гарона со штыком в руке. — Мне твоя судьба безразлична. Хватай своего и убирайся. Но если сглупишь, умрешь даже быстрее, чем успеешь моргнуть. Выбирай, у тебя есть всего ничего, прежде чем они заметят нас.

Гарон без раздумий толкнул Гриша к одноглазому и прыгнул в седло. Мальчишка рухнул на колени, когда барон стрелой пролетел мимо и натянул поводья рядом с изувеченным Драко. Перекинув окровавленное тело племянника через спину коню, он поспешно скрылся во тьме.

Когда конники Ранко заметили одинокого всадника, изо всех сил подгоняющего несчастную лошадь, вслед беглецу раздался лишь веселый свист. Никто и не подумал преследовать неизвестного, трусливо спасающего свою шкуру.

После того, как они с Милошем сиганули во тьму колодца, он вообще перестал что-либо ощущать. Сначала решил, что умер, но потом почувствовал рядом с собой что-то мягкое и живое. Это был Милош, и он был еще жив. Потом они бесконечно шли куда-то по пояс в воде, уставшие, замерзшие и мокрые с ног до головы. Вода понемногу прибывала и доставала до груди, а следом и до шеи. Мальчишки упрямо двигались дальше, стараясь держаться друг друга. Наконец глубина выросла настолько, что идти на своих двоих стало невозможно.

Тогда они поплыли. В полной темноте.

Эту часть дороги Игриш помнил худо — постоянно булькала вода, над головой что-то смутно гремело и грохотало. Мальчишки плыли отталкиваясь от стен, а темный тоннель все не кончался. Страшно захотелось всплыть и глотнуть воздуха, но над головой тянулся сплошной шершавый камень. Оставалось только двигаться вперед.

Скоро он начал задыхаться. И это было единственным, что Игриш запомнил, прежде чем вода не расступилась над его головой. В себя мальчик пришел на берегу. Едва ли он нашелся бы с ответом, если бы его спросили, сколько он пролежал, пытаясь выхаркать из себя воду.

Бесенка рядом не оказалось.

Стоило только выбраться на пригорок, как Игриш мгновенно окунулся в пучину кровавого безумия. Он бежал и бежал, не разбирая дороги, а вокруг постоянно кто-то кричал, умирал и захлебывался кровью. Лошадиное ржание, хрипы, крик воронья и звон мечей обступали его со всех сторон. Не успел он вырваться из этого безумного хоровода, как на него набросилась какая-то тень. Схватила за горло и потащила куда-то.

И вот перед глазами горбатая тень Каурая и лезвие ножа, которое готовилось рассечь ему глотку. Но вскоре и оно пропало.

— Живой? — вернул его Каурай из мрачного круговорота. Схватил за плечи и чуть встряхнул, сбрасывая оцепенение.

— Ага... — сглотнул Игриш, всматриваясь одноглазому в лицо. — Каурай? Ты же настоящий?..

— Более чем, — хмыкнул тот и помог мальчику подняться на ноги. Стоило только выпрямиться, как на них налетела целая туча вооруженных всадников. Миг, и они могли растоптать их в кашу.

Но большая часть со свистом пронеслась мимо. Воины бросили мимолетный взгляд на обоих и отправились на поиски тех, кто еще имел наглость сопротивляться.

Подле них остался единственный всадник — широко ухмыляясь в своей обычной разухабистой манере. Ранко почти не изменился с их последней встречи, когда он помогал Игришу оттащить ушат Бесенку. Однако, приглядевшись к нему повнимательней, он заметил кровь и стекающую по лошадиным ногам, и мертвенную бледность, которую не смогла разогнать даже улыбка. Игриш только подивился, как он еще не отбыл на суд к Спасителю.

Разгадка сидела за его спиной и как могла старалась остановить кровотечение, сунув обе руки Ранко под рубашку и нашептывая нечто себе под нос. Выглядела девушка так, словно сама только что вернулась с того света. Идеальная пара.

Игриш почему-то сразу вспомнил про Малунью. Интересно, где она? Удалось ли ей с Хлоей уйти невредимыми?

— Рад, что вы оба живы! — поприветствовал их Ранко, но тут же закашлялся, сплюнув кровью.

— Может быть, хватит на сегодня спасать Пограничье? — спросил одноглазый, с сомнением поглядывая на потуги атамана не свалиться с седла.

— Еще чего?! — выпрямился Ранко, но тут же дернулся и закатил глаза, словно сознание покинуло его на короткий миг. — У нас еще так много дел. Стольких еще предстоит научить верности!

— Не переборщи. Так не мудрено и надорваться...

— Кстати, ты не забыл про эту неведомую дрянь?! — ткнул Ранко в сторону развалин, откуда то и дело раздавались пугающие звуки. — С ней-то чего делать прикажешь?

— А не надо ничего делать, — покачал головой Каурай. — Остерегайтесь гримов, которых она принесла на себе, а вот саму тварь оставьте в покое. Она слишком медленная, чтобы всерьез угрожать людям на лошадях. Я сомневаюсь, что она вообще способна выбраться за стены. А если укрыться за рекой, то можете быть спокойны — через текучую воду они предпочитают не соваться. Поорет до рассвета и либо сама сдохнет, либо зароется под землю.

— Ага, и до тех пор она оставит от острога и камня на камне!

— Тебе чего жалко твердыню вашего Шкурудера? — поднял бровь Каурай.

— Не особо, — пожал плечами Ранко. — Но я мечтал самолично сравнять острог с землей, а не отдавать на поругание каким-то потусторонним тварям. Кто это кстати? Твоя знакомая?

— Кто-то из реликтовых тварей, возможно какой-то титан, или его часть... — проговорил Каурай задумчиво.

— Часть?

— Еще бы. Видишь “щупальца” с изломами? Это фаланги.

— Зараза... — раскрыл рот Ранко.

— Но я не уверен. Уж не приходилось мне сталкиваться с реликтами подобного размера.

— Если это... то где остальное?

— В земле. Чтобы разбудить целого титана, надо нечто большее, чем проделки одной взбалмошной ведьмочки.

— Я-то тут при чем? — воскликнула девушка. — Твоя работа! Твоя и Кречета с его отморозками!

— Еще чего! Творила магию в церкви? Не отнекивайся, еще как творила. А под ней просто залежи всякой дряни, от которой мне пришлось отмахиваться целую ночь. Но об этом мы позже побеседуем... А пока спасай своего ненаглядного.

Ранко с каждым ударом сердца становилось все хуже, но он крепился как мог. Тут к ним подъехал одинокий всадник, и Игриш узнал в нем сильно потрепанного, но уверенно державшегося в седле, Берса. Единственного из атаманцев, к которому у Игриша была хоть капля симпатии. Несмотря на то, что он побывал в самой горячке боя, отделался атаманец всего парой порезов.

— Враг опрокинут, батько! — доложил он, сдерживая пыл своего разгоряченного коня.

— Который из них? — спросил Ранко и резко мотнул головой, словно сбрасывая с себя сон. Взгляд его ненадолго прояснился.

— Колядники! — кивнул атаманец. — До сечи со шкурами дело не дошло. Их порвали с

двух сторон — половину искромсали таборщики, половину пожрали чудища, которые принесла на себе та гадина, — он кивнул на развалины. — Они сейчас хозяйничают в полях, но то не наша забота. Таборщикам тоже пришлось нелегко, когда и до них добралась нечисть. А как показались мы, мигом разбежались, как зайцы, — он довольно рассмеялся и пригладил усы. — Отдыхай, батько! Мы их живо пощелкаем!

— А Коляда?

— Этот мудака ушел, — помрачнел Берс и сплюнул под копыта. — Я видел, как он скидывал с себя кольчугу и бросался в омут. Мы послали вслед парочку стрел, но его лысину над водой больше не видели. Чтоб ему топором пойти ко дну, мерзавцу! Ну, туда ему и дорога!

— Сомневаюсь, — скривился Ранко, словно ему ткнули пальцем в рану. — Может он и мерзавец, но пловец знатный. Эх...

— Ежели он и жив, то какой с него прок? Ползать по лесам и обирать голытьбу — вот и весь удел! Песенка Коляды уже спета.

— Я бы согласился с тобой, если бы ты принес мне его голову.

— Не горюй, батько! Смотри, кого мы выловили во рву вместо мерзавца Коляды!

Пленников связали по рукам и ногам, словно баранов на торжественном заклинании. Казалось, Кречет себя таким и ощущал, судя по его гордо выпрямленной спине и вскинутому подбородку. Выглядел он ничуть не лучше Ранко, но раны старого казака беспокоили куда меньше. А вот про Повлюка Игриш бы так не сказал — толстяк повесил подмоченные усы и вообще ни на кого не поднимал свою жалкую физиономию. Оба были мокрые до нитки.

— А, вот оно как, значит? — разошлись губы Кречета в презрительной усмешке. — Только погляди, Повлюк, вон оно че! Мы там с нечистью боремся, жизнью рискуем, а он! Ишь, козел!

Толстяк поднял глаза, но снова упер их в землю и тяжело вздохнул. Даже слово “Факт!” не сорвалось с его пухлых губ.

— Ага, дядька, — кивнул Ранко с несколько повинным видом, глядя Кречету прямо в глаза. — Вот так. Так оно всегда и было.

— И ты? — повернулся Кречет к одноглазому. — И ты с ним?!

— Обижает. Я выполнил задачу, только и всего, — не моргнул и глазом Каурай, кивая на спутницу Ранко. — Жаль, что заказчик погиб под этой гигантской тушей.

Кречет давно заметил девушку за спиной у Ранко, но первой с ним заговорила она.

— Здравствуй, добрый дядюшка Кречет, — кивнула колдунья, рассеивая его сомнения. — Что же ты, не признал дочь воеводы Серго, которому ты обязан жизнью?

Кречета как водой окатили, челюсть его отпала. Таким растерянным Игриш еще не видел его ни разу за тот короткий период их знакомства.

— Обманули значит... — пробормотал он и повесил чубатую голову. — Будь же ты навеки проклят, собака. И ты, колдунья! Чтоб навеки завшивела дырка твоя!

Он в сердцах сплюнул, и более уставший и осунувшийся казак не сказал ни словечка.

Ранко неожиданно как-то устало вздохнул и начал заваливаться на бок. Даже вмешательство его спутницы, которая вцепилась в него словно гарпия, не помогло атаману прийти в себя и он мешком полетел на землю. От болезненного столкновения Ранко уберег одноглазый — в последний момент он подхватил тяжелое израненное тело и едва не загремел с ним за компанию.

Со стоном девушка скользнула за ним, и они втроем с Игришем как могли уложили

Ранко на землю. На его прозрачное лицо, где жизнь едва-едва теплилась и готовилась сорваться в пропасть, было больно глядеть. Колдунья положила голову казака к себе на колени, прижалась лбом к его лбу и начала монотонно нашептывать заклинание. От обоих начало парить, и Каурай с Игришем отошли от них на пару шагов. Вскоре Ранко вновь открыл глаза, но не смог пошевелить даже пальцем.

— Собаке собачья смерть, — ухмыльнулся в усы Кречет, наблюдая за страданиями бывшего подопечного.

В ответ на такие слова Берс взмахнул нагайкой и что было сил огрел ею старого казака по спине. От плечей до самой поясицы зажглась кровавая черта, но тот лишь поморщился и поджал губы, силясь сдержать болезненный стон. Его острые, ястребиные глаза с упоением разглядывали страдающего Ранко.

— Нам надо перетащить его в дом, — распрямилась колдунья, но тут же осеклась, когда со стороны руин раздался чудовищный грохот.

Казалось, что за остатками частокола разверзлась земля — такой треск и рокот поднялся, когда тварь, уничтожившая Валашье, начала тяжело подниматься над остатками башен, хладнокровно оглядывая поле боя своим бездонным глазом. Следом в небо взметнулась и ее каркающая свита.

— Самое время... — пробормотал Игриш, когда глазище невиданных размеров вперился в их компанию, и вся черная, дрожащая масса, с которой сочилась какая-то липкая жижа, поблескивающая в пламени пожаров, начала медленно двигаться к ним. — Чего ему надо от нас?!

— За ней пришел, — кивнул одноглазый на колдунью.

— Неправда! — разозлилась та. — Я тебе уже говорила, что они пришли забрать шкатулку!

— Сеншес разберет, о чем ты гово...

— Ты про такую хитро сделанную штуковину, которая еще вертится по всякому? — перебил его Игриш.

— Да... — подозрительно глянула на него та. — Которую Бесенок принес мне из церкви в лесу. Думал, я за нее поцелую засранца. А я его обманула... А ты откуда знаешь? Видел ее?!

— Ага, сначала с ней возился Милош, а потом она оказалась у Драко... И он ее открыл...

— И?! — колдунья подошла к нему и схватила мальчика за плечи. — Что там бы...

Она осеклась и со странным выражением уставилась на Игриша. Следом аккуратно прикоснулась к его щеке, и тут лицо мальчика вспыхнуло от боли. Он зашипел и попытался вырваться, но колдунья держала его как в тисках. Медленно и осторожно она вытащила у него из щеки длинную костяную иглу, про которую Игриш уже и думать забыл — после всего случившегося на нем было и так изрядно ссадин, синяков и порезов, чтобы беспокоиться о каждом. Наконец освободившись из ее объятий, мальчик схватился за изувеченную щеку.

— Вот и ты, — прошептала колдунья, не сводя глаз с неожиданной находки.

— Что это за штука?! — сощурил глаза Каурай. Его выражение лица Игришу сразу не понравилось.

Кругом торопливо съезжались конные, заметив Ранко в таком жалком положении. Игриш щупал ужаленную щеку и изумлялся, с каким почтением атаманцы уложили молодого

казака на носилки, наскоро сделанные из попоны и пары палок, и оттащили на телегу. Пока чуть ли не десяток человек устраивали его поудобней, Игриш не уставал озадаченно тереть затылок, когда они в очередной раз называли балбеса Ранко “батькой”.

Когда телега тронулась, колдунья даже не посмотрела в ее сторону. Она, казалось, вообще забыла о существовании людей вокруг. Даже жуткое чудовище, которое снова поднялось на своих ногах-щупальцах, не волновало эту чудачку.

Лишь игла отражалась в ее полыхающих от нетерпения глазах.

Земля ходила ходуном, когда гигантское тело выбралось из клетки разрушенного острога и перебралось через ров, просто перешагнув его. Вновь тяжелая поступь громогласно покатила по предместьям.

При виде такой прыти от этого безразмерного существа, атаманцы принялись поспешно отводить коней. Не осталось ни капли сомнений — зарываться под землю оно и не думало.

Единственными, кто не сорвался с места были Каурай и эта чокнутая ведьма. Даже Красотка попыталась куснуть Игриша и улизнуть при виде шагающей горы. Мальчик потянул одноглазого за плащ, но тот и не думал отходить от колдуньи.

— Дай эту штуку мне... — сказал он, положив ладонь ей на плечо. Ладонь подрагивала, словно бы Каурай боялся.

Но колдунья нетерпеливо покачала головой.

— Я сама, одноглазый. Спасай свою жизнь.

И не удостоив их даже взглядом, она неловко оттолкнула Каурая и, пошатываясь, побрела прямо навстречу гиганту. Одноглазый попытался ухватить ее за одежду, но тут же одернул руку как ужаленный. Он выругался, попытался еще раз поймать колдунью, но снова потерпел неудачу, от боли едва не загремев на землю.

— Проказа... — зарычал Каурай, а она шагала все дальше и дальше навстречу смерти. — Стой, дура! Дай ее мне!

Игриш врос в землю не в силах отвести взгляда от крохотной босоногой фигурки в развевающемся плащике, которая едва держалась на ногах, но все равно упрямо шагала по земле, залитой кровью, засыпанной пеплом, сжимая в руках одну крохотную иголку. Резкий порыв ветра сбросил капюшон с ее головы, но колдунья только пожалала плечами.

Каурай больше не пытался помешать ей совершить самоубийство, а только шагал за ней, еле слышно ругаясь себе под нос. Они уходили от атаманцев все дальше.

Хищные птицы металась в небе, пернатыми комьями бросались на колдунью с одноглазым, силясь клюнуть и расцарапать им лица когтями. Но те только отмахивались от паразитов, не сбавляя шага, пока черный ходячий утес не навис над их головами.

Тогда колдунья остановилась как вкопанная, подняла иголку повыше и что есть сил прокричала:

— ПОЗОВИ ВИЯ! СТУПАЙ ЗА ВИЕМ!

Ранко отнесли туда, где они могли быть уверены, что его точно не достанут ни недобитки Коляды, ни полчища гримов, которое еще продолжали носиться по округе и страшно реветь, выискивая легкую добычу. По иронии судьбы ни огонь, ни загребущие лапы колядников не тронули хату какой-то Перепелихи, где, по словам атаманцев, сам Ранко с товарищами любили устраивать пирушки. Она стояла запертая на все замки, но когда атаманцы выломали дверь, внутри не оказалось ни души.

Игриш был с ним — ему больше некуда была идти. Когда колдунья кричала на весь свет про какого-то Вия, иголка в ее поднятой руке сверкнула звездой и ослепила всех, кто в тот момент смотрел им с одноглазым вслед. Когда мальчик смог продрать глаза, ни колдуньи, ни Каурая, ни того жуткого монстра не было в помине.

Они исчезли. Светало. И в лучах нарождающегося дня Игришу показалось, что неподалеку он видит какую-то длинную фигуру с кожей, поблескивающей темным металлом. Во лбу существа горел единственный глаз, но когда мальчик поморгал, чтобы сбросить наваждение, оно пропало. Ушло под землю. Буквально.

Игриш быстро забыл про таинственного гостя. Были дела поважнее.

Стоило Ранко оказаться на развороченной постели, как он почти сразу пришел в себя — охнул и попытался сесть, постоянно бормоча про какую-то Божену, но подскочивший к нему Берс уложил батьку обратно на простыни.

— Отдыхай, батько! Отдыхай! — шептал он, пока вокруг него толпились атаманцы. — А мы пока лекарку найдем тебе!

— Да где ж ее сейчас найдешь?!

— Надо, надо найти, хлопцы! — скрипнул зубами Берс. — Кровь из носу надо! Из-под земли мне лекарку найдите еб... вас всех всемером!

— Всадники! Всадники! — кричали под окнами. — Целая туча, айда по коням!

— Какие еще на...й всадники?! — зарычал Берс и пулей вылетел из хаты. За ним с руганью, переворачивая лавки, последовали остальные.

Когда дверь грохнула, с Ранко остался один Игришем, который сидел у окна и тщетно пытался высмотреть там хоть что-то. Но из-за вороха пыли, мигом поднявшимся вслед сорвавшимся всадникам, он только зря тарашил глаза. Никого уже не было, двор был пуст и заброшен.

— Эй, кто здесь? — донеслось до его ушей. — Есть здесь кто?

— Я... — оторвался от окна Игриш и подошел к Ранко. — Гриш.

— Гриш?.. — прошептал Ранко бледными, обескровленными губами. На него было жалко смотреть — так осунулся и ослабел он, хотя прошло всего ничего. Лицо сверкало испариной. — Мальчонка, который таскался с ведрами?..

— Ага, — кивнул мальчик, присаживаясь на краешек постели. — Тебе что-то нужно? Пить?

— Если можно, — тяжело вздохнул Ранко и припал к ковшику, полному теплой отстоявшейся воды. Потом выдохнул, бессильно откинулся на подушки, как если бы ему пришлось поднять тяжелую плиту. — Гриш. Нашелся? А мы с твоим одноглазым дружком все леса облазили, чтобы найти тебя. Ну и ту неугомонную клячу. А как там Милош?

— Не знаю, — покачал головой Игриш. — Я потерял его, когда мы выбирались из

острога. Где-то в туннелях.

— Ничего. Милош тот еще жук. Выберется... И от Горюна он ушел. И от фавна он ушел... И от Кречета он ушел...

— И от ведьм, и от Коляды, — помог ему Игриш. — И из острога сбежал. Я уверен.

— Молодец парень...

Игришу показалось, что чувства покинули казака, но он затих лишь на пару мгновений, прежде чем снова поднять тяжелые веки. Его взгляд прояснился, пусть в нем и плавала пара ложек тумана. Он поморгал, но поволока никуда не делась.

— Кто там?.. — наконец слетело с его дрожащих губ. — Кто-то кричал?

— Нет, — покачал головой Игриш, оглядываясь на выход. Больше всего он опасался даже не чудищ, которые едва ли полезут в хату, рассчитывая поймать живчика в чистом поле. А выживших колядников с таборщиками на пару. Вот от них стоило заколотить ставни и подпереть двери. Но мальчик не услышал ничего, кроме тяжелого дыхания Ранко.

— Мне показалось, что кто-то кричал... Где Божена?

— Та девушка, которая была с тобой?

Он кивнул.

— Она... исчезла.

— Ха, все они одинаковые, — хохотнул Ранко. — Гоняешься за ними. А они равно призраки.

— Я не про то. Они с Каураем... в смысле с этой тварью... Зараза! — бессильно цокнул Игриш языком. Ранко на это только расхохотался, но стоило ему чуть дернуться, как казак закашлялся, мучительно скривив лицо.

— Я понял... — вымолвил он, когда справился с кашлем. На подушке осталось несколько капель крови. — Малышка всегда любила совать свой носик куда не следует. Глупая, глупая... несносная ведьмочка. Слишком много желала. Хотя... с другой стороны, самое ее искреннее желание вполне в рамках приличий. Но... — он протолкнул комок. — Я мог засыпать ее золотом. Одеть в шелка. Отобрать Замок у ее проклятого отца и сделать ее королевой. Но главного дать не смог. Жаль. Как жаль... Передашь ей? — снял он с пальца серебряный перстень с печатью и вложил Игришу в руку. — Потом...

— Зачем?..

— Она поймет, — тронула улыбка губы казака. — Мы славно погуляли с ней. Навели шороху. Многих спасли, многих наказали, пусть и кровушки пришлось пролить немало. Пора и честь знать. Но у Божены были свои счета с отцом. И у меня тоже. Когда-то Серго был для всего Пограничья героем, но даже тогда он оставался самим собой. Гордый. Жестокий. Бесчеловечный герой. И многим, кто перешел ему дорогу, он отплатил смертной мстью. Теперь... пришла пора отдавать долги.

Он замолк. Игриш слушал и думал, что эти губы больше не разомкнутся. Но...

— А колечко когда-то принадлежало моему папаше. Спи спокойно, батько. Спи спокойно, мамо. Жаль, не побывал я на твоей могилке. А ведь она была так близко...

Его веки опустились. Ранко уснул.

Игриш положил перстенок в карман и тут услышал топот копыт. Стены хаты задрожали, за окнами снова поднялась пыль, загрохотали колеса, послышались голоса. Не думалось мальчику, что атаманцы вернуться так скоро.

Игриш бросился к выходу встречать Берса с лекаркой, но тут двери хаты раскрылись, и в комнату, переступив высокий порог, шагнул человек полностью закованный в сверкающую

чешую. Торжественно звенели шпоры, на плечах лежал запыленный плащ бордового оттенка, лицо скрывал высокий шлем с единственной прорезью для глаз. Латная перчатка с заостренными пальцами-когтями побагровела от крови.

— Кажется, мы опоздали, — глухо проговорил он, распустил завязки под подбородком и потащил шлем. — А ты, малец, я погляжу, прямо ангел смерти.

Шлем грохнулся на пол, и на Игриша воззрились очаровательно женские подведенные глаза, которые преследовали его в кошмарах.

Когда владыка Феборский князь-воевода Владислав, прозванный Крустником, сделал еще один шаг, из Игриша вырвался полузадушенный стон, и он опрометью кинулся к окну. Когти схватили лишь воздух — мальчишка пробил головой ставни и вывалился наружу как ошпаренный котенок.

Там его уже встречали. Не успел он подняться на ноги, как колючая рукавица схватила его за шкуру и повалила в пыль. Широченная ухмылка на нарисованном шутовском лице заставила Игриша упасть на колени. Кинжал смотрел ему прямо в лоб.

Калейдоскопом перед глазами промелькнула вся жизнь... Миг, и он уже сидит под сенью ухмыляющегося рока.

— А ну стой! — гаркнул вылезший из проломленного окна Крустник. — Ты полегче там с моим чашником!

— Вашим кем?.. — поползли нарисованные брови на напудренный, потрескавшийся лоб.

— Оглох, что ли? — рыкнул князь. — Опустить кинжал, бестолочь!

Кинжал опустился — неохотно. Но Игриша не торопились выпускать, держали как в железных тисках, словно он и впрямь мог прорваться через пару десятков всадников, которые сгрудились вокруг перепелихиной хаты, громяхая доспехами.

Феборцы. Много феборцев, — отчаянно стучало сердце, готовое разорваться на части. Все больше черных змей со спас-цветками в зубах заползло на двор Перепелихи. Игришу страстно захотелось, чтобы бандиты Коляды вернулись. А еще лучше снова оказаться в избе у ведьм, гда главной опасностью был тот злющий котище.

Дверь в хату выбили пинком, и во двор кубарем вылетел Ранко — покатился и ничком растянулся на земле, едва не попав под копыта разгоряченному коню. Дернулся, попытался приподняться на локте, но силы оставили его — молодой атаман закопался лицом в пыль, раздувая ее лихорадочно работающими ноздрями. Словно рыба, выброшенная на берег приливом.

Тут и рыбак показался на пороге.

— Спать будешь, когда я прикажу, — хмыкнул Крустник, спускаясь с крыльца. — Ты еще не забыл кому ты обязан тем, что прыгаешь на свободе, а козлик?

Ранко не ответил — барахтался в пыли, силясь доскрести силы до дна. Не справился, его подхватили под мышками крустниковы скоморохи. держать голову прямо оказалось для него почти невыполнимой задачей — чтобы смотреть Крустнику в прямо лицо, не пядью мимо. Скоморохи помогли ему — схватили атамана за волосы и вскинули подбородок, куда тут же уперся железный коготь феборского владыки. Словно смертоносный клюв коршуна он терзал шкуру израненного дикого кота.

— Молчание — твоя ошибка, — прошипел Крустник, чиркая когтем по заросшему подбородку Ранко. Тот морщился, но не отводил взгляда. — Или ты уже решил, что и в самом деле тот самый Баюн-разбойник? Освободитель “вольного” народа Пограничья от

панской милости?

— Я тот, кем меня нарекла молва, — ухмыльнулся Ранко в черные усы, в которых сверкали алые бусинки. — Не я один. Нас таких много.

Коготь дрогнул — на скуле Ранко разошлась кровавая черта. Алые струйки потекли по шее молодого атамана. Тот только дернул щекой и обнажил белые зубы.

— И раз за разом конец всегда один, — проговорил князь. — А ведь стоило тебе выбросить весь этот романтический мусор из головы и сделать дело. Глядишь, история Баюна нашла бы себе более счастливый исход. И за столом, который вы за каким-то лучшим сравнивали с землей, восседал бы новый атаман-воевода.

— Увы, — задрожали губы Ранко. — Не нам загадывать наперед.

— Наверное, чувство воли сынов Пограничья куда выше здравого смысла, — хохотнул Крустник. — Ты мог бы зарезать Серго в постели, отравить его пищу. В конце концов, спрятаться в сортире с кинжалом, чтобы сделать все по-тихому. Но нет же, тебе захотелось расколотить острог по бревнышку, а воевода под шум утек, как лис в трубу! Плохой слуга! Все приходится делать самому.

С этими словами он развернулся на каблуках, звякнул шпорами и уперся взглядом на человека, которого подвели к ним с веревкой на шее. Игриш узнал его сразу, хоть и не видел никогда в жизни.

На этого старика было больно смотреть — он выглядел настолько жалко и одновременно пугающе, что Игриша замутило. Голубые глаза едва не вываливались из орбит — единственное, что еще роднило его с тем, кого на Пограничье привыкли называть “пан воевода”. Лицо украшал кровоточащий шрам, рассекающий морщинистую щеку надвое. Перебитая левая рука висела плетью.

— Еще один дурень, — всплеснул руками Крустник, — который кривлялся до последнего! Сколько раз, Серго, я предлагал тебе забыть вашу глупую “вольность” и принять присягу? Все твои беды с этими оборванцами, которых мы растоптали по дороге, мои ребята вырвали бы с мясом. Но ты решил отсидеться на двух стульях. И принялся писать мне покаянное письмо только, когда пожар вспыхнул. И что теперь прикажешь делать? Отстраивать твой острог заново? Бодаться с шатранцами в чистом поле?! Хан Рахдай уже к вечеру узнает, что здесь произошло. Пока мы тут болтаем, в его мыслях уже рождается идея “а не собрать ли мне очередную орду, не прогуляться ли по “вольному Пограничью”?! А тут такая оказия! Соскучился по славным денькам Запустения?! Смотри мне в глаза, старый дурак!

Бывший воевода поднял на него затравленные, щенячьи глаза. Его провалившийся внутрь рот подрагивал. У Игриша было ощущение, что старик сейчас растает — такое отчаяние читалось в этих выцветших радужках. Крустник только отмахнулся:

— Вы оба мне противны! — воскликнул князь. — Затравить бы вас обоих собаками, да и нет под рукой этих собак... Поступим иначе!

На его тонких губах заиграла юношеская озорная улыбка, словно он придумал какую-то шалость и не может дождаться, когда воплотит ее в жизнь.

Он подцепил изукрашенный кинжал с пояса и бросил себе под ноги. Клинок вонзился в землю острием, сверкая на солнце.

— Даю вам последний шанс доказать, что вы хоть чего-то стоите, — кивнул Крустник на кинжал. — Отпустите нашего молодого орленка — он уж поди окреп. И ты — сними эту веревку с воеводинской шеи.

Стоило Ранко потерять опору, как тот не в силах стоять сразу же рухнул на колени. Серго оказался куда крепче, — когда с его шеи скинули петлю, воевода зашелся кашлем и принялся растирать покрасневшую шею, по которой тянулся алый след. Но старик остался крепко держаться на ногах, чем-то напоминая потрепанного, но еще крепкого скоморошьего медведя.

Между ними было шагов десять. И ровно посередине этого расстояния торчал брошенный кинжал Крустника.

— Серго, — княжеский перст уперся еле живому атаману прямо в лоб, — этот человек — причина всех твоих бед. Которых ты не мог решить так долго, даже осмелившись, — поглядел он прямо на Игриша, растянув губы в хитрой полуулыбке, — пойти на сделку с человеком, который называет себя Каурай. Знай же, что сотрудничество с этой мразью было главной твоей ошибкой. Каурай несет с собой только смерть и разрушение. Но ты, надеюсь уже и так понял в какую лужу сел. Большой кровью, но мне удалось согнать проклятого опричника с моих наследных земель. А ты взял его себе на службу, решив что сам Сеншес поможет тебе навести порядок? Неважно. Познакомься же со знаменитым, неуловимым атаманом Баюном! Удивлен? Хорошо же ты знаешь тех, кого берешь на службу. Я полагаю, ты знаешь, что нужно делать, чтобы вернуть хотя бы тень моего расположения. А ты?..

Князь обернулся к Ранко, который пытался изо всех сил не упасть в обморок.

— А ты, дорогой мой Баюн, можешь отомстить за кровного папашу, которого предал и убил этот старый мошенник, — сказал Крустник, опустившись на корточки, чтобы взглянуть в лицо Ранко. — Отомстить за собственную матушку, на которой Серго сначала женился, а потом свел в могилу. Не удивляйся — я знаю о тебе больше, чем ты заслуживаешь, Баюн-атаман.

Князь поднялся и устало оглядел обоих из-под полуопущенных ресниц. “Как вы меня все достали” — читалась одинокая складка на его высоком лбу. Крустник повел плечом и отошел в сторону, отдавая двор в распоряжение кровных врагов. Скоморохи развели лошадей в стороны — посвистывая и посмеиваясь в предвкушении грядущей схватки.

Игриш сглотнул. Он стоял в первых рядах.

На лице Серго лежала густая тень. Старик хрустнул закистыми костями, выпрямился и мигом преобразился — из забитого цепного пса об оборачиваясь затравленным матерым волком, который готовится сделать последний прыжок и разорвать жертву в клочья. Кинжал звал его.

Про Ранко Игриш подобного не мог сказать. Казалось, молодой атаман вовсе не слышал, что говорил ему Крустник. Таким слабым он выглядел. Держать спину прямо и не рухнуть на землю для него уже было достижением.

— С этого двора уйдет новый хозяин Пограничья, преданный мне как родному отцу, — махнул рукой Крустник и опустился на завалинку. — Начинайте, чтоб вас Сеншес побрал!

Под поднявшийся свист скоморошьей банды Крустника оба претендента на княжескую милость начали сходитьсь. Вернее до кинжала захромал Серго, а Ранко пополз к нему на коленях.

Прыти Серго можно было только позавидовать — когда до кинжала оставалась всего пара шагов, он кинулся на рукоять как коршун. Ранко тоже попытался ухватить кинжал, но хваткая рука воеводы оказалась быстрее. Тогда Ранко ушел в сторону — завладев кинжалом, Серго сразу попытался прибить казака к земле, как муху к столешнице. Ранко лишь на волосок разминувшись с лезвием, рухнул на спину, еле слышно ругаясь себе под нос, покатылся,

кинулся вбок, рыча от боли. Серго наседал, не знал жалости: бил кинжалом в то место, где лишь мгновение назад сидел Ранко, рассекал воздух, колол нещадно, раздувая широкие ноздри. Не добившись ничего, принялся топтать и пинать противника, но его ноги только поднимали тучи пыли.

Казак опережал смерть на какой-то миг. Уходил от встречи с ней из последних сил. Серго не отступал — ему нечего было терять.

Их схватка напоминала салочки, где одна ошибка грозила всем. Только затихнув на мгновение, клинок снова искал плоти молодого казака, а тот бросался в сторону как испуганная лань, которая вот-вот попадет на зуб голодному старому волку. Всадники Крустника подбадривали Серго, охали, цыкали и смеялись вслед каждому его неудачному выпад. Пара парней за спиной Игриша даже сделали ставку, что молодой волчонок оступится, и кинжал воеводы войдет ему прямо в левое ухо.

Не сломался. Но вечно эта беготня в пыли и поту не могла продлиться. Земля под ногами смертников готовилась принять кровь.

Настал тот миг, и кинжал Серго нашел долгожданную цель. И впился Ранко в бедро. Тот вскрикнул, оступился и пропустил второй удар, который рассек ему плечо. Алая влага щедро окропила землю. Казак повалился навзничь, обливаясь кровью, которая пенилась двумя черными пятнами.

Торжествующий Серго с жутким рыком навалился на него, целясь в трепещущее сердце ненавистного Баюна. Ему нечего было терять.

Это было последним, что отважился увидеть Игриш. Когда два грязных тела сплелись, он закрыл глаза, вжал голову в плечи, ожидая услышать страшный предсмертный вскрик и рухнувшую вослед тишину.

Удар. Еще удар торопливого сердца. Услышал он только тишину. Потом ушей коснулся стон, грязная ругань и звук возни.

Осторожно приподняв веки, Игриша пробил холодный пот. Ранко был еще жив. Скоморохи взревели.

Кинжал воеводы торчал из земли — прямо над ухом молодого казака. Лезвие располосовало верхний край надвое и готовилось рассечь тому висок. Но рука Ранко держала скрипящего зубами Серго за предплечье, прижимала его к земле — другая же сжимала старику горло, пытаясь выдавить из него последний вздох. Воевода тужился, пыхтел, исходил слюной и кряхтел, силясь вырвать кинжал из земли и положить конец этой комедии. Но Ранко не сдавался — драл кадык из глотки врага. Воевода не отставал — лупил злейшего врага по лицу израненной рукой, сворачивая ему нос на бок. Но тот только скрипел зубами и сильнее сжимал пятерню.

Тут грудь молодого казака побагровела. Все те раны, которые он получил в схватке с колядниками, немедленно открылись, словно устали ждать, пока противники закончат свое глупое противостояние. Ранко булькнул и задрожал, но не разжал пальцев, слабеющих с каждым ударом сердца.

Серго ухватил шанс за хвост, и что было сил пытался сломать хватку. Пядь за пядью кинжал потащило из земли.

Противники дернулись. Рука Ранко оставила набухшую шею воеводы и полезла искать его глаза, едва не лопающихся от натуги. Кинжал вскинут — он смотрел на свою жертву свысока, но на его пути стояла все та же преграда, железная хватка. Воевода застонал, когда пальцы казака уперлись в уголки его глаз, замотал головой, пытаясь сбросить пятерню, но

тщетно. В отчаянии Серго исторг из себя чудовищный крик, когда с его подбородка закапала кровь, но только сильнее навалился на кинжал уже двумя руками. Ему нечего было терять.

Кинжал дрожал, но опускался. Все ниже и ниже, кланясь острием к груди, где бешеным набатом заходилось молодое сердце. Кровь капала, заливала Ранко лицо, он слизывал ее с разбитых губ, скрежетал зубами, лихорадочно пытаюсь выиграть еще несколько драгоценных мгновений. Его глаза закатились за веки. Под ним растекалась поблескивающая на солнце красная лужа.

Кинжал дрожал, но опускался. Дрожал, но опускался, опу...

Никто не понял, что произошло дальше. Клинку, на кончике которого замирала смерть, осталось преодолеть расстояние в палец толщиной, однако в какой-то момент Серго оставил борьбу. Грозное оружие само собой выскользнуло из его пальцев и просто упало на грудь Ранко, лишь слегка задев его острием.

Серго — вернее, та полуослепшая трепещущая гора мяса, которая лишь напоминала Серго — распрямилась и выдохнула всем грузным телом, прежде чем подняться на ноги. Скоморохи завертели головами, пытаюсь понять, что заставило почти сломавшего Ранко воеводу отказаться от победы, которая грозила войти в анналы Пограничья.

А потом Игриш увидел ее.

Она была незаметной, почти призрачной фигурой в длинном плаще с капюшоном, которая выросла за спинами скоморошьей банды, всецело занятой схваткой двух бойцовых петухов. Игриш заметил ее краем глаза — лишь тень, мгновение, прежде чем ее не стало. Один он, и еще, кажется, Крустник, учитывая, как князь изменился в лице, когда она подняла руку и сжала кулак.

Воевода вскрикнул и сложился пополам, хватаясь за мясистую грудь трепещущими пальцами. Пару мгновений он неваляшкой качался на одном месте, пока не удержался на подкосившихся ногах и рухнул на спину. Бездыханным и старым, пыльным мешком.

Все было кончено.

От воеводы сильно воняло, и Игриш не стал подходить к телу слишком близко, когда улюлюкающие солдаты сбежались поприветствовать победителя. Вернее то, что от него осталось.

Потом среди скоморошьей банды говорили, что у “старого пердуна екнуло сердечко, и он рассыпался”. Но Игриш этому не поверил. Он видел блеск глаз янтарного оттенка, выглядывающих из-под капюшона, и кусал губы.

Эпилог

— Эй, одноглазый... Одноглазый! Ты где? Слышишь?! Где... хоть кто-нибудь... Мама!

— Тихо ты!

— Ой... Ты кто? Ты где?!

— Здесь. Слышу я. Не бойся. Это я.

— Да кто я?

— Одноглазый. Каурай. Не шуми. Нету смысла тут шуметь. Ты уже сделала все, чтобы тебя услышали.

— Где мы?

— Хм... А ты не знаешь?

— Нет!

— Как мило.

— В смысле?

— Как мило, что ты не знаешь, что только что затащила нас в Лимб.

— Лимб?! Какой еще Лимб? Я не собиралась...

— Может быть и не собиралась, но именно это ты сделала. Лимб — это пограничная зона. Пограничье, только на изнанке. Здесь обитают привратники, заблудшие души и... странники. Теперь помолчи. Голова и так кругом.

— Да как? Как молчать?!

— Молча. Единственное, что в Лимбе есть хорошего — это тишина. И то ты портишь ее своей истерикой.

— Ты рехнулся?! Надо выбиратья!

— Зачем? Ты же сама хотела увидеться с Виём. Чем ты недовольна?

— Я всего лишь хотела загадать желание! Всего одно желание! Мне больше не надо! Я не хотела лезть ради этого в этот твой Лимб!

— Может быть. Но твоя иголочка оказалась порталом. А титан оказался проводником. Вернее правой рукой Вия. И эта правая рука отвела нас по адресу. Радуйся.

— Нет! Чему радоваться? Я ничего не вижу! Я ослепла!

— Успокойся. В Лимбе нет света. Вечная тьма. Возьми меня за руку.

— Где? Где?.. Только не уходи... Прошу.

— Вот, вот она! Спокойней. Я рядом.

— Ты тоже ничего не видишь?..

— Нет, я как раз вижу. У меня глаз получше твоего. Пришлось отрезать дюжину пальцев, чтобы получить такой. Тебе не рекомендую. Успокоилась?

— Еще чего... Хорошо. Что дальше?

— Дальше? Ждать.

— Чего?

— Того, кто нас сюда пригласил.

— И... сколько ждать?

— Не знаю. Странники могут... странствовать. И им явно не до посетителей, которые обивают пороги в прихожей. Возможно, нам придется подзадержаться здесь.

— Ты шутишь?

— Почти. И я хотел бы знать наверняка. Слышишь?

— Что?..

— Кто-то.

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

— ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ! — пророкотал у них над ухом железный голос. — Н ВИЖУ!

— Мамочки! — завизжала Божена, когда два мощных луча света пронзили вечную тьму Лимба. Одноглазый схватил ведьмочку в охапку и прижал к земле. Закрыв ей глаза ладонью, он зашипел в ухо, чтобы она не думала поднимать голову, если хочет сохранить рассудок.

А сам разогнулся, закрывая левый глаз. Ему тоже не стоило рисковать.

Говоря со Странниками, никогда не знаешь наверняка. Когда. Где. И кем ты окажешься, когда разговор будет окончен. И сколько им потребуется прошагать, чтобы вернуться к той точке, с которой они начали. Возможно, потребуется куда больше времени, чем в прошлый раз.

В любом случае, Каурай постарается собрать их с ведуньей воедино. Как сможет.

А желания. Пусть их загадывает Божена. С него хватит желаний.

Больше книг на сайте - Knigoed.net